

vk.com/bellauroora_pepperwinters

СКАРЛЕТТ РЭД

В тени
ЧАСТЬ 2

П.Т.МИЧЕЛ

Пролог

Мама кричит мне, чтобы я взял телефон из ее тумбочки. Ее голос звучит громче, чем обычно, и эхом разносится по коридору. Я открываю глаза и пытаюсь встряхнуть сон из своей головы. *Какой телефон? Неужели она забыла, что он отключен? Глупые медицинские счета.* Я смотрю на часы: одиннадцать минут второго. Мама, должно быть, собирается идти спать. Обычно она читает допоздна, утверждая, что это помогает ей забыть о боли. Я тру лицо, задумываясь, не приснилось ли мне, что она зовет меня. В тот же момент она снова кричит, и я слышу, как дверь нашей квартиры с шумом захлопывается.

Что происходит?

Я вскакиваю с кровати и, спотыкаясь, слепо бегу к маме, стоящей в центре зала. В квартире темно, только тени на стенах и проникающий сквозь жалюзи уличный свет. Человек в лыжной маске приближается к ней.

— Шевелись! — рявкает он грубым голосом.

— У нас ничего нет, — ее тихий голос дрожит. — Даже телевизор сломан.

Я останавливаюсь позади нее, но она выбрасывает руки, не давая мне обойти ее.

— Отойди, Себастьян!

Я выгляжу взрослым для семнадцатилетнего подростка, и человек в маске, вероятно, чувствуя угрозу, быстро переводит пистолет на меня и сужает свои темные глаза.

— Нет! — кричит мама и прыгает к пистолету, когда он стреляет.

Ее отбрасывает назад, ко мне, и я ловлю ее.

— МАМА! — кричу я, застыв в оцепенении.

Мы падаем на пол, в то время как преступник выпускает в нас всю обойму. Мое сердце колотится в страхе за маму, я крепче прижимаю ее к себе и чувствую, как ее тело вздрагивает от каждой пули.

Хочу закричать на этого гребаного ублюдка, но ничего не выходит. Я в шоке, и все, что могу сделать, это лежать, словно застывший, пока человек разворачивается и, не торопясь, как будто он только что доставил пиццу, а не изрешетил маму насквозь, уходит из нашей квартиры.

Теплая кровь сочится сквозь мои пальцы, у меня не получается остановить ее, пока она течет из ран. Я сдерживаю страх, пытаюсь помочь, но у нее слишком много ранений.

Ты должен набрать 9-1-1. Позвонить. Нет чертового телефона! Никто не рискнет предложить свою помощь, опасаясь быть следующим, кто поймает пулю. Мама сказала что-то о телефоне в своей тумбочке. Я осторожно опускаю ее и бегу в ее комнату. Открываю ящик и нахожу в нем небольшой телефон.

Откуда он взялся?

Хватаю его и набираю 9-1-1.

Вызвав скорую, мчусь обратно к маме, ожидая сирен.

Сердце колотится, когда я смотрю на телефон в руке и на свои пальцы, липкие от крови.

Где она взяла его?

Открываю телефон еще раз и пытаюсь посмотреть историю вызовов. Нет предыдущих звонков. И лишь один номер хранится в контактах.

Без имени. Просто номер.

Я набираю его и прикладываю трубку к уху.

— Алло? — человек отвечает сонно.

— Мне кажется, я ошибся номером, — хрипло отвечаю я.

Когда я уже собираюсь повесить трубку, человек говорит:

— Себастьян? Все хорошо?

Я хмурюсь.

— Кто это?

Человек тяжело вздыхает.

— Твоя мать в порядке?

— Нет, — сиплю я, качая головой. — Она не двигается.

Человек что-то говорит, но сирены начинают реветь у меня в ушах. Они становятся все громче и громче, и я чувствую, что мои барабанные перепонки сейчас лопнут. Как только я начинаю кричать, чтобы они остановились, мои глаза распахиваются.

Делая резкий вдох, я тру руками свое лицо, а затем хватаю звонящий телефон с тумбочки. Пять утра светится красным цветом на дисплее.

— У вас есть пять секунд, чтобы доказать, что это стоит моего времени, — рычу я в телефон.

— Я предполагаю, что вы Себастьян. Я детектив Билл Дэнверс. Карл Резински из девятого участка посоветовал вашу фирму, сказал, что вы замечаете вещи, которые не видят другие. Мы хотели бы, чтобы вы приехали взглянуть. Сейчас я готов заплатить проклятой Зубной фее, только чтобы поймать этого ублюдка.

— От имени «БЛЭК Секьюрити», пошел к черту, Дэнверс!

Когда я уже собираюсь завершить вызов, человек кричит:

— Подождите! Извините, что так вышло. Слушайте, я зашел в тупик в этом деле. Это вторая рыжая в этом году. А два года назад были еще пять, тот же почерк. Все были задушены и оставлены голыми, с кровавыми ранами и рубцами на всем теле. Урод смешивает кровь жертвы из ран с пищевым красителем, чтобы сделать ее еще ярче, а затем он разбрызгивает все это по месту преступления. Это его особая визитная карточка. Мы не можем допустить, чтобы этот парень сделал это снова. Вы сможете нам помочь?

Нехотя, я соглашаюсь встретиться с ним по адресу последней жертвы в течение получаса. *Ярко-красный*. Каждый раз, когда я вижу этот цвет, я непроизвольно думаю о Ней. Сегодняшнее преступление более зверское, чем предыдущие. Вот почему я больше всего ненавижу кровавые убийства.

Что Рэд делает сейчас?

Я никак не могу выбросить ее из своих мыслей.

Думала ли она обо мне хоть раз за последние три года?

Тряхнув головой, проясняя ее, я встаю, чтобы принять душ, радуясь отвлечению от прошлых сожалений.

Я вспоминаю свой сон, как только ступаю под горячую воду. Прошло немало времени с тех пор, как мне снилась смерть матери. Слишком много других кошмаров появилось после, заполняя темное пространство и отодвигая мысли о ее смерти в дальние уголки моего разума. Возможно, я никогда не смогу смириться с тем, что дело до сих пор не закрыто. На днях я попросил его у приятеля из правоохранительных органов. Мне интересно, насколько будет отличаться то, что я помню от того, что написано в файле.

После того как я встречу с этим детективом и обследую место преступления для него, я отправлюсь на длительную пробежку, чтобы очистить голову, и наконец-то открыть папку

Глава 1

Талия

— Я думаю, это мероприятие на курорте «Хоторн» пойдет тебе на пользу, Талия.

Радуюсь, что голос тети Ванессы звучит через динамики ноутбука, я отрываюсь от покраски ногтей и смотрю на экран. Я уже написала целую главу. Слова рассказывают историю. Но достаточно ли эта история убедительна? Я вздыхаю, глядя на свои розовые ногти — мою попытку оттянуть неизбежное. У меня есть три месяца, чтобы написать последнюю книгу из трилогии и отправить ее редактору. Шевеля пальцами ног, я оцениваю результат и, отвечаю в направлении ноутбука:

— Ты же знаешь, что я предпочитаю ездить в Мартас-Винъярд осенью.

— Но ты должна поехать прямо сейчас, дорогая. Там красиво в летнее время. И я держу пари, что тебе нужно немного позагорать. Вот, наверное, почему ты не включила веб-камеру. Я предпочитаю видеть твое лицо, когда мы разговариваем.

— Я не включила ее, потому что работаю, — отвечаю, печатая несколько бессмысленных фраз на клавиатуре, так, чтобы она это услышала.

— Тогда почему я слышу стук клавиш только сейчас?

— Все потому что ты отвлекаешь меня.

— Когда я получила это приглашение на вечеринку для одиноких, я сразу же подумала о тебе, — она продолжает, как ни в чем не бывало. — Ты просто обязана его взять!

— Это ты должна поехать! Это именно то, что тебе нужно, — моя тетя была вдовой уже в течение года. Она поздно вышла замуж и по трагической иронии судьбы потеряла Джорджа из-за рака всего через три года после их свадьбы.

— Они младше, Талия. Плюс я еще не готова вернуться в седло, дорогая, и, вероятно, никогда и не буду. Во всяком случае, Чарли развлекает меня. Он хочет, чтобы мы заехали в пару виноделен в эти выходные. Ему нужен идеальный подарок на день рождения Стюарта.

— Жаль, что Чарли играет за другую команду. Из вас двоих могла бы получиться отличная пара.

— Верно. Он просто использует меня, но хватит о нас. Мероприятие отеля «Хоторн» будет идеальным. В приглашениях, которые были разосланы, указано, что это будет череда интересных встреч ради развлечения. Поезжай и развейся.

Я фыркаю.

— Это не про меня, и ты это знаешь.

— И в этом весь смысл, Талия. Тебе нужно сбежать от себя. Ты через многое прошла за последние пару лет. Сначала «Трибьюн» третировали тебя, затем измена Натана. Я — единственная, кто был с тобой все это время и единственная, кто поможет тебе, несмотря ни на что, и я уверена, что вся эта неразбериха в твоей жизни лишь потому, что ты не знаешь, что делать дальше. Ты боишься попробовать что-то новое. Я права? Что будет, когда ты закончишь эту книгу?

Спасибо, что вспомнила мое прошлое дерьмо, тетя Ванесса. Мне удавалось не думать слишком много о том ужасном периоде в моей жизни — до того момента, как я начала писать.

— Всегда найдутся новые тайны, о которых можно будет писать, — легкомысленно отвечаю тете. — Кто еще может сказать, что они зарабатывают тем, что сидят и выдумывают что-то весь день? Это же работа мечты.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Я хочу видеть тебя чаще, чтобы ты проводила немного времени с семьей. Ты всегда так занята, прячась за своей работой.

И в этот момент на одинокий бриллиант на моем пальце падает солнечный свет, отчего тот бросается мне в глаза. Он сияет так, словно издевается надо мной, и слова моей тети прокручиваются в голове снова и снова. Я стискиваю зубы и прикрываю бриллиантовое кольцо Натана другой рукой.

— Я вовсе не прячусь. У меня последний срок сдачи.

— Я знаю, что твоя последняя книга не получила должных отзывов, учитывая, что ты получила такое распространение. У тебя есть время, чтобы взять несколько дней отпуска. Ты собираешься в «Хоторн». Я позвоню туда и дам знать Тревору, что ты приедешь. Он всегда готов хорошо провести время.

— Хорошо провести время? Ты что, пытаешься устроить мне свидание с ним? Эм, без обид, но я не подбираю объедки, — говорю я, поворачиваясь в кресле, для того чтобы вернуться к писательству.

Смех тети Ванессы доносится через динамики моего ноутбука.

— Боюсь, Тревор слишком молод для меня. Ему под тридцать, и это делает его идеальным для тебя.

— Он массажист? — я поддразниваю ее.

— Тревор нечто большее. Официально он может быть пилотом вертолета на курорте, но так как он живет в «Хоторне», он вроде мастера на все руки, что означает, он делает всего понемногу, от поддержания безопасности до... ну, скажем так, я видела несколько дам, которые жаждали воспользоваться его услугами. Он определенно радует глаз.

Я внутренне съеживаюсь, надеясь, что она не будет продолжать этот разговор о сексе.

— Воу-воу-воу! — Кэс говорит через мое плечо, отчего я подпрыгиваю. — Что бы ты ей не предлагала, если в этом замешаны красавчики, она в деле. А можно мне тоже?

— Ах, я не знала, что ты там, Кэсси. Я говорила о поездке Талии на мой любимый курорт, «Хоторн», на острове Мартас-Винъярд, на длительное мероприятие для одиноких.

— Я только что вернулась с изнуряющей фотосессии, — Кэс кидает чемоданчик на колесиках на диван и перебрасывает сумку для фотоаппарата через плечо.

Я наблюдаю, как Кэс перебрасывает рукой свои длинные темные волосы, разметавшиеся по дивану, и пытается восстановить дыхание. С ее шикарными волосами и светло карими глазами вы бы подумали, что ее место перед камерой, а не позади нее. Но вместо этого, она летала в Париж, Лондон или Нью-Йорк и проводила одну фотосессию за другой весь последний год. Из-за этого мне кажется, что я живу одну большую часть времени.

— Я достану приглашение и тебе дорогая. Возьмите что-нибудь повседневное и официальное. Курорт обеспечит вас всем необходимым.

— А можем мы полетать на вертолете? Этот Тревор кажется неплохим малым.

Моя тетя смеется.

— Я посмотрю, что можно сделать. И теперь, Талия, когда едет твоя лучшая подруга, ты не сможешь найти оправдание чтобы не поехать.

Я стреляю в Кэс убийственным взглядом, на что она лишь ухмыляется, а затем она

заявляет тоном, не оставляющим сомнения:

— Она едет. Самое время для побега в Винъярд! Спасибо, тетя Ванесса.

Глава 2

Талия

— Ну, что насчет взгляда нашего пилота? Оцени, с какой скоростью он уничтожает трусики, — Кэс тяжело дышит в трубку. — Они спадают с первого взгляда или медленно соскальзывают во время продолжительного пылкого взгляда?

Моя рука сжимает телефон:

— Почему ты спрашиваешь? Сама скоро увидишь.

— Мммм, ты не поверишь! — визжит она в мое ухо.

— О, нет! — Я тащусь со своим чемоданом по направлению к вертолетной площадке. И я узнаю этот супервозбужденный тон. — Лучше бы твоя задница была в такси на пути к аэропорту!

— Да, насчет такси...

— Кэс! — я шиплю в трубку. — Я знала, что «быстрый завтрак» с Сержио сегодня утром был плохой идеей!

— Прости, Талия. Он организовал съёмку для Симоны и Николая в Греции, но потом его фотограф чем-то отравился, поэтому он позвонил мне. Ты хоть представляешь, как я хочу сфотографировать каждого из них? А снять их двоих вместе — редкостная удача! Я не могу упустить этот шанс. Эта съемка может меня прославить.

— Ты уже прославлена. — Замечаю, что пилот вертолета поглядывает на часы. Ну, класс, он раздражен еще больше, чем я.

— Слушай, поезжай без меня. С тех пор, как Натан предал тебя, ты настолько выпала из жизни, что я удивлена, как твоя промежность еще не скрипит при ходьбе. Ты же понимаешь, что без смазки у тебя там все нафиг проржавеет?

Закатывая глаза, я говорю:

— Ты неподражаема, ты знаешь об этом?

— Ну, для этого и нужны друзья. И слушай, сняла бы ты лучше его кольцо. Я знаю, ты вчера его напялила, чтобы помнить, какой же Натан все-таки осел. То, что он так обидел тебя, еще не значит, что все такие. Этот кретин изменял тебе.

Она не в курсе, что Натан пытается связаться со мной, по крайней мере, раз в месяц с тех пор, как я бросила его. Иногда посредством смс, иногда е-мейлов, но вот его звонок пару дней назад действительно меня удивил.

— Здесь не только его вина, Кэс. Есть вещи, которые я ему не позволяла, и это усложнило наши отношения.

Я слышу, как хлопает дверь, и что-то пищит на заднем плане.

— Что, например? — Кэс шепчет в трубку, ее голос звучит заинтригованно.

— Ну... оральный секс, например, — отвечаю тихо.

— Чего? Ты сбрендила? Столько женщин могут только мечтать об этом! — она замолкает, видимо, не может говорить слишком свободно. — Почему нет?

— Не знаю. Не позволяла и все.

Она фыркает.

— Похоже, у кого-то никогда не было хорошего орального секса, а иначе и этого разговора сейчас бы не было.

Ее саркастичный комментарий будит воспоминания о шелковистых волосах Себастьяна, скользящих между моих бедер, его мощных руках, держащих мою задницу, пока его язык врывается глубоко в мое сокровенное местечко. Краска медленно заливает мое лицо. Боже, прошло уже три года, а я все еще чувствую тепло его рук, которые властно гладят мое тело, горячая влага его рта заставляет меня таять, будто это было только вчера. *Думает ли он обо мне так же часто, как и я о нем?*

Себастьян Куин — единственный мужчина, которого я хочу, и который никогда не будет моим.

Одной ночи с ним тогда, на маскараде, явно мало, но, к сожалению, так должно быть. У Себастьяна слишком хорошая интуиция, он из тех, кто не позволит оставить мое прошлое в прошлом. А мне нужно похоронить все воспоминания. Вместе со всеми воспоминаниями о нем.

Так много раз мне хотелось посмотреть на него, но я никогда себе этого не позволяла. Моя воля оставаться в стороне не так уж сильна. Держать его вне поля зрения — моя единственная защита, ведь он всегда в моих мыслях. Не говоря уже о том, что известие, что с ним могло что-то случиться, пока он был в отряде «Морских котиков», просто-напросто убьет меня. Ну, будет чуть менее болезненно, если он женился на потрясающей женщине и у них теперь двое прекрасных детей, один из которых имеет папины волосы, черные как смоль, и двухцветные глаза.

— Если ты так надолго зависла, то, похоже, реально не было, — сухо говорит Кэс, выдергивая меня из моих бессвязных мыслей.

— У меня был хороший оральный секс, — я раздражаюсь. — Я просто не была готова к такой интимности с Натаном.

— Если ты не готова к этому с Натаном, тогда не должно было быть никакой помолвки. Я так рада, что ты проветришься на выходных. Расслабься, понежись на солнышке, повеселись! Тебе это нужно, девочка.

Я не стала говорить ей, что уже развернулась и направилась обратно в терминал. Вдруг мужской голос окликает меня:

— Вы мисс Лоун?

Кэс хихикает мне в ухо:

— Оо, твоя тетя забронировала поездку для тебя под вымышленным именем? Инкогнито. Поезжай. Оторвись там. Когда я вернусь, хочу узнать каждую грязную подробность. И я надеюсь, что твой рассказ будет по-настоящему потным и грязным.

— Думаешь только об одном! — бормочу в трубку, затем резко разворачиваюсь, ручка чемодана скользит в моей ладони.

— Это все, что у вас есть? — спрашивает парень глубоким хриплым голосом, который ассоциируется с придорожными закусочными, накуренными барами и тусклыми танцполами. Кэс бы назвала этот голос «секс-на-палочке».

— Господи, это самый трусико-сбрасывающий голос, который я когда-либо слышала. Пожалуйста, скажи, что он выглядит соответствующе!

Я вешаю трубку и выглядываю из-под полов моей федоры, щурясь через солнечные очки на темноволосого парня.

— Да, это я, и, да, только один чемодан.

— Где мой второй пассажир? — Он оглядывается, солнечный блик отражается от его авиаторов, акцентируя его густую щетину. Еще пара дней и будет полноценная борода.

— К сожалению, моя подруга не приедет.

Кивнув, он толкает ручку моего чемодана вниз и поднимает его. Я иду за ним и, ничего не могу с собой поделать, рассматриваю отлично сложенную задницу в коричневых шортах-карго, пока он укладывает мой чемодан в задней части вертолета. Должно быть, он усердно работает над своей мускулатурой. Он открывает пассажирскую дверь для меня.

— Будете вторым пилотом.

Я оглядываю задние сидения.

— Я не против сидеть там.

— Вас укачивает? — спрашивает он, хмурясь.

— Нет! — быстро отвечаю, стараясь не смотреть, как черная футболка очерчивает его скульптурное тело. Его рост и цвет волос такие же, как у Себастьяна, и я испытываю укол сожаления из-за отсутствия возможности лучше рассмотреть его лицо в ту ночь в темной спальне. Вспышки молний, приглушенные стеной деревьев у окна, дали лишь небольшое представление о его лице — его глаза и лоб, уши и волосы, его подбородок и рот, а также ямочка на щеке, когда он улыбался, — но никакой полной картинке его лица, чтобы бережно хранить в своей памяти.

— Готовы?

Я киваю, стараясь выкинуть из головы сравнения с Себастьяном. Голос парня и общее поведение сильно отличаются от него. Парень вида «Пиво и начос».

— Тогда погнали. Спереди будет лучший обзор, — говорит он, ожидая, пока я заберусь внутрь кабины.

Не спрашивая, он хватается мой ремень безопасности и наклоняется, чтобы пристегнуть меня. Я отрываю взгляд от его темных волос, переводя внимание на длинный шрам, идущий с обратной стороны его правой руки. Понятно, что не игрой в гольф он его заработал. Да, у него определенно есть изъяны, несмотря на то, что он уделяет много внимания своему телу.

Пристегнув, он дергает мой ремень безопасности:

— Комфортно и крепко?

Я хихикаю над его деловым подходом. Определенно, это не тот кокетливый Тревор, которого я ожидала увидеть, но моя тетя была права в одном: он однозначно очень приятен глазу, крышесносный типчик. Кэс бы толкала меня локтем и шепотом отпускала пошлые комментарии.

— Я никуда не убегу.

Кивнув, он закрывает мою дверь и забирается со своей стороны, нажимает несколько кнопок, запуская двигатель, и лопасти вертолета начинают крутиться над нами.

— Вы когда-нибудь прежде летали на вертолете, мисс Лоун?

— Нет, и зовите меня Ти.

Он улыбается и протягивает свою руку:

— Приятно познакомиться, я Бас.

Бас? Что-то скручивается узлом внутри меня, и мое дыхание останавливается. *Бас от Себастьян?*

Я быстро отдергиваю руку, он спускает солнечные очки и смотрит на меня, щурясь от солнца.

— Все в порядке? Вы нервничаете из-за полета?

Два великолепных голубых глаза смотрят в мои — не уникальные глаза Себастьяна один — голубой, другой — карий. Мой мозг начинает сравнивать, просто, чтобы удостовериться. Хоть Бас и накачанный, он все же выглядит стройнее, чем Себастьян. У них разные глаза, и его волосы длиннее, достают до воротничка, у Себастьяна же короткая стрижка. У Баса борода, и его голос, определенно, более глубокий и хриплый. Он не Себастьян. Смесь разочарования и облегчения затапливает меня, и я пытаюсь успокоить свои нервы. Мне и вправду нужен отдых.

— Я не нервничаю. Так, Бас? Типа, как Робкий? (от англ. Bashful — робкий). А я думала, ты совсем-не-робкий Тревор.

Усмехаясь, он надвигает свои солнечные очки обратно на нос и дважды проверяет свой ремень безопасности.

— Нет, просто Бас. Я тут заменяю своего приятеля, у Трево́ра два года не было отпуска. Я ухмыляюсь:

— Я слышала, твой приятель уже хорошенько отдохнул в «Хоторне». Его репутация идет впереди него.

Его взгляд остужает меня. Темные брови нахмурены под солнечными очками, пока он надевает гарнитуру.

— Иногда нам нужен отдых от самих себя.

Резкость его тона удивляет меня. Определенно, у моей тети лишь поверхностное представление о его друге.

— Могу себе представить, — говорю, кивая в знак согласия. Сняв шляпу, пропускаю волосы через пальцы, через мгновение они свободной волной падают мне на плечи.

— Черт возьми! — бормочет Бас, привлекая мое внимание. Как только я оборачиваюсь к нему, его взгляд за солнечными очками тут же утыкается в приборную панель, в следующее мгновение, поправив гарнитуру, он связывается с диспетчером.

Что происходит? Все же в порядке с вертолетом, да? Я быстро осматриваю мигающую приборную панель, как будто ожидая обнаружить там красную лампочку с черными буквами: *ПРИГОТОВЬСЯ УМЕРЕТЬ, ТАЛИЯ* Так как уши Баса заткнуты гарнитурой, а двигатель вертолета ревет, нет никакой возможности поддерживать разговор без ора, и я, успокаиваясь тем фактом, что он не бьет кулаком по приборной панели, в надежде, что там что-то заработает, сосредотачиваю свое внимание на своей шляпе.

Моя шляпа, в дуэте с темными очками, дает необходимую маскировку. После релиза моей второй книги у меня появились поклонники, но, в последнюю неделю, после моего интервью на местном ТВ-шоу, меня по-настоящему начали узнавать на улице. Это было волнующее и настораживающее ощущение. Я привыкла к анонимности, которую давал мне мой псевдоним, под которым я печатаюсь. Действительно ли я готова расстаться с ним, только чтобы продать больше экземпляров?

Задумываясь об этом, меня осеняет, что мое интервью на ТВ также объясняет внезапный интерес Натана. Я была настолько ошарашена его звонком на следующий день, что взяла трубку.

— *Что тебе нужно, Натан?*

— *Вернись, Талия. Клянусь, это не то, что ты думаешь!*

Картина, как хорошенькая блондинистая стажерка расстегивает ему штаны, когда я захожу в офис, чтобы сделать ему сюрприз, всплывает у меня в голове. Этих воспоминаний

достаточно, чтобы мой желудок снова сжался.

Онемев от боли, я закатываю глаза:

— Даже если ничего не было, как ты утверждаешь, ты не должен был позволять себе зайти так далеко.

— Она сама пришла! Я ни в чем не виноват!

Подозреваю, что в этот момент он запускает пятерню в свои короткие русые волосы. Он всегда так делает, когда расстроен. Вообще, не хочу о нем думать. Сжав трубку, говорю:

— Но ты и не думал ее останавливать, да?

— Талия, я скучаю по нам. Все не так без тебя. В офисе. Дома. В кровати. Тебя нет! Я хочу, чтоб эти прекрасные рыжие волосы рассыпались по моей подушке. Просто поверь мне. Я подожду. Я даже могу помочь тебе вернуться на работу.

— С меня хватит.

— Ты этого не хочешь! Слушай, позволь мне помочь. Я бы все сделал для тебя, но ты никогда не позволяла. Ты всегда сохраняла дистанцию между нами, не подпуская ближе к себе. Я понял, что это было не из-за меня, просто ты вот такая.

— Мне не нужна твоя помощь, Натан, — сказала я и бросила трубку.

Эта замкнутая личность, про которую говорил Натан, не настоящая Талия. Себастьян — единственный, кто видел настоящую меня. Но, тот факт, что Натан упомянул мои рыжие волосы, говорит о том, что он смотрел то ТВ-шоу, потому что я была блондинкой все то время, что мы были вместе.

Вертолет взлетает и выдергивает меня из моих мыслей. И поскольку нет никаких тревожных сигнальных огней или воющих сирен, я расслабляюсь и удобнее устраиваюсь в кресле, чтобы насладиться видом.

Сорок минут спустя, Бас плавно сажает вертолет. Он не говорит, только снимает гарнитуру и спрыгивает на землю.

Пока он открывает заднюю дверь, чтоб достать мой чемодан, я пытаюсь отстегнуть свой ремень безопасности, но никак не могу найти кнопку. Помимо всего прочего, мне мешают мои солнечные очки, а так же тот факт, что мы сели в тени здания. Кинув очки на колени, я снова пытаюсь нажать на кнопку, и в этот самый момент Бас открывает мою дверь.

— Пытаюсь отстегнуться, — говорю я, глядя на него и все еще давя на защелку.

Бас не отвечает, не делает ни одного движения, чтобы помочь. Он как будто застыл на месте, я не могу понять выражение его глаз за солнечными очками. Вздохнув, я прекращаю попытки.

— Это сложнее, чем я думала.

Он качает головой, потом наклоняется. Убрав мои руки с дороги, одним движением освобождает меня, потом говорит грубовато:

— Вы свободны.

Когда он отходит, я смеюсь над собственной неуклюжестью:

— Похоже, это просто, если знать, что делать.

— Без соответствующего опыта вы так просто не освободитесь, — говорит он сдавленным голосом, скрестив свои мускулистые руки.

Внезапно я чувствую себя голой, разоблаченной, как будто он обнажил меня. Я прячусь за солнечными очками, затем надеваю шляпу.

— Спасибо за полет. Я ценю это.

Он задерживает на мне свой взгляд, затем отступает, вытаскивая ручку моего чемодана:

— Добро пожаловать в «Хоторн», мисс Лоун.

Почему он вдруг стал таким жестким и формальным? Это потому что мы приземлились в «Хоторне»? Обдумываю это, вылезая из вертолета.

— Спасибо.

Когда я подхожу за своим чемоданом, он крепче хватается за ручку.

— Вы здесь ради последнего отрыва перед началом серьезной жизни?

На секунду я решаю, что он клеится ко мне, но, проследив его взгляд на обручальное кольцо на моей вытянутой руке, до меня доходит. Его очевидное осуждение выводит меня из себя и, вместо того, чтобы ответить: *«Нет, я просто приехала к другу и ношу это кольцо, чтоб свести к минимуму ухода за парней»*, говорю:

— Вообще-то, я приехала за вдохновением. Я писатель я пишу про глупых пилотов.

Затем я разворачиваюсь и иду в основное здание. *Пусть поразмыслит, какие именно книги я пишу.*

Глава 3

Талия

— Мисс Лоун, рады приветствовать вас! — широко улыбается мне седовласый мужчина и, застегнув пиджак вокруг округлого живота, выходит из-за стола. — Счастлив снова видеть вас в качестве специального гостя мисс Грейнджер. Надеюсь, полет на вертолете был приятным?

Если не брать в расчет такого осуждающего и темпераментного пилота? Я улыбаюсь владельцу курорта.

— Полет прошел быстро и без осложнений, мистер Хоторн.

Меня забавляет тот факт, что моя тетя, бронируя апартаменты для меня, всегда указывает меня, как «свою специальную гостью, автора бестселлеров Ти. Эй. Лоун и никогда, как свою племянницу. Планирую подразнить ее тем, какой претенциозной она стала.

— Отлично, — говорит он, утвердительно кивая. — Мы взяли на себя смелость поселить вас в бизнес-люксе в западном крыле отеля. Надеюсь, это поспособствует вашей подзарядке. — Похлопав меня по руке, он усмехается. — Конечно, мы запланировали некоторые мероприятия для вас, если вы надумаете присоединиться. По-моему, в ваших книгах присутствует доля романтики, не так ли? По крайней мере, так сказала Патти. На вашем столе вас будет ждать список всех мероприятий.

Ухмыльнувшись, я киваю.

— Да, романтика красной нитью проходит через мои книги. Спасибо вам большое. Вы и ваша жена потрясающе гостеприимны. Надеюсь, разместить Делию Чамберс в моих апартаментах не стало большой проблемой?

Его рука сжимается вокруг моей.

— Конечно, нет, мисс Лоун. Такая трагедия.

Я отпускаю его руку и хмурюсь.

— Какая еще трагедия?

Секунду он моргает, как будто пропуская через фильтр все сказанное мною.

— О, так вы не знаете?

— Знаю что? — спрашиваю срывающимся голосом.

— Мисс Чамберс была доставлена в больницу с анафилактическим шоком после прогулки по городу. Когда я позвонил туда проверить ее, доктор сказал, что они не смогли ее спасти, и она скончалась.

Мое сердце бешено стучит.

— О нет. Я и не знала. Какой ужас.

А я-то думаю, почему Делия не отписалась мне, понравилось ли ей в «Хоторне» в прошлом году. Людям, оказавшим мне поддержку в запуске масштабной кампании в СМИ после выхода второй книги, я сделала подарки. Делия вместе с несколькими другими людьми запустила мой фан-клуб. А так как у меня поджимали сроки, я предложила ей поехать в «Хоторн» вместо себя. После того уикенда я ничего не слышала о ней, но списала это на ее занятость.

Мистер Хоторн отводит меня от стола, и мы становимся под большим папоротником. Его голос понижается:

— Мисс Лоун, я вас уверяю, что здесь, в «Хоторне», мы очень серьезно относимся к людям, которым требуется особое меню, но мы никак не можем контролировать то, чем они питаются вне этих стен.

Я понимающе киваю.

— Конечно, никто вас не винит. Просто это так грустно. А я и не предполагала.

Кивнув с облегчением, он похлопывает меня по плечу.

— Мы отправили цветы ее семье. И, пожалуйста, в следующий раз сообщайте о своих гостях заранее. Тогда мы сможем предложить им специальное обслуживание.

Я в недоумении качаю головой.

— Но я предупредила, что Делия придет. Я сообщила вашей жене о ней.

— О, конечно, — он кивает. — Я имел в виду не мисс Чамберс, я говорю о мистере Шихане.

Имя Шихан звучит как-то знакомо. Может, он новенький в моем фан-клубе? Я больше никому не дарила выходные в «Хоторне», поэтому понятия не имею, о чем говорит мистер Хоторн. Он меня с кем то перепутал.

— Мистер Шихан? Когда это было?

— Да, Бредли Шихан. Он был здесь около пяти месяцев назад. Он привез ваучер на одни сутки, сказав, что это вы ему дали. Он тогда пообедал здесь, но горничная мне доложила, что его комната выглядела нетронутой. Вот почему я запомнил. Мне показалось очень странным, что он не воспользовался нашими замечательными кроватями.

Я тревожусь, но не хочу беспокоить владельца. По крайней мере, пока. Может, парень сначала назвался Шиханом, а потом зарегистрировался под другим именем. У меня есть фотография со встречи моего фан-клуба, ее мне отправила Делия в прошлом году. Надо поискать его там.

— Вы помните, как выглядел мистер Шихан? Может, я вспомню по вашему описанию. Я несколько раз раздавала призы в прошлом году, тяжело всех упомянуть.

Я только один раз дарила поездку в «Хоторн», и это была разовая, нестандартная акция.

— Дональд может помнить. Именно он тогда был за стойкой регистрации.

Как только мистер Хоторн вызывает молоденького, небрежно стриженного коридорного, его телефон звонит. Вытащив мобильник из кармана, он говорит мне:

— Дональд скоро подойдет. Вы извините меня?

— Конечно! Спасибо вам. В будущем, обещаю держать вас в курсе всех событий.

— Прекрасно! — Он уходит, улыбаясь и прижимая мобильник к уху.

Ожидая, пока коридорный закончит помогать трем женщинам (у каждой по два чемодана), я проверяю свой телефон на предмет эсэмэски от Кэс. Конечно, сообщение тут как тут.

Кэс: Видимо, пилот с сексуальным голосом чертовски горячий, раз ты так бросила трубку.

Я: Ты никогда не узнаешь об этом, потому что тебя здесь НЕТ! Предательница! Я поехала только из-за тебя!

В тот момент, когда я нажимаю «отправить», кто-то поднимает ручку моего чемодана. Думая, что это коридорный, я оборачиваюсь и сразу напрягаюсь:

— Где Дональд?

Бас указывает подбородком в сторону закрывающихся дверей лифта, с расплощенным шестью чемоданами Дональдом внутри.

— Похоже, он немного занят. Я помогу вам донести багаж. Вы же в бизнес-люксе, да?

Я делаю шаг назад.

— Спасибо, я должна его подождать.

Игнорируя меня, он катит мой чемодан через лобби по направлению к коридору, ведущему в западное крыло.

— Эй! — кричу я, понимая, что он не собирается останавливаться, и семеню за ним. — Я и сама могу донести багаж в свою комнату.

— Тогда зачем вам Дональд? — бросает он через плечо, не прекращая двигаться.

Коридор узкий, и у меня нет возможности идти рядом с Басом, так что я просто плетусь сзади, дымясь от злости.

— Да потому что мне надо поговорить с ним об одном госте.

Он смотрит на меня через плечо своими голубыми глазами, прежде чем открыть дверь в конце коридора.

— О каком госте? Может, я смогу помочь.

«На каком же этаже находится бизнес-люкс?» — вопрошаю себя, шагая в сторону лестницы.

— Ты сказал, что замещаешь Тревора, пока тот в отпуске, поэтому нет, ты его не знаешь, он останавливался здесь до тебя.

Кивнув в знак согласия, он берет мой чемодан и начинает подниматься по лестнице. Я иду за ним, считая до ста, чтобы унять свой гнев. Мы уже поднялись до четвертого этажа. Обычно меня это не напрягает, но сейчас я на каблуках, и я отчего-то уверена, что он потащил меня по лестнице в отместку за ту сцену.

Наконец-то он останавливается у двери на пятом этаже. Я прикусываю себе язык, чтобы язвительно не прокомментировать кучу свободных лифтов вниз.

Мы входим в тихий альков, затем идем в самый конец коридора по мягкому ковру.

— Я должен проверить, готова ли ваша комната, мисс Лоун.

Когда он протягивает свою руку в ожидании ключ-карты, я колеблюсь.

— Разве это не обязанность горничной? — говорю я, но потом все-таки отдаю ему ключ.

— Оставайтесь здесь.

Он захлопывает дверь прямо перед моим носом, и я остаюсь снаружи, еще больше закипая.

Минуту спустя, он широко открывает дверь и тянет мой чемодан внутрь, затем отдает ключ-карту.

— Все в порядке.

— Ну, тогда ладно.

Он ничего не отвечает, а до меня вдруг доходит, что он все еще стоит здесь.

— О, извините. Секундочку, — достаю кошелек, чтобы дать ему чаевые.

Бас игнорирует наличные, которые я пытаюсь ему впихнуть, затем его рот растягивается в улыбке.

— Слушай, думаю, мы начали не с той ноты.

Я кладу деньги обратно в бумажник.

— Да нет, ты был предельно ясен в своих суждениях обо мне. А сейчас, если не возражаешь, я должна найти коридорного.

Он бросает взгляд на часы рядом с дверью.

— Дональд уже закончил смену и ушел. В свое нерабочее время он подрабатывает официантом в гриль-баре «Бейсайд». Тебе придется подождать с вопросами до завтра.

Черта с два. Я собираюсь найти его. Похоже, все мысли отражаются на моем лице, потому что Бас скрещивает руки.

— Если подождешь пару часов, я провожу тебя.

— Я в состоянии взять такси.

Он хмурится.

— Некоторые бары и пабы около бара «Бейсайд» привлекают сомнительных личностей. Тебе лучше не соваться туда одной.

Когда я начинаю спорить, его выражение лица становится упрямым. Я вздыхаю и пожимаю плечами. Не то, чтобы в течение следующих пары часов я надеялась поймать кого-нибудь арканом и потащить с собой.

— Ладно, если ты настаиваешь.

Взгляд Баса прикован ко мне, как будто он хочет добавить что-то еще. Мое сердце бешено колотится, и я делаю все возможное, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. То, как этот мужчина смотрит на меня, его смелый взгляд так напоминает мне Себастьяна, что становится жутко.

Я выдыхаю с облегчением, когда он кивает и уходит, не сказав ни слова.

Я быстро переодеваюсь в маечку, легкий широкий свитер, цветастую юбку и сандалии, чищу зубы, провожу пальцами по волосам, затем кидаю ручку и блокнот в сумочку. Еще только пять вечера. Это то самое время, когда сомнительные личности еще не напились вдрызг и недостаточно пьяные, чтобы обеспечить мне проблемы. Ну, а если что-то пойдет не так, об этом позаботится мой электрошокер.

Я открываю дверь и пугаюсь — там кто-то есть. Бас стоит, прислонившись к стене, его руки скрещены на широкой груди.

— Ты что тут до сих пор делаешь? — спрашиваю я, и мой голос звучит пронзительнее,

чем я хочу.

— Да вот жду, пока ты сделаешь какую-нибудь глупость.

Раздраженная, что он так легко раскусил меня, я вру:

— То есть спуститься и участвовать в мероприятиях «Хоторна» — это глупость? Я просто делаю то, что от меня ждут.

Не дожидаясь ответа, несусь мимо него прямо к лестнице. По крайней мере это поможет быстрее скрыться с его глаз. Не могу ждать лифта — он будет пялиться на меня все это время. Этот мужчина слишком меня нервирует.

Неужели я когда-то думала, что он непринужденный? Ну да, его щетина ввела меня в заблуждение, с ней он выглядит как человек, любящий расслабляться время от времени. Он залез мне под кожу не только потому, что будит мои воспоминания о Себастьяне, но и потому что видит меня насквозь. Ну как он догадался, что я не собиралась ждать, пока он проводит меня до «Бейсайд»? Мое упрямство написано у меня на лбу?

Мне совершенно не нравится, что, даже будучи властной задницей, он заставляет мое сердце биться быстрее. Это последнее, о чем мне надо сейчас думать.

Как только я добираюсь до главного этажа и ступаю в лобби, высокая блондинка моего возраста подпрыгивает в кресле, сжимая брошюру с описанием мероприятия.

— Пожалуйста, скажите, что вы тоже идете в «Оакен-бар». Мне очень хочется попасть туда на дегустацию вин. Мы могли бы пойти вместе. — Она одета в роскошный брючный костюм и дизайнерские балетки, ее наманикюренный пальчик показывает в сторону бара, и меня обдает ее дорогими духами, в то время как выражение ее лица теряет самоуверенность. — Туда можно пойти и поодиночке, но у меня совсем недавно закончились восьмилетние отношения, и я немного заостенела.

Я опускаю глаза на свои сандалии и юбку-миди, чувствуя себя простушкой рядом с ней.

— Эм, что ж... Мой наряд не подходит для дегустации вин.

Взяв меня под руку, она улыбается, от чего ее макияж ложится складками в нескольких местах.

— Дорогая, вы отлично выглядите. Кстати, меня зовут Синтия Драммонд. Пойдемте немного побалуемся.

Мне нравится ее энтузиазм. Она немного перебарщивает с тяжелым макияжем и яркой розовой помадой, но выглядит прикольно.

— Называй меня Ти.

Она подмигивает мне:

— Как деревянная фигня, на которую ставится мяч для гольфа? (прим. перев. от англ. Tee — деревянный колышек).

Смеясь, позволяю ей увлечь меня за собой.

— Примерно так.

Зайдя в бар, замечаем группу из восьми мужчин и женщин в возрасте от двадцати до тридцати лет, которые сидят за большими деревянными барными столами. Красавец-блондин, напоминающий адвоката с Манхэттена, расхаживает с пустой бутылкой водки.

— Похоже, они решили, что водка им больше по вкусу, — хихикая, бормочет Синтия и увлекает меня вперед, послушать, что говорит парень.

— Добро пожаловать, дамы. С вами нас десять. Хорошо, я отправил персонал в погоню за недостижимым сортом вина, поэтому вместо скучной дегустации проведем вечеринку. Каждому по шоту с водкой! — говорит он, показывая на стоящий на столе ряд из двадцати

или около того рюмок водки. Когда каждый берет себе по шоту, он восклицает: — Веселья ради, — и опрокидывает рюмку.

— А, была не была, — говорю я и выпиваю свой шот, Синтия осушает рюмку быстрым глотком.

Когда каждый выпивает по рюмке, он продолжает:

— Теперь, когда жидкий огонь затанцевал у вас в животе, берите еще по одной и рассаживайтесь вокруг стола. Пока не пейте, просто поставьте перед собой.

Это может быть интересным, думаю я в то время, пока Синтия усаживается и тянет меня на пустой стул рядом с собой.

Мистер Манхэттен кладет пустую бутылку из-под водки на середину деревянного стола. Усмехнувшись, он демонстрирует идеальные зубы, сверкающие на пару с его смазанными гелем волосами.

— Правила просты. Крутите бутылку. Вы можете поцеловать того, на кого она укажет, а можете спасовать, но тогда ставьте шот перед собой. — Он достает нетронутую бутылку водки. — Чтоб на всех хватило.

Хмм, взрослая версия игры в бутылочку. Ладно, где наша не пропадала. Большинство парней выглядят совсем неплохо. Не то чтобы я собиралась кого-то из них целовать.

Манхэттен первым сильно раскручивает бутылку. Все замирают в ожидании, на кого же она укажет. Мое сердце колотится все быстрее по мере ее замедления. Когда она проходит мимо нас с Синтией и останавливается напротив темноволосого парня, выглядящего как банкир с Уолл-стрит, Синтия выпускает вздох разочарования, я же хихикаю над ней.

Манхэттен ворчит и берет себе шот.

Уолл-Стрит ухмыляется:

— Лучше бы тебе это выпить, Грант!

Грант фыркает и опускает пустую рюмку. Снова наполняя шот, он указывает на миниатюрную брюнетку, сидящую рядом с ним.

— Твоя очередь, Аделина.

Посмеиваясь, она крутит бутылку. Когда та указывает на парня с Верхнего Ист-Сайда, она, хихикая, идет его целовать. Понятно, что она собирается быстро клюнуть в его гладковыбритый подбородок, но чувак обвивает руками ее талию и тянет к себе на колени для нормального поцелуя. Она позволяет ему это, но, когда он отпускает ее, бьет ему по плечу:

— Так нечестно, Джейкоб.

Он пожимает плечами, ничуть не раскaiваясь, пока она идет обратно к своему стулу. Интересно, когда это они успели узнать друг друга по именам? Сколько же мероприятий они уже посетили вместе?

Долговязый парень очень радуется, когда его бутылка указывает на хорошо сложенную женщину с шелковистыми черными волосами. Она смеется низким голосом и притягивает его за волосы. Он охотно отвечает и, наклонившись, целует ее с удовольствием.

Теперь очередь за хорошо одетым парнем, похожим на серфера с отросшими, русыми волосами, который сидит рядом с Синтией. Мистер Калифорния играет бровями, прежде чем закрутить бутылку. В тот момент, когда бутылка останавливается напротив меня, сзади звучит голос Баса.

— Мистер Филлипс, вас вызывают на ресепшн.

Мужчина встает, его взгляд прикован ко мне. Рукой он отсылает Баса:

— Я подойду, как только освобожусь.

Как только он делает шаг в мою сторону, Бас вырастает перед ним, его руки скрещены на груди.

— Что-то не так с вашей кредиткой. Требуется ваше немедленное присутствие.

Лицо мужчины краснеет до самых корней волос. Он награждает Баса раздраженным взглядом, прежде чем вылететь из бара.

Бас пожимает плечами и опускается на освободившееся место, обращаясь к тому долговязому парню, который крутил бутылку до мистера Филлипса.

— Я могу впихнуть ваш полет туда-обратно в свое завтрашнее расписание, мистер Хэммонд.

В то время, пока они спокойно обсуждают время вылета и отлета, Синтия потирает руки, в ее ярких голубых глазах читается пыл. Как только она тянется, чтобы раскрутить бутылку, ее телефон звонит.

С тяжелым вздохом она отдает бутылку мне.

— Давай ты. Я сейчас вернусь.

Почему бы и нет? Кусая губу, кручу бутылку. Кажется, что она никогда не остановится, но, когда она, наконец, замирает, она ЕСТЕСТВЕННО указывает на Баса.

Мое лицо мгновенно вспыхивает. Благодаря богу, что он слишком занят разговором и ничего не замечает, я тянусь перекрутить бутылку, и тогда несколько людей кричат «Ай-яй», а парочка девушек вслух делятся своими мыслями:

— Ты с ума сошла?

— Пусть это будет моя очередь!

Бас прекращает разговор и видит указывающую на него бутылку. Он ухмыляется и поднимает свою темную бровь, его пронзительные голубые глаза смотрят с вызовом.

Поцеловать этого мужчину — последнее, что мне нужно сделать. Он УЖЕ чем-то привлек меня. Тем, что напоминает мне кое-кого. Как же я так облажалась? Бессмысленная интрижка — это не то, что мне сейчас надо, и не то, что я сейчас хочу, что бы там ни думала моя тетя.

Поэтому я беру шот и вливаю в себя содержимое под разочарованный вздох девчонок.

Появление Синтии в тот момент, когда я опускаю пустую рюмку на стол, спасает меня от взгляда Баса.

Как только я возвращаю бутылку ей со словами:

— Теперь твоя очередь, — Бас покидает комнату так же тихо, как и пришел.

Глава 4

Талия

— Спасибо что согласилась подбросить до «Бейсайд»! — говорю я, сползая по сиденью черного «Порше» с низкой посадкой.

— Всегда в твоём распоряжении, подруга, — Синтия дергает рычаг, включая скорость. Она ухмыляется, слыша, как двигатель набирает обороты, затем мы срываемся с места под визг колес.

— Так что же случилось после восьми лет? — спрашиваю я, когда мы устремляемся к набережной.

— С моим парнем?

— Да, почему ты с ним порвала?

Она сужает глаза.

— Он слишком подавлял меня. Я поняла, что если хочу быть счастливой, я должна сама контролировать свою жизнь, должна выбраться из его тени.

Я улыбаюсь.

— Уверена, что реализация твоего плана была очень освобождающей.

Ее глаза сверкают, когда она бросает на меня короткий взгляд.

— Ты даже не представляешь. Делать то, что хочу я сама, очень раскрепощает. Хотя это и не было легко и просто. Пришлось учиться планированию, дотошно обращать внимание на детали. Меня даже принесло сюда, чтобы выполнить часть моего плана под названием «найти нового парня». Ни за что бы не подумала, что буду посещать мероприятия для одиночек, но вот я здесь, немного нервничаю, но все равно веселюсь.

Слегка хмурю брови. Ничего не могу сделать, задумываюсь о собственном ухабистом жизненном пути. Я закончила Колумбийский, полная надежд и мечтаний, и даже подумать не могла, что моя карьера в «Трибьюн» закончится, еще даже толком не начавшись. Я только полтора года отработала в качестве следственного репортера в газете «Трибьюн», когда несущийся на максимальных скоростях поезд моей карьеры сошел с рельсов. Все потому, что мой надежный информатор по делу, которое я тогда расследовала (торговля людьми под прикрытием стрип-клуба), оказался мошенником. Главный редактор прикрыл мою историю и, прежде чем я нашла нового информатора, вся нелегальная операция была уже закончена.

К сожалению, моим самым большим делом до работы в «Трибьюн» была статья для газеты колледжа, но я написала ее анонимно. И хоть у меня в запасе было несколько хорошо принятых маленьких статей для «Трибьюн», у меня не осталось больше ни одной «большой истории», чтобы как-то компенсировать свой полнейший провал для «Трибьюн».

Но я ни разу не пожалела, что написала ту статью для колледжа анонимно. Там я сыграла важную роль в разоблачении круговой поруки из наркобизнеса и шантажа — победа, ставшая для меня как личной, так и профессиональной. Моя анонимность обеспечила защиту моего главного источника — девушки по имени Мина Блэйк, наследницы империи Блэйков. Только Мина и мой редактор знали, что я автор той статьи.

Определенно, мне не хватает возможности вести расследования, разоблачать незаконные действия (понижение в должности в газете «Трибьюн» сродни самоубийству в журналистском мире), хотя моя писательская деятельность по-прежнему позволяет мне раскрывать тайны. Просто другим способом. Конечно, люди склонны забывать и, может, в один прекрасный день у меня появится шанс участвовать в журналистском расследовании, но гарантий на это никаких нет. Вдыхаю про себя и смотрю, куда едет Синтия.

— А что если, несмотря на всё твое тщательное планирование, что-то пойдет не так?

Она сжимает губы, потом пожимает плечами.

— Я приспособлюсь. Я уже так делала. И смогу снова.

— Гибкость — это хорошо, — киваю я.

— Многогранность — это ключ. — Припарковав машину у тротуара в нескольких минутах ходьбы до доков, она выключает зажигание. — Это еще одна вещь, которую я поняла на моих бесчисленных сеансах терапии. Чем больше переменных ты можешь контролировать, тем лучше твой план. Сложные планы готовят тебя к тому. Что ты раньше не мог.

Синтия вылезает из машины и улыбается мне с уверенностью, которой можно только позавидовать. Я тоже выбираюсь. Она не красавица в общепринятом понимании этого слова, но источает вибрации, а ее глаза сияют тем особым светом, который говорит мне, что она не сдастся, пока не добьется своего. Не это ли половина дела в погоне за счастьем? Принимать как данность, кто мы есть, и делать то, что мы хотим?

И чего же хочу я? Моя тетя права в том, что окончание моей последней книги означает, что я на перекрестке судьбы, и я понятия не имею, какой путь выбрать. Ни одной достойной следующей книги идеи не пришло мне в голову. А путь назад, в журналистику, пока закрыт для меня. Кажется, я застряла в тупике.

— Пошли, копуша, — говорит Синтия, подталкивая меня вперед.

Переставляю одну ногу за другую, поднимая голову выше. *Ни за что не увязну на перепутье. Если потребуется, я пророю себе новую дорогу!*

— Не знаю, хорошая ли это была идея, Синтия.

К своему разочарованию, замечаю поток мужчин, вливающийся в бар рядом с гриль-баром «Бейсайд». Хотя пока они выглядят безвредно. Просто кучка трудяг, собирающихся пропустить по пиву после работы. Несколько парней нашего возраста тоже заходят в бар. Когда за последним парнем закрывается дверь, она хватается меня за руку.

— Пошли же, Ти! Бар называется «Пришпоренный». Круто, да? Слышишь эту хонки-тонк музыку? Половина зашедших туда парней носят сапоги. Готова поспорить, некоторые из них станцуют. Всегда хотела научиться танцевать тустеп!

Как бы я ни старалась, предупреждение Баса насчет баров около ресторана стучит у меня в голове. Сжимаю свою сумочку, проверяя электрошокер, спрятанный глубоко внутри, и в это время рядом останавливается джип. Две молоденькие девчонки выскакивают из машины, вырывая меня из размышлений. Смеясь и болтая, они бегут вверх по деревянным ступеням мимо плетеных кресел на веранде бара и входят внутрь с той уверенностью, будто это их обычное тусовочное место.

Я выпрямляюсь, откидываю волосы назад и беру Синтию за руку.

— Вперед!

Интерьер бара выдержан в старом стиле, с грубыми деревянными столами и стульями, потертым танцполом и людьми, толпящимися у бара в борьбе за напитки. Пивные бутылки в руке, несколько уже пролито на танцпол, и одна большая масса движущихся тел.

— Похоже, кто-то сегодня так и не станцует тустеп, — поддразниваю Синтию.

Она пожимает плечами, осматривая парней.

— Ночь только началась. Давай выпьем.

Мы проходим сквозь толпу к бару, где я заказываю себе пиво, а она — бокал белого вина.

— Ты серьезно? — я смотрю на нее и медленно обвожу рукой толпу вокруг нас.

Она пожимает плечами и, пока мы ждем свой заказ, говорит, перекрикивая шум:

— Можно вывести девушку из города, но город из девушки никогда.

Как только бармен ставит наши напитки, рука обвивает мою талию, и какой-то парень позади меня тычется неряшливой щетиной мне в шею.

— Привет, Имбирная печенка.

Я поворачиваюсь и толкаю его в плечо, заставляя отпустить мою талию.

— Угомонись, не то получишь по печени от Имбирной печеньки.

Он поднимает руки вверх, глаза смеются.

— О-о, да она злюка. Увидимся на танцполе.

Я закатываю глаза и тянусь за кошельком, чтобы расплатиться, бормоча:

— Мечтай-мечтай.

Синтия фыркает мне в ухо.

— Имбирная печенька. Прибавь ему очки за оригинальность.

— Не собираюсь ничего ему прибавлять, — хватаю свое пиво и делаю несколько глотков. — Никто не смеет касаться меня без разрешения.

— Колючка. Я-то касалась тебя множество раз, — хихикает она и делает глоток вина.

— Это другое! — Я закатываю глаза, и мы маневрируем сквозь толпу. Стоя на краю танцпола, мы наслаждаемся напитками и рассматриваем танцующих. Ну, или пытающихся танцевать.

— Это очень забавно, — несколько минут спустя говорит Синтия. Она смеется над отвратительным бородатым парнем, который только что попытался станцевать вместе с девушкой и получил от нее локтем в живот.

— Смотри, — указываю на них бутылкой, — она тоже не хочет, чтоб ее лапали. Я не колючка.

Синтия похлопывает меня по плечу, и мы отходим в сторону, так как на танцполе становится все больше людей.

— Ты не знаешь, что такое быть высокой. Парни пытаются прижаться к тебе, потому что ты малявка.

— Во мне сто семьдесят сантиметров. Это не маленький рост для женщины, — отвечаю я и допиваю пиво. Поставив бутылку на ближайший стол, оглядываю ее. — А в тебе сколько? Не больше ста семидесяти восьми.

Она кивает.

— Ну да, но я высоковата для девушки. Это ограничивает круг парней, которые могли бы скрасить мои будни.

— Блондиночка, потанцуем? — Парень с двухдневной щетиной одной рукой касается своей ковбойской шляпы, другой сжимает локоть Синтии и наклоняется ближе. — Хочу продемонстрировать, на что способны на танцполе такие парни, как я.

Засмеявшись, она сует мне свой пустой бокал и берет его за руку.

— Показывай, Ковбой.

Я хихикаю, глядя, как она уговаривает научить ее танцевать тустеп. Она озорным взглядом смотрит в мою сторону, улыбаясь во весь рот.

Поставив ее бокал, машу ей и иду в туалет. Два шота и бутылка пива меня добились.

Как только я выхожу из туалета, ступая в полумрак, заполненный девушками и парнями, ожидающими своей очереди, тяжелое, дурманящее чувство окутывает меня.

Я врезаюсь в кого-то и бормочу слова извинения.

Внезапно меня охватывает ужас, заставляющий мой пульс бешено стучать в ушах. Мои ладони потеют, пока я быстро трясую головой, чтоб очнуться. Нет, нет, нет. Только не снова. Чувство нереальности происходящего наваливается на меня. На этот раз все проходит намного тяжелее, меня как будто расплющивает. Я быстро моргаю и несусь по коридору так быстро, как могу. Осматриваюсь, скованная страхом, потому что среди толпы я замечаю

плотоядное лицо Хейза. Подсознательно я понимаю, что этого не может быть. Ублюдок в тюрьме за изготовление и распространение наркотиков, но я не могу остановиться, и меня засасывают воспоминания о тех днях, когда были украдены моя невинность и свобода.

Моя кожа застывает от ощущения теплого дыхания Хейза на моей шее, а его голос раздается в моей голове.

«Расслабься».

Сильный, горький вкус порошка, которым он присыпал мои губы, внезапно наполняет мой рот и заставляет давиться.

Это не он. Мой живот скручивает. Мне надо выбираться отсюда. Выйти наружу и подышать воздухом.

Мое сердце бешено стучит, пока я пробираюсь через толпу людей на танцполе по направлению к входной двери. Мне кажется, я слышала, как Синтия зовет меня, но мне срочно необходимо открытое пространство, без давящей толпы людей. Мне нужен воздух, так что я иду вперед, с каждым следующим шагом силы покидают меня.

Я вырываюсь наружу и тут же в кого-то врезаюсь. Мужчина хватается меня за руки.

— Эй, ты в порядке?

Но, даже несмотря на то, что тембр голоса кажется мне знакомым, я не могу выдавить ни слова.

Он крепче хватается меня, как будто требуя ответа. Я открываю рот, чтоб хоть что-нибудь сказать, но спотыкаюсь и заваливаюсь вперед. Мой подбородок утыкается в его плечо, я поднимаю глаза, а Бас в это время угрюмо смотрит на меня сверху.

Мой мир качается, когда он без усилий берет меня на руки. Прижавшись к его груди, стискиваю свою сумочку, пытаюсь хоть что-то выдавить из себя, но его глубокий голос грохочет:

— Помолчи, Ти. Просто успокойся. Мне надо вытащить тебя отсюда.

Почему его голос звучит так раздосадовано? Пытаюсь понять, но мой мозг отказывается работать. Когда он разворачивается, чтобы уйти, какой-то парень сзади окрикивает нас:

— Эй, с ней все в порядке?

Бас замирает, его руки стискиваются вокруг моего тела, когда он поворачивается на голос.

— С ней все хорошо.

— А она тебя знает? — говорит другой парень, а третий мужской голос вторит ему: — Она немного не в себе, мужик.

— Она знает меня, — напряженно отвечает Бас.

Пытаюсь сфокусироваться на лицах парней, но они затуманены. Их голоса звучат молодо, как будто они студенты. Я бормочу и машу рукой, чтоб дать им понять, что Бас лишь хочет помочь, но видимо звучу не убедительно, потому что первый парень снова говорит тяжелым, угрожающим голосом:

— Вызови ей такси.

Бас делает пару шагов и сажает меня в одно из плетеных кресел, потом оборачивается к троице.

— Я не уйду отсюда без нее, поэтому советую вам идти внутрь.

Один из парней прерывает его ударом. Бас уклоняется, затем, выпрямившись, говорит стальным голосом:

— Я предупреждаю вас только единожды. Не связывайтесь со мной.

Все трое парней надвигаются на Баса. Скрип обуви. Взмах кулаков. Я пытаюсь встать и остановить их, но лишь плюхаюсь задницей на деревянный пол, плетеное кресло впивается мне в спину.

После того как он бьет одного в челюсть, заставляя того упасть навзничь, Бас берет второго в удушающий захват, затем бьет ногой назад и с такой силой попадает третьему в лодыжку, что сбивает его наземь.

Сплеывая кровь, ковыляя вперед на нетвердых ногах, рычащие мужчины снова надвигаются на Баса. Остальное тонет в тумане, а потом Бас берет меня на руки и переступает через троих парней, которые лежат на полу веранды и держатся за различные травмированные части тела.

Пока Бас спускается по деревянным ступеням, мое зрение тускнеет. После всего, чему я стала свидетелем, я точно уверена, что Бас убережет меня. Расслабившись у него на руках, я прекращаю борьбу и позволяю темноте поглотить меня.

Глава 5

Талия

Я перемешиваю лопаткой яичницу, ожидая, пока она приготовится, и когда она начинает затвердевать, тянусь за солью в шкафчик над плитой. Испуганно вскрикиваю, когда жилистая рука появляется за моим плечом, хватая соль для меня. Хейз наклоняется позади меня и говорит:

— Пахнет вкусно. Готовишь мне обед?

Мой желудок мгновенно начинает бунтовать. Хейз несколько месяцев не беспокоил меня, и я думала, что его увлечение мной наконец прошло. Мне до сих пор снится в кошмарах, как он хватает меня и ласкает мою грудь. Первый позыв — бежать, но наша квартира очень мала. Я не смогу убежать далеко, поэтому остаюсь на месте, не позволяя ему запугать себя.

Моя тетя на работе, но, слава Богу, с минуты на минуту придет Уолт. Я проглатываю ком в горле и заставляю свой голос звучать твердо для этого сорокалетнего ублюдка, стоящего слишком близко ко мне.

— Есть причина, почему дверь между нашими квартирами закрыта, Хейз. Уолт запретил тебе приближаться ко мне. Я слышала.

— Мне что, уже нельзя поздравить тебя с днем рождения? Он был у тебя пару дней назад, так? С тринадцатилетием, Талия, — шепчет он мне в ухо, его вкрадчивый голос и приторный одеколон заставляют меня похолодеть. — Сейчас ты официально подросток. — Его горячее дыхание обдает мое голое плечо в районе лямочки от топа. — Ммм, на год старше и еще горячее.

— Убирайся сейчас же, — говорю сквозь зубы, намертво вцепившись в лопатку. Дрожая, левой рукой я все-таки хватаюсь за сковородку, чтобы при необходимости использовать и ее.

Хейз движется со скоростью молнии, стискивая руку вокруг моего плеча.

— Пусти! — визжу я.

Он сжимает мои плечи и быстро подносит свой палец к моим губам:

— Шиииии!

Я пытаюсь вырваться, пытаюсь ударить в его лодыжку, но я в ловушке и не могу сдвинуться с места. Затем его толстый палец скользит мне в рот. Раздвинув губы, он постанывает, будто наслаждаясь моим влажным ртом, а сам потирает пальцем мои десна.

Он вдалбливается своей эрекцией мне в задницу, но меня больше напрягает острый, горький вкус его пальцев. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Он только что втер мне в десна порошок экстази, который он, Уолт и Джимми хранят в квартире. Во мне все застывает, когда он говорит с отвратительным самодовольством:

— Это поможет тебе расслабиться.

Мой рот начинает покалывать, а сердце бешено биться. Удушающее чувство необратимости начинает затапливать меня, и в этот момент включается чувство самосохранения. Я со всей силы бью локтем ему в ребра, затем бросаюсь к раковине. Пока я лихорадочно полощу рот, по моему телу расползается теплота, а пульс вообще выходит из-под контроля. Вполне вероятно, что это не наркотики, а адреналин заставляет меня терять рассудок.

Я рывком выпрямляюсь при звуке поворачивающегося ключа в замке. Хейз становится вплотную ко мне:

— Вякни хоть слово, и я сделаю так, что Уолта схватят с карманами, полными наркотиков. Ну, давай. Сделай это, малышка. И тогда ты вся будешь моей.

В тот момент, когда Уолт заходит в комнату, я хочу рассказать ему обо всем, что Хейз сделал со мной, даже несмотря на его угрозы. Но тут Хейз облокачивается на дверь, разделяющую наши квартиры, будто он только пришел, и манит Уолта пальцем.

— Привет, Уолт, ты как раз вовремя. Надо обсудить дела. Много накопилось.

Похоже, Амелия услышала, как пришел Уолт, потому что она влетает в кухню с поднятыми вверх ручками, надеясь, что отец подхватит ее.

— Папочка!

Уолт усмехается Хейзу и бросает сумки с продуктами. Бормоча, чтобы я разобрала их, он похлопывает Амелию по головке, а затем огибает ее, направляясь к распахнутой двери.

Когда Амелия бежит за ним, он рявкает:

— Я запрещаю тебе находиться здесь, Амелия. Иди посмотри телевизор.

— Но, папочка, я хочу пойти с тобой!

— Иди отсюда! — решительно говорит он. И хотя светлые волосики Амелии закрывают ее лицо, я все равно понимаю, насколько отказ отца ранит ее, так что я подхватываю ее на руки:

— Хочешь, пойдём поиграем в настольную игру?

Амелия гладит мое лицо своими ручками, болтая о настольной игре, а Хейз в последний раз смотрит на меня, ухмыляется и закрывает за собой дверь. Его самодовольство заставляет меня дрожать.

Поставив Амелию на ножки, посылаю ее выбрать настольную игру и, после того как она убегает, сверлю взглядом закрытую дверь, на минуту выпадая из реальности. Чертова наркота! Прежде чем кайф от наркотиков окончательно поглотит меня, хватаю край стола и висну на нем, шипя в пустой комнате:

— Гребаный ублюдок!» Жалею, что не откусила его палец, когда выдался такой шанс.

Прохладная сырость вытаскивает меня из забытья, я моргаю и вижу склонившегося ко мне в тусклом свете Баса, прижимающего влажную ткань к моему лбу.

— Не люблю, когда ты не слушаешься меня, — лаконично говорит он.

Я быстро вскакиваю и отступаю. Нащупав ночник, включаю его и медленно выдыхаю, раздумывая, не сошла ли я с ума. На долю секунды, в темной комнате, освещенной только светом из ванны позади него, он звучит совсем как Себастьян.

Такой властный и доминирующий.

Потирая себя руками из-за внезапного озноба, обнаруживаю, что на мне лишь тонкая маечка и трусики, а мои соски вопиюще выпирают через тонкую кораллового цвета ткань. Обхватив себя, интересуюсь:

— Где моя одежда?

Он указывает на край кровати, где в куче лежат мой свитер, лифчик и юбка.

— Ты вся горела. Мне надо было охладить тебя, — затем его серьезное выражение лица становится жестким. — А если бы влажная тряпка не справилась с задачей, следующим моим шагом был бы душ. Что, к чертям собачим, ты приняла?

— Ты серьезно? Я ничего не принимала. Меня опоили! — когда он хмурится, я тру свой лоб, пытаюсь припомнить, что предшествовало дикой головной боли. — Я выпила одно пиво. Похоже, туда что-то подлили. Это единственное, что я там пила.

— Ты не должна была ехать туда одна.

Я напрягаюсь от его сурового, сердитого тона.

— Я и не была одна. Я поехала с Синтией. Ой, блин! Сколько... — Я замолкаю, осматривая незнакомую комнату, и вижу темное ночное небо за окном.

— На сколько я вырубилась? Если это случилось со мной... надеюсь, с ней все нормально.

— Ты была в отключке пару часов. У тебя был жар, в остальном ты в порядке. Твое дыхание нарушилось только перед пробуждением, в противном случае я повез бы тебя прямоком в больницу.

Он показывает на мой мобильник и сумочку, лежащие на прикроватной тумбочке.

— Тебе на телефон пришло несколько чудных эсэмэсок от некой Синтии. В конце концов, я ответил за тебя, сказал, что у тебя все хорошо, но тебе пришлось уйти.

Потираю виски, радуясь, что головная боль, похоже, отступает. Когда кондиционированный воздух попадает на мою теплую кожу, по мне бегут мурашки. Снова тру себя руками, но, вспомнив о своей откровенной маечке, опять обхватываю плечи.

— Передай, пожалуйста, мою одежду.

Бас фыркает и берет мою одежду в охапку. Протягивая ее мне, говорит:

— Нет ничего, чего бы я прежде не видел.

— Ну, у меня ты ничего не видел, — огрызаюсь я, чувствуя себя идиоткой. Кто бы ни отравил мою выпивку, он сделал это, когда тот парень лапал меня. А может, они работают в паре, и пока один отвлекал меня, второй занимался моим напитком. Мне сильно повезло, что там был Бас. Игнорируя его, я быстро натягиваю свитер на маечку, отказываясь от лифчика. Когда я встаю, чтобы надеть юбку, он не уходит. Вместо этого, как только я застегиваю ее, подходит ближе.

Он поднимает мое лицо за подбородок, выражение его лица твердое, как гранит.

— У меня вопрос. Кто такой Хейз?

Я сглатываю и буквально чувствую, как кровь схлынула с моего лица.

— Хейз?

Он кивает, но не отпускает меня.

— Ты назвала его «Гребаный ублюдок». Догадываюсь, что ты не используешь такие выражения в своей повседневной жизни.

Выкручивайся, Талия!

Я вырываюсь из его хватки.

— Никто, — отвечаю я и пытаюсь его обойти, но Бас хватает меня за руку.

— Ти, — когда я поднимаю глаза, он ставит меня перед собой. — Почему ты выпила тот шот?

Я моргаю.

— Что?

Он придвигается так близко, что его широкая грудь касается меня. Водя пальцем по моей щеке, он шепчет мне на ухо:

— Почему ты выбрала водку?

Вместо того чтобы поцеловать тебя?

Я пытаюсь игнорировать покалывания, возникающие от его прикосновений, но когда его большой палец скользит вниз к моей шее, я воспаляюсь. Глубокий жар опаляет меня всю до самых кончиков пальцев.

Прежде чем я придумываю подходящий ответ, он наклоняет голову.

Боже! Он собирается меня поцеловать. Это же плохая идея, да? Несмотря на мои мысли, клубок похоти сворачивается у меня в животе, отнимая способность говорить.

Его рот в миллиметре от моего.

— А сейчас откажешься?

В моей голове идет война разочарования с облегчением, в то время как желание разливается в груди и выстреливает в мозг, требуя, чтоб мои губы прижались к его губам. Я сопротивляюсь этому искушению всеми силами. Я знаю, это будет совсем неправильно, если я его поцелую. Бас не заменит мне мужчину, которого я по-настоящему хочу.

Почему я не могу забыть тебя, Себастьян?

Его губы трогают удовлетворенная улыбка, пока он сокращает оставшееся расстояние между нами. В последний момент я делаю шаг назад и говорю максимально спокойным голосом, на который способна, пока мое сердце отбивает чечетку:

— Думаю, будет лучше мне сейчас пойти к себе в номер. Спасибо, что вытащил меня оттуда, Бас. Я, правда, это ценю. Получается, ты был прав. Разговор с подождет до завтра.

Сую свой лифчик и телефон в сумочку и направляюсь к двери. Как только моя рука обхватывает дверную ручку, голос Баса раздается в полуметре от меня:

— Считаешь наемного работника ниже себя?

Поворачиваюсь к нему, недовольная его саркастичным предположением.

— Я никогда в жизни не считала себя выше кого-то. Никогда. То, что ты раздел меня, когда я была без сознания, еще не значит, что ты знаешь меня.

Он опускает взгляд на мое кольцо.

— Я знаю достаточно.

Ну ладно, я приняла участие в импровизированной игре бутылочку, но только потому, что он догадался, что я не буду ждать его и пойду за Дональдом сама, так что естественно

мне пришлось доказывать обратное. Ну почему я позволила этому мужчине забраться мне под кожу? Может, он тоже чувствует это обжигающее пламя.

— Ты хочешь знать, почему я выбрала шот с водкой? Да потому что между нами ничего нет. Ни искринки.

Он издает лающий смех.

— Ты хоть иногда говоришь правду? — Скрестив руки, он встает в позу, излучая уверенность, серая футболка очерчивает его превосходные бицепсы и крепкие мускулы.

— Между нами столько химии, что ее можно лопатой грести, лапочка. Когда-нибудь ты признаешь, что я прав. — Его яркие голубые глаза сверлят меня. — И когда я поцелую тебя, я буду владеть тобой, и ты первой будешь срывать с меня одежду.

— Высокомерная задница! — фыркаю я. — Ты владеешь хотя бы бритвой?! — И мне все равно, что я звучу так, в чем он обвинил меня минуту назад — надменно. Этот парень нарвался. Игнорируя его усмешку, поворачиваю ручку двери, слыша его диктаторский голос:

— Больше никуда не выходи без меня.

Я поворачиваюсь, приходя в бешенство.

— Ты не мой владелец!

Он упирается руками в бока.

— А тобой когда-нибудь владели? По-настоящему? — напряженно спрашивает он. — Так, как должны владеть такой женщиной, как ты?

Что-то в его голосе поражает меня, и мои кости начинают стремительно плавиться. Я выпрямляюсь и отвечаю внезапно охрипшим голосом:

— Ни одна уважающая себя женщина никогда бы не позволила владеть собой.

— Ну, то есть, нет.

Радостное львиное урчание слышится в его реплике, срываясь с его губ крошечными огоньками, которые, достигнув меня, превращаются в мерцающее бушующее пламя. Его взгляд скользит по моей руке.

— Это не имеет ничего общего с обещанием, прячущимся за хлипким куском металла вокруг твоего пальца.

Когда он делает шаг вперед, я нажимаю на дверную ручку, готовая сбежать, но его завораживающий голос держит меня в плену.

— Это включает в себя полную отдачу в физическом плане. Я могу показать тебе, что это такое, — его взгляд проходит по моему лицу, спускаясь по моему телу и обратно, возбуждая каждую клеточку. — И ты насладишься каждой минутой этого.

Почему его слова попадают прямо в цель? Он говорит так, как будто уже получил мое согласие. Трясу головой, избавляясь от его гипнотических сексуальных оков.

— Прекрати соблазнять меня.

Его внезапная темная улыбка так напоминает мне Себастьяна, что я стискиваю зубы и глубоко дышу через нос.

— Я серьезно. Заканчивай.

— Ты еще не устала спорить со мной? — говорит он очень спокойным голосом. — Даже после всего, что сегодня произошло?

Он так быстро переключился, что я пару раз моргаю, прежде чем до меня доходит, о чем он говорит. Он имеет в виду никуда без него не ходить.

— Здесь безопасно. Просто сегодня так получи...

— Ти! — он обрывает меня с жестким выражением лица.

— Прекрасно! — фыркаю я, раздраженная его ментальными играми. Открыв дверь, несусь прочь к тихому святилищу своей комнаты.

Глава 6

Талия

В тот момент, когда солнечный свет попадает на мои глаза, я открываю их. Лежу в кровати, пытаюсь снова заснуть, но все, о чем я могу думать, — это эротические сны, от которых я проворочалась всю ночь. В каждом сне Бас говорил, каково это, быть в его власти. И хотя это были просто разговоры, я лежу здесь, в огромной кровати, с ноющей болью между ног. Интересно, есть ли женский аналог синих яиц? Если выбирать мужской голос, способный ввести женщину за грань сексуальной неудовлетворенности, то это будет дико сексуальный глубокий голос Баса, шепчущий в ее ушко.

И боже, я изнываю от желания. Перевернувшись, я решаю, что единственное, что поможет мне избавиться от сдерживаемой страсти, — это физические упражнения. Думаю, крытый бассейн сейчас пустует. Он будет полностью в моем распоряжении. Пульсация не стихает, я ударяю по подушке, и в этот момент раздается сигнал моего телефона. Удивленная ранним звонком, смотрю на высветившийся номер, затем нажимаю кнопку ответа.

— Привет, предательница. Надеюсь, Симона и Николай стоили угробленной дружбы.

— Боже, конечно, стоили! — говорит Кэс слишком энергично, для такого раннего часа.

— Не томи, — отвечаю, зевая. — Рассказывай, как дела.

Кэс смеется.

— Я просто в восторге от того, что могу добавить несколько офигительных снимков к своему портфолио. Сержио очень понравились мои фотографии, он даже попросил еще о двух фотосессиях, пока он там. А ты вот звучишь заспанно.

— Поздравляю с работой. А заспанная я, потому что на часах шесть утра, — снова зеваю.

— А, ну да. Постоянно забываю о разнице во времени. Прости, что разбудила. Просто хотела узнать, как ты там одна-одинешенька.

Потягиваясь, усмехаюсь.

— На самом деле, я занята расследованием.

— Да ладно! Работаешь над книгой? Звучит не весело, Талия. Говорила же тебе не брать ноутбук.

— Я слушаю тебя точно так же, как ты слушаешь меня. — Проведя пальцами сквозь волосы, я скатываюсь с огромной кровати и, включая свой лэптоп, рассказываю ей, что случилось с первой поклонницей, которую я отправила в «Хоторн», и о загадочном втором поклоннике.

— Ого! Признаю, ситуация с первой поклонницей очень печальна и очень странные дела творятся со вторым мистическим фаном. Твоя голова, конечно, работает на полную катушку, но пожалуйста, не посвящай все свое время работе. Это же основная причина, по которой ты туда поехала.

— Нет, я поехала только из-за тебя, — фыркаю я, загружая отправленную Делией Чамберс фотографию, которая была сделана на тематической вечеринке по поводу выхода

моей второй книги в Новом Орлеане. К счастью, она также подписала всех, кто был снят. Убеждаюсь, что мистер Шихан был там. Мужчина сорока лет, с темными волосами, круглым, выразительным лицом и бочкообразной грудной клеткой.

— Мне правда жаль, что я не смогла приехать, Талия. Я компенсирую тебе это, обещаю. А сейчас ты могла бы пойти на какое-нибудь мероприятие. Разве не сегодня пройдет бал-маскарад? Мне так хотелось надеть то крышесносное черное платье, купленное в Париже в прошлом месяце. Ты, я, маскарад... о, сколько воспоминаний!

— Угу, например, как я отвожу твою надравшуюся задницу домой, — говорю я, отправляя фотку себе на телефон.

Кэс цокает языком.

— Я знаю, у тебя что-то было в первый, самый первый раз в ту ночь, чикуля, поэтому не притворяйся, что у тебя нет кучи воспоминаний с той потрясающей вечеринки. Как думаешь, пришел твой Робин Гуд на то свидание, на которое ты забила? Не могу поверить, что ты не выследила его с помощью своих детективных способностей. Он был чертовски сексуален.

Я не пыталась, потому что мы с Себастьяном уже пересекались до того, как я «встретила» его на вечеринке. Если быть точной, восемь лет назад. Он не вспомнил нашу встречу в то темное для меня время, и я предпочитаю, чтоб все так и оставалось.

— Мы в разных лигах, Кэс. Сейчас он уже, наверное, женат и с парочкой детишек, — сухо отвечаю я ей.

— Ну что ж, второй раз будет лучше, — она выпускает тоскливый вздох. — Сейчас ты на три года мудрее, и я полностью уверена, мужчины штабелями будут падать перед тобой на этом балу. Пожалуйста, скажи, что ты захватила то платье, полностью открывающее спину? Они изойдутся слюной, глядя на тебя. Пообещай, что отложишь расследование на потом. Тогда получится, что я веселюсь там как бы опосредованно через тебя.

Она говорит так, будто у нее надуты губки, и это свидетельствуют о том, что она на самом деле хотела бы присутствовать на этом событии. Конечно, это заставляет меня задуматься, почему она предпочитает сказку реальной жизни — даже ее фотографии отображают красивых людей в эксклюзивных тщательно проработанных обстоятельствах, — но я не спрашиваю. У Кэс есть собственные скелеты в шкафу. По негласному соглашению, мы уважаем потребность друг друга спрятать их подальше и надежнее.

— Да, я захватила платье с открытой спиной. И я бы хотела поучаствовать в этом событии, — ухмыляюсь, осознав, что мне, как и Кэс, нравится идея спрятаться за маской. Есть что-то невероятно привлекательное в возможности скрыться за завесой анонимности, пусть даже на вечер. *Боже, да я находка для психотерапевта.*

Мой телефон оповещает о новом входящем сообщении, напоминая, что мне надо двигать в сторону бассейна, если я все еще хочу поплавать без толпы народа.

— Обещаю повеселиться за двоих.

— Сделай милость!

На экране телефона ответ Синтии на мою быструю эсэмэску вчера вечером, когда я добралась до комнаты.

Синтия: Рада, что тебе лучше. Танцы рулят, но сейчас мне необходим массаж. Ты тоже должна пойти! У одного парня ЛУЧШИЕ ручки;)

Я: Чувствую себя намного лучше. Сегодня никакого массажа. Собираюсь в бассейн, прежде чем он переполнится людьми.

Синтия: Пойдешь на сегодняшний бал?

Я: Да.

Синтия: Финансовый парень настаивает на обеде. Похоже, придется пропустить.

Я: Перенеси.

Синтия: Перенесу его на три дня. Фух. Поговорим позже.

Отвечаю на несколько е-мейлов, затем надеваю черный слитный купальник, проскальзываю в подходящую накидку, хватаю ключ-карту, телефон и полотенце и иду к крытому бассейну. По мере приближения в нос ударяет запах хлорки, заставляя меня улыбнуться. Это напоминает мне, как я училась плавать в старшей школе. Поначалу я боялась задохнуться под водой, но, получив нужный навык, стала относиться к плаванию как к физической нагрузке и полюбила его.

К счастью, вокруг никого нет, кроме светловолосого парня, который складывает свежие полотенца на полку рядом с заставленным бутылками воды холодильником. Он реагирует на мое появление словами «Доброе утро», а я с усмешкой опускаю взгляд на принесенное из моего номера полотенце. Похоже, можно было не брать.

Оставив свои вещи на лежаке, кладу накидку и полотенце на край бассейна, затем глубоко ныряю и начинаю плавать кругами. Мысли о соблазнительных словах Баса подстегивают меня работать усерднее. Только полное истощение вытеснит его заманчивые фразы из моей головы. Поэтому я позволяю толще воды, против которой работает мое тело, вымыть из моего разума голодный взгляд пронзительных глаз Баса, скользящих по моему телу. Холодная вода помогает расслабить напряженные мышцы, в то время пока мои легкие работают, изгоняя его из моих мыслей.

Я проплываю двенадцать кругов, пока не останавливаюсь из-за жжения в груди в метре от края бассейна для более быстрого дыхания, чем при плавании вольным стилем. Я оборачиваюсь, и ловлю какое-то движение периферическим зрением.

Светловолосый парень кладет бутылку воды на мое полотенце. Не до конца выпрямившись, он поднимает глаза и замечает, что я прекратила плавать.

Смутившись, он одаривает меня застенчивой улыбкой:

— Вы усердно работаете. Я подумал, вам это пригодится.

Он примерно моего возраста, плюс-минус год. Я возвращаю улыбку, когда перебираю ногами в воде.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны.

Коротко кивнув, он отходит.

— Хорошо вам поплавать.

Как только главная дверь закрывается за ним, я смотрю на сверкающую бутылку с водой, и во рту пересыхает. Хочу сделать перерыв, но снова появляются мысли о Басе. Сжимаю зубы. Похоже, я недостаточно устала, если он настолько легко врывается в мой разум.

Раздраженная, я ныряю, затем всплываю, чтобы преодолеть расстояние до конца бассейна более сложным стилем баттерфляй. Два круга спустя, я окончательно добита. Задыхаясь, странными рывками плыву по-собачьи, радуясь, что здесь никого больше нет.

Я никогда не была так счастлива доплыть до края бассейна, я выдохлась, но резко прихожу в себя, видя кого-то у моего полотенца.

— Это было... интересно, — сухо говорит Бас. — Если ты всегда так плаваешь, то не

удивительно, что ты вымоталась.

Rrrrrr! Конечно, мистер-безупречная-форма не видел, как буквально несколько минут назад я плавала в идеальном стиле. Он стоит, одетый в джинсы и черную футболку с короткими рукавами, демонстрирующую его великолепное тело, а его губы изогнуты, как будто он сдерживает улыбку. Я мгновенно ощетиниваюсь.

— Предполагаю, ты пришел не для того, чтоб критиковать мои способности плавать.

— Для этого, — немного наклонившись, он протягивает мне руку, чтоб помочь выбраться из бассейна.

Когда я хмурюсь, вместо того чтоб принять его руку, он поднимает брови:

— Планируешь доплыть до лестницы на другом конце бассейна?

Я, должно быть, тяжело дышу, а мое сердце бешено стучит в груди, но его сомневающийся тон и явный сарказм доводят меня до белого каления. Я разворачиваюсь в противоположном направлении, и, несмотря на протесты каждой мышцы моего тела, где-то глубоко внутри себя нахожу силы, чтобы вытянуть руки и заскользить ими, делая плавные взмахи. Я мчусь по воде, набирая скорость. Проплыв половину пути, я ухмыляюсь, игнорируя боль в мышцах. Проплыв еще немного, моя кожа начинает гореть, а потом у меня дико скручивает ногу, выбивая из ритма. Я тут же останавливаюсь на глубине, тяжело дыша из-за сильнейшей агонии.

— Ты в порядке?

Я едва слышу голос Баса, настолько мучительно болит моя нога. Я пытаюсь массировать скрученные мышцы, но вода затрудняет это. Плюс руками я должна держаться на плаву. Стараюсь вытянуть пятку, но судорога в мышцах не позволяет. Кусая губы, чтобы не заплакать, по-собачьи преодолеваю последние метры до лестницы. Понимая, что в таком состоянии я не смогу подняться по металлическим перекладинам лестницы, подплываю справа от нее, намереваясь подтянуться.

Я прикусываю губу, когда Бас хватается меня за руку и вытаскивает из бассейна, как игрушку. Не говоря ничего, он быстро переносит меня к шезлонгу и кладет на него.

Меня заботит не это. Сейчас, когда я не в воде, моя нога болит еще больше. Я пытаюсь оттолкнуть его и размять скрученную судорогой мышцу, но он откидывает мои руки назад, огрызаясь:

— Не будь такой упрямой!

Затем он хватается мою ногу и сгибает в обратном направлении.

Я выдыхаю, чувствуя, что мышца расслабилась, но когда он другой рукой обхватывает мою ногу и начинает ее разминать, слезы все-таки текут. *Иисусе, это чертовски больно!* Никогда прежде мне не сводило судорогой ногу. Сейчас я, конечно, понимаю, почему тренеры настаивали на необходимости растяжки перед заплывом.

— Ты могла утонуть из-за своего проклятого неповиновения, — говорит он жестким голосом.

— Я выжила благодаря ему, — говорю себе под нос, но Бас, похоже, слышит, потому что он стискивает зубы, а сила, с которой он мнет мою ногу, немного ослабевает.

Смахивая слезы, я смотрю на него, сосредоточенного на своей задаче. Решительность в его глазах и интенсивность его движений удивляют меня, ослабевая внутреннюю напряженность.

— Не неповиновение, а независимость, — поправляю его спокойным голосом.

Он бросает резкий взгляд на меня, подняв брови:

— Строптивая.

— Самостоятельная.

Болтаю ногой, чтобы продемонстрировать, что боль ушла, и усмехаюсь:

— Спасибо за помощь.

Веселые искорки пляшут в его глазах, реагируя на нашу перепалку, но скоро юмор во взгляде исчезает. Тепло вдруг начинает течь через меня, несмотря на холодный воздух, от которого по коже начинают бегать мурашки, тогда как внутри все кипит.

Когда я смотрю на руку Баса, все еще обхватывающую мою ногу, его большой палец медленно скользит по моей мышце. Моя грудь мгновенно затвердевает в ответ на его прикосновения. Преднамеренная ласка.

— Самостоятельность может быть чрезвычайно неудовлетворительна, мисс Лоун.

Его намек бьет меня прямо в живот, откуда по всему телу разливается волна похоти, заставляя остро ощущать его близость и невероятный запах дезодоранта и всего его. Не могу понять, то ли его слова заводят меня, то ли его глубокий соблазнительный голос. В любом случае я не могу позволить ему втянуть меня во все это. Ухватившись руками за лежак, перебрасываю ноги на другую сторону, готовая уйти.

— Сейчас все в порядке. Спасибо.

Прежде чем я встаю, Бас кладет ладонь в центр моей груди и откидывает меня назад. Я стискиваю зубы, готовая взорваться, как Бас говорит:

— У меня была причина, чтобы прийти сюда. Не хочешь узнать, какая?

Я смотрю на его руку, распластанную по моей груди, его большой палец касается ее выпуклости в верхней части купальника, так что первой линией обороны выбираю сарказм:

— Есть у меня одна догадка... или две.

Бас сужает глаза и, вместо того, чтоб убрать руку, пальцем скользит вниз, к центру моей груди. Сжав эластичную ткань в моей ложбинке, дергает так, что мое лицо становится на одном уровне с его.

— Давай проясним кое-что. Я не играю в игры. Я прямо говорю о своих желаниях. Никогда не спрашивай, соблазняю ли я тебя. Ты можешь спросить только, сколько я заставлю тебя ждать.

Жар клубится у меня в животе, устремляясь по венам палящим желанием.

— Ждать чего? — спрашиваю я, с трудом осознавая хрипотцу в собственном голосе.

Уверенная улыбка появляется на его лице. Темные, грешные обещания отражаются в его глазах, прежде чем он отпускает меня и становится в одном шаге.

— Я пришел, чтобы предупредить тебя, что Дональд сейчас здесь. Думал, ты захочешь поймать его прежде, чем он погрязнет в утренних делах.

— О! — Вскликаю и быстро отворачиваюсь, не уверенная, какое выражение застыло на моем лице. Не могу понять, расстраиваться мне или радоваться, что он не пытался меня соблазнить.

— Что ж, спасибо за информацию.

Коротко кивнув, он уходит, оставляя меня дрожать от его мощного воздействия и плавающих кости слов.

Я быстро вытираюсь, затем втискиваюсь в накидку. Подняв неоткупоренную бутылку воды, ставлю ее обратно в холодильник, потом покидаю бассейн в тумане тревожных дум о пилоте вертолета. *Не могу избавиться от мыслей о Басе.*

Глава 7

Талия

— Да, это он, — говорит Дональд, его светлые волосы лезут в глаза, пока он тычет в фотографию со встречи фан-клуба, которую я предварительно поставила на основной экран телефона для быстрого доступа.

— Это мистер Шихан. Я запомнил, потому что вещей у него было на одну ночь, но он все равно настоял, чтобы я отнес их в его комнату.

— Мне сказали, что это я подарила ему суточное пребывание в этом отеле.

Дональд кивает, прислоняясь к стене рядом с лифтами.

— Да, он показал мне подписанное вами приглашение, которое вы отослали ему вместе с ваучером на суточное пребывание с питанием. Он очень гордился этим.

Сквозь меня проходит волна напряжения и волнения. Наконец я за что-то могу ухватиться.

— У отеля же должна храниться копия его ваучера, да?

Глубоко задумавшись, Дональд трет лоб.

— Обычно я не работаю за стойкой регистрации, поэтому точно не знаю, что и как долго хранит наша система.

Он жестами указывает на девушку с прямыми черными волосами, помогающую женщине за стойкой регистрации:

— Хайди должна знать.

— Спасибо, что потратил время, Дональд. Ты очень помог.

Хайди подтверждает, что ваучер был куплен за наличные, и зовет мистера Хоторна, чтобы тот утвердил мой следующий запрос, а потом она провожает меня в зону, расположенную прямо за стойкой регистрации, и указывает на дверь в конце коридора.

— У вас есть дата покупки ваучера, с остальным поможет Саймон.

— Спасибо, Хайди. Я благодарна за помощь.

Я расправляю льняную юбку и направляюсь к двери с надписью ОХРАНА жирными черными буквами, радуясь, что успела принять душ перед тем, как найти Дональда. Похоже, поиски мистера Шихана превратились в настоящее расследование. Кто бы ни купил тот ваучер, а потом передал его от моего имени, он должен был быть заснят камерами наблюдения.

Лысый мужчина пятидесяти лет открывает дверь. Улыбаясь, он протягивает руку:

— Здравствуйте, мисс Лоун. Я Саймон Мэддоу. Хайди только что звонила. Вы думаете, кто-то выдал себя за вас? Проходите и скажите, чем я могу помочь.

Я пожимаю его руку, и застываю, войдя в офис. С удивлением вижу Баса, он стоит у окна, яркий солнечный свет очерчивает его мускулатуру и отражается в его авиаторах. *Что он тут делает?*

— Прощу прощения, не хотела прерывать вас. Я могу зайти позже.

— На самом деле, это удача, что он здесь, — Саймон машет в сторону Баса, потом берет лэптоп со стола и ставит его на круглый стол рядом с дверью. — Если мы будем просматривать кадры с камеры безопасности, он именно тот, кто нам нужен. У него орлиный глаз.

Как только Саймон открывает крышку ноутбука и загружает программу, его телефон

звонит. Подняв трубку, он говорит:

— Скоро буду, — он одаривает меня виноватой улыбкой, пряча телефон. — Мне нужно встретить бригаду скорой помощи. Кто-то отключился в одном из шезлонгов у бассейна. Должно быть, слишком много выпил вчера, — кивнув Басу, он продолжает. — Не мог бы ты помочь мисс Лоун?

— Не вопрос, — Бас подходит закрыть жалюзи, и солнце мгновенно исчезает из комнаты, оставляя лишь гул ламп дневного света над нашими головами. Обойдя стол, он вешает очки за ворот рубашки и кивает Саймону:

— Саймон, выключи свет, когда будешь уходить.

— Мисс Лоун, вы в хороших руках, — говорит начальник безопасности. — Дайте знать, если что-то понадобится, хорошо?

Как только я киваю, он улыбается и выключает свет. Когда дверь за ним закрывается, комната погружается в кромешную темноту.

Несколькими секундами позже, мои глаза приспособляются к тусклому свету, идущему от экрана ноутбука. Бас приближается.

— Почему ты не сказала, что кто-то притворяется тобой?

Я с трудом могу различить выражение его лица, но его тон не предвещает ничего хорошего. Я пожимаю плечами:

— Это не та вещь, которая приходит в голову при нормальном разговоре.

— С тех пор как мы встретились, у нас ни разу не было нормального разговора.

Его сухое замечание смешит меня.

— И не поспоришь, — говорю я, указывая на ноутбук. — Готов помочь мне просмотреть записи с камер видеонаблюдения?

— Не такой я себе представлял нашу встречу в темноте, — отвечает он, выдвигая стул для меня.

Его откровенность бьет меня разрядами тока, но я притворяюсь, что не расслышала, и сажусь, двигая мышкой, чтоб убрать появившуюся на экране заставку.

Бас кликает на папку с записями с камер, пододвинув свой стул ближе ко мне.

— Связано ли это с тем, о чем ты хотела поговорить с Дональдом?

Я киваю, потом быстро рассказываю, как обнаружила двух визитеров, посетивших «Хоторн» в прошлом году. Он слушает, не перебивая.

— Ты, правда, должна была сказать мне.

Его выговор мгновенно заставляет меня принять оборонительную позицию:

— Это еще зачем? Я тебя едва знаю. Если ты еще не заметил, я не доверяюсь так легко.

— Думаю, обеспечение твоей безопасной доставки в «Хоторн» прошлой ночью дает мне некоторый кредит доверия, — отвечает он, затем переводит взгляд обратно на экран. — Какая дата нас интересует?

И вот так всегда — он снова занят делом. Признавая его правоту в том, что он помог мне, распрямляюсь на стуле и называю нужную дату.

Два часа спустя мы просмотрели только половину нужного нам дня. Я зажмуриваю свои уставшие глаза и выгибаю спину, помогая руками. Думаю, эта боль от сумасшедшего заплыва в бассейне.

— Мне срочно нужен кофе, — я потягиваюсь в последний раз и широко распахиваю глаза.

Бас смотрит не на экран. Его взгляд прикован к моей груди, обтянутой голубым топом.

Без тени раскаяния он переводит свой взгляд на мои глаза и хмурится:

— Закончила отвлекать меня?

Отвлекать его? Он что, думает, мне настолько отчаянно не хватает внимания? Стиснув зубы, машу рукой:

— За дело.

Он фыркает и поворачивается обратно к экрану. Спустя еще час мы отсматриваем больше людей. Я пока не увидела ни одного сотрудника стойки регистрации, держащего гостевой ваучер «Хоторна» с отличительным изображением крест-накрест расположенных веток боярышника.

Несколькими минутами позже, Бас останавливает видео:

— Ты это видела?

— Видела что?

Он щелкает мышкой, чтобы промотать на несколько минут назад, затем снова нажимает кнопку воспроизведения. Я смотрю на запись, но все еще не нахожу нужный мне ваучер.

— Ничего не вижу.

Бас снова отматывает нужный период времени:

— Смотри.

На этот раз, он нажимает кнопку замедленного воспроизведения. Когда я начинаю трясти головой, он жмет на паузу, видео застывает на изображении огромного папоротника у главной стойки.

— Вот. Сейчас видишь?

Несколько секунд я пристально рассматриваю папоротник, прежде чем мои глаза начинают что-то различать. Кто-то прячется за его ветвями. Этот кто-то не может быть выше сто шестидесяти пяти сантиметров.

Я моргаю:

— И как ты это увидел?

Бас ухмыляется и, когда я киваю, кликает на кнопку воспроизведения, и мы вместе смотрим видео дальше. Мы так и не видим человека, нам перегородивает обзор только что доставленный огромный букет цветов, но мы видим, как один из работников переходит на другой конец стола со своим компьютером, чтобы с кем-то пообщаться. Затем работник что-то печатает на компьютере, прежде чем передать ваучер человеку, полностью скрытому за букетом.

Когда Бас закрывает папку с видео, я разочарованно вздыхаю.

— Потрясающе. Человека, купившего ваучер, постоянно что-то загораживает.

Он ничего не отвечает, зато открывает другую папку и проверяет записи с камер наружного наблюдения. Когда я вижу, что он перематывает к нужному нам отрезку времени, я улыбаюсь.

— О, мы не поймали его внутри, но поймаем снаружи, да?

— Точно, — говорит он и ставит паузу на темноволосом, веснушчатом пареньке, входящем в отель.

— Да он просто ребенок, — удивленная, говорю я. — И как мы разыщем его?

Бас качает головой, последовательно закрывая все файлы на компьютере.

— Нам и не надо. Я знаю его.

— Знаешь? — кидаю взгляд в его сторону, прежде чем вся комната погружается в темноту.

Он сжимает мою руку и ставит меня на ноги. Я стараюсь игнорировать ощущение его руки, обхватывающей мою, и теплоту от близости его тела.

— И нет, я не скажу тебе, как его найти.

— Почему нет?

Он наклоняется к моему уху, его мужской запах обволакивает меня как теплое соблазнительное одеяло, затягивая меня в свои сети.

— Только так я гарантированно получу всю тебя.

— Ты не получишь меня, — говорю я, раздраженная своим внезапно охрипшим голосом. *Ну почему мое тело предает меня каждый раз, когда он рядом?*

У него теплое дыхание, пахнущее мятой и апельсиновым соком, оно ласкает меня от подбородка до щеки и обратно, замирая так близко к моему рту, что я чувствую мятный холодок на своих губах.

— Я даже еще не пытался, лапочка.

Его ладонь опускается на мою спину, чтобы притянуть меня к его твердому телу.

— Я собираюсь начать, ты готова?

Почему его так волнует это дело? Я хочу кричать от сексуального напряжения, рвущегося из меня, но вместо этого быстро вырываюсь из его объятий и говорю нетвердым голосом:

— Пожалуйста, отведи меня к этому ребенку.

Его низкий смешок слышится в нескольких шагах от меня, когда он открывает дверь.

— Тогда пойдем, найдем твоего двойника. После вас, мисс Лоун.

Когда он жестом показывает мне, чтобы я шла вперед, я сжимаю губы, раздраженная самодовольством в его голосе, и прохожу мимо него без единого слова.

— Отличная тачка, — говорю я, когда он нажатием кнопки откидывает верх «Мустанга».

— Да, у Тревора отлично идут здесь дела.

Пристегнувшись, выуживаю солнечные очки из сумочки и надеваю их, наслаждаясь ощущением утреннего солнышка на своей коже. Погода потрясающая. Ни жарко, ни холодно. После того, как мы выезжаем от отеля, я замечаю несколько белых облачков на чистой синеве небес и вдыхаю соленый океанский запах, пронизывающий воздух.

— Здесь такая красота. Стыдно признать, но в предыдущие оба раза, что я здесь отдыхала, я не выходила за стены отеля, поэтому спасибо, что вывез. Куда точно мы едем?

Он поворачивает на главную дорогу и расплывается в улыбке.

— Мы едем в Вест Тисбури. Я видел, как пацан пытался продать свои карикатуры гостям, пока Саймон не прогнал его. Он на самом деле очень талантливый. У меня есть идея, где его найти.

Я изучаю его профиль, пытаюсь расшифровать его настроение под темными очками.

— Признавайся, как ты обнаружил его за тем растением? Саймон был прав, у тебя орлиный глаз. Я бы никогда его не заметила, если бы ты не показал мне кадр за кадром.

— Ты знаешь, что такое стереограммы?

— Ты имеешь в виду, 3D-картинки? Мне очень тяжело на них смотреть.

— Как и многим. Я же вижу их мгновенно.

Я киваю.

— Теперь все ясно. У тебя что-то вроде гиперсфокусированного взгляда.

Он разражается низким смехом.

— Думаю, можно сказать и так.

Наклонив голову, гляжу на него. *Неужели я заметила самоуничижительный сарказм?*

— Так что ты делаешь, когда не замещаешь приятелей в отпуске и не надираешь задницы парням в баре? Где ты научился так драться?

— Одна банда пыталась завербовать меня, когда я был ребенком, так что я участвовал в нескольких боях.

— Ты был в банде?

— Нет, — он бросает короткий взгляд на меня. — А чем ты занимаешься, когда не пишешь книги?

— Я плаваю странным стилем и путешествую с совершенно незнакомыми людьми, расследую различные дела, — отвечаю я, широко улыбаясь. Он фыркает на мой не-ответ, его губы ползут вверх. Я киваю:

— Теперь твоя очередь.

Положив запястье на руль, он смотрит за дорогой.

— У меня свой бизнес по защите ценных вкладов.

— Защита ценных вкладов? — Я морщу лоб. — Типа финансист?

Он коротко мне улыбается:

— Иногда.

— Звучит как-то расплывчато.

Он пожимает плечами.

— По большому счету, это управление активами. У меня есть несколько сотрудников. Бизнес растет. Расширяться планирую позже, сейчас я доволен тем, как идут дела.

Раскрываю свой рот, чтобы побольше расспросить его об этом, но тут звонит его телефон.

Он бросает взгляд на экран.

— Извини, должен ответить.

Прижав телефон к уху, он улыбается, а его голос становится мягче.

— Привет! Как ты?

Кто же этот человек, заставляющий его так оживиться?

Как только эта мысль приходит мне в голову, замечаю, что его рука сильно сжимает телефон.

— Он в больнице сколько? Пять минут? Ладно, отлично... два дня. Почему она продает его?

Оооо, какой быстрый переход от дружеского тона к холодному.

Помолчав, он убирает телефон, смотрит на экран, затем снова подносит к уху, его голос более ровный.

— Она звонит. Нет, сейчас я с тобой разговариваю.

Пауза.

— Сделаешь так? Попроси остальных, чтоб помогли тебе.

Еще одна пауза.

— Почему бы тебе не отправить его сюда ко мне, в отель. Я задержусь здесь.

Продиктовав контакты отеля и номер своей комнаты, он спрашивает:

— Сейчас нормально себя чувствуешь? Хорошо. Не перегружайся. А еще лучше, если твоя мама все сама сделает, раз уж она это затеяла. Да-да, я в курсе, какой она может быть. Просто не позволяй ей скидывать всю работу на тебя.

Снова пауза, потом он улыбается.

— Я так и говорю. Кто-то должен за тобой присматривать. Давай встретимся, когда я вернусь в город.

— Извини, — говорит он, кидая телефон в бардачок. — Семейные дела.

— Сочувствую чьей-то болезни.

Он недоуменно смотрит на меня, поэтому я поясняю:

— Ты сказал, что кто-то в больнице.

— У моего отца только что удалили аппендицит. Сейчас все в порядке, просто в то время, когда он вышел из строя, мачеха решила продать семейный пляжный дом. Моя беременная сестра вылизывает там все, а мачеха не утруждается.

— Тогда никаких сожалений, — говорю я с сочувствующей улыбкой.

— Моя мачеха не самый мой любимый человек на земле.

Его телефон снова звонит, и на этот раз он выругивается, прежде чем ответить.

— Так и знал, что ты позвонишь. На самом деле, думал, это произойдет быстрее. О, правда что ли ночевали на твоём газоне? — хитрая улыбка трогает его губы.

Разница в тоне голоса Баса ошеломляет меня. Снисходительность, смешанная с чистой неприязнью. Должно быть, это звонит его мачеха. Не на того парня напала.

— Ну, может потому, что на прошлой неделе я приказал своему адвокату позаботиться об этом, придав его огласке. Жди новостей. Я подписал контракт три года назад, но только сейчас дал ему ход. Давай, покажи его ему. Мне наплевать на соглашение. И так было всегда. Хочешь, порви его.

Когда он замолкает, ее визг в трубке телефона заставляет меня съежиться:

— Ты манипулирующий сукин сын!

Бас спокойно отвечает, не обращая внимания на ее крик:

— Дело сделано. Ты свыкнешься.

Затем он вешает трубку. Две секунды спустя телефон снова начинает трезвонить, но на этот раз он отключает звук. Еще несколькими секундами позже, благодаря настройкам его телефона, позволяющим вслух зачитывать входящие сообщения, механический голос оповещает:

— Сообщение с кодом Нью-Йорка: **Ты совсем о нем не заботишься. Он возненавидит тебя за это.**

У меня перехватывает дыхание, когда он хватается телефон и со всей силы запускает его в поле подсолнухов, которое мы проезжаем.

Когда он выпячивает подбородок и продолжает вести машину, как будто не выкинул только что телефон стоимостью в тысячу долларов в цветочное поле, я говорю:

— Может, хочешь это обсудить?

Его взгляд, скрытый за очками-авиаторами, обращается ко мне.

— Просто проблемы в семье. Думаю, в твоей они тоже есть.

Я смотрю на бегущие мимо фермерские поля.

— Не такие, чтобы бросаться телефонами.

— Ты всегда ладишь со своими родителями?

— Моя мама умерла, когда я была маленькая, а про отца я не в курсе.

Он моргает в ответ на мой комментарий, сочувствие берет верх над злостью.

— Прости. Есть братья или сестры?

Сладкое ангельское личико Амелии и ее светлые волосики всплывают у меня в памяти,

но когда я пытаюсь представить остальное, я не могу. От осознания этого, мои глаза наполняются слезами. Я теряю воспоминания о ней. *Ну почему все фотографии должны были сгореть в том огне?*

— Моя младшая сестра умерла совсем малюткой.

— Прости.

Я киваю и поднимаю голову, позволяя ветру высушить мои глаза.

— У меня есть только тетя. И у нас прекрасные отношения. Никаких ссор и скандалов.

Он фыркает:

— Ну, можешь попросить у меня.

Его неуклюжий ответ прогоняет темные мысли о смерти Амелии из моей головы:

— Попросить у тебя сестру или семейные скандалы?

— Скандалы, — он усмехается. — Сестру я оставлю себе.

Я хихикаю.

— Я пас. Это звучит утомительно, раз уж и таблоиды вовлечены.

— Так и есть.

Кивнув в сторону лобового стекла, он говорит:

— Мы в пяти минутах езды от ярмарки, где, я уверен, работает наш малыш. У тебя в прошлом были враги, которые могли бы попытаться притвориться тобой?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда я мотаю головой, он продолжает:

— А как насчет твоих читателей? Может, кто-то из них вел себя странно или навязчиво, или как-то иначе проявлял свое сталкерство?

— Не знаю ни одного сталкера среди моих поклонников. Ну да, они поддерживают меня, обожают мои книги, но в то же время уважают мою частную жизнь, — я морщу лоб, углубляясь в более далекое прошлое. — После той статьи в колледже, разоблачающей профессора, который шантажом и угрозами распространял наркотики среди студентов, я несколько недель, пока шло внутреннее расследование, чувствовала слезку.

— Зачем кому-то было следить за тобой?

— Потому что именно я анонимно написала ту статью. Там я рассказывала о любимом всеми профессоре, который был связан с наркотиками. Я дала достаточно информации, чтобы любой, кто ходил в этот колледж, сразу понял, кого именно я имела в виду. Надо ли говорить, что студенты стали откликаться. Я написала статью анонимно, чтобы защитить свой источник. Только мой издатель и мой информатор точно знали, что именно я написала ее, но я уверена, что была под подозрением у других.

Мы прибываем к главным ярмарочным воротам и паркуемся на гравийной парковой стоянке. На ярмарке сотни людей, дети бегают от игры к игре, держа в руках сладкую вату или рожки с мороженым. Среди всей этой толчеи стоят огромные аттракционы, подобные странной формы башням. Бас и я проходим к центру парка развлечений, мимо больших аттракционов, затем оставляем позади палатки с едой и ярмарочные игры, пока не доходим до площади у заднего забора, где несколько художников делают рисунки людей, ну или наносят клиентам временные татуировки.

Бас наклоняется близко к моему уху:

— Позволь мне.

И прежде чем я успеваю обсудить с ним план действий, он идет прямо к тощему, десятилетнему пареньку с соломенными волосами, помогающему клиентам выбрать рисунок

временной татуировки.

— Эй, малыш, — зовет Бас.

— Да? — говорит мальчик, поднимая на Баса глаза.

Бас протягивает ему двадцатку, а затем показывает на пустой мольберт с карикатурой старика.

— Можешь привести художника, который нарисовал это? Я узнал его работу и хотел бы переговорить с ним.

Взгляд мальчика мечется между Басом и мной, прежде чем он быстро прячет двадцатку, кивает и убегает прочь.

— Он не вернется, — подавляя вздох, говорю я.

Бас скрещивает руки, принимая уверенную позу:

— Вернется.

Я смеюсь и достаю банкноту из кошелька:

— Спорим на двадцатку?

— Идет, — он сначала застывает, потом расслабляется.

Проходит двадцать минут, я смотрю на Баса, протягивая ему руку. Он ворчит и обращается к художнику, которому до этого помогал мальчик.

— Вы знаете, куда убежал ваш помощник?

Рябой парень с длинным черным конским хвостом откидывает волосы назад:

— Его смена закончилась тридцать минут назад. Он уже не вернется.

Я подавляю смешок, когда Бас неистово смотрит в мою сторону, но не могу не ухмыльнуться.

Он раздраженно говорит художнику, указывая на пустующий мольберт:

— Где паренек, хозяин мольберта? Мне нужно его найти.

Темные глаза татуировщика сужаются в подозрении:

— Что вам от него нужно?

Бас неопределенно машет руками:

— Да просто задать парочку вопросов.

Замечаю, что мы начали привлекать внимание художников, расположившихся вдоль забора. Несколько поглядывают на нас из-за своих рисунков. Прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, большой неуклюжий парень с каштановыми волосами, стриженными под горшок, говорит глубоким голосом, стоя позади Баса:

— Его здесь нет. Уходите.

Бас отворачивается от художника, чтобы посмотреть на высокого, ростом под два метра, парня.

— Мы останемся и пройдемся по ярмарке.

Гигант сжимает мускулистой рукой плечо Баса, его лицо хмурится:

— Вы должны были купить ярмарочные браслеты, но не сделали этого, поэтому вы должны уйти.

Я напрягаюсь, когда Бас хватает огромную руку парня и сбрасывает ее со своего плеча. Следующее, что я вижу — Бас заламывает руку парня у того за спиной:

— Я уйду тогда, когда захочу, — говорит он жестким голосом.

— погоди! — Я трогаю Баса за руку и тяну его. Что-то в лице парня цепляет мое внимание. Сняв солнечные очки, обхожу его огромное тело, чтобы лучше присмотреться. Никаких волос на лице. Боже, да он совсем молоденький! Около двенадцати лет.

Получается, в теле, способном раздавить машину, живет ребенок.

— Как тебя зовут? — спрашиваю у громадного парнишки, протягивая ему руку.

Он бросает на Баса грозный взгляд, но когда оборачивается ко мне, его щеки заливаются краской, и он накрывает своей громадной рукой мою.

— Я Хоуи.

Я с трудом могу достать пальцами другой конец его ладони, чтобы пожать ему руку.

— Привет, Хоуи. Меня зовут Ти. Эй. Лоун, но ты можешь просто называть меня Ти.

— Привет, Ти.

Когда Хоуи кивает, продолжая сжимать мою руку, я улыбаюсь и жестом показываю на одинокий мольберт.

— Поможешь нам найти твоего брата?

Опустив мою руку, он лыбится от уха до уха, его зеленые глаза восхищенно горят.

— Не могу поверить, что ты догадалась, что Хэнк и я — братья. Никто никогда еще не угадывал!

Я возвращаю улыбку.

— Можешь попросить своего брата прийти поговорить с нами? У него не будет проблем, ничего такого. Мне просто надо спросить кое-что у него. В обмен на это я попозирую ему и поставлю автограф. Потом он сможет продать рисунок на аукционе, ну или сделать с ним что захочет.

Парнишка широко распахивает свои и без того не маленькие глаза:

— Ты — знаменитость?

Складываю большой и указательный палец близко друг к другу:

— Сейчас немножко известна, но однажды надеюсь стать автором бестселлеров. Я — писательница и, правда, хочу, чтоб Хэнк меня нарисовал. Поставлю потом рисунок на аватарку. Позовешь его?

Я едва успеваю закончить предложение, как Хоуи убегает в толпу и исчезает за колесом обозрения.

— Как ты узнала? — спрашивает Бас с уважением в голосе.

Поворачиваюсь к нему:

— Узнала что?

— Ну, что они родственники.

Я киваю в сторону художников, которые вернулись к своим работам, когда волнение спало.

— Думаю, все они считают друг друга семьей. Я видела, как они посылают сигналы, чтоб, как я решила, кто-нибудь предупредил Хэнка. Но когда сюда пришел Хоуи... что ж, так сделал бы только близкий родственник.

— Или они могли стать близки как кровные братья в силу чрезвычайных обстоятельств, — говорит Бас, в его голосе нотки ностальгии смешиваются с грустью.

Он не упоминал никаких братьев раньше. Или он говорит о близких друзьях? Может, он потерял дружбу с кем-то? Должно быть, они близки с Тревором. Не знаю больше никого, кто бы взялся за работу другого, только чтобы тот съездил в отпуск. Солнце светит сквозь авиаторы Баса, позволяя мне выдержать его взгляд. Я улыбаюсь.

— Ну, или так.

Пока мы ждем, когда Хоуи найдет брата, Бас позволяет мальчишке, что ходит вокруг, жонглируя тремя шарами, ввязать себя в игру Смахни-со-стенда-бутылки-с-молоком.

Потратив двадцать пять долларов, Бас протягивает мне приз, криво улыбаясь: черное бисерное кольцо, выглядящее на два бакса.

— Ты же понимаешь, что тебя провели, так? — поддразниваю я, надевая кольцо.

Он ворчит:

— Это дело чести!

— Я правда могу тебя нарисовать, и ты подпишешь? — подросток говорит откуда-то слева от меня, привлекая мое внимание. Он на несколько сантиметров ниже, чем я, но, судя по его глубокому голосу, ему около пятнадцати лет.

Я улыбаюсь и сажусь на стул у его мольберта.

— Так нормально?

Кивнув, он устанавливает широкий деревянный ящик с края мольберта и достает оттуда парочку угольных карандашей. Его темно-синие глаза уже изучают мое лицо.

— О чем ты хотела спросить меня?

Я наблюдаю за Басом, который становится позади меня и складывает руки, опираясь на ярмарочные ворота, затем поворачиваюсь обратно и жду, пока Хэнк набросает пару штрихов, прежде чем спросить у него.

— Несколько месяцев назад ты купил ваучер в отеле «Хоторн».

Когда Хэнк начинает отрицать очевидное, я поднимаю руку:

— У меня нет к тебе никаких претензий. Я просто хочу узнать, кто послал тебя в отель купить его для мистера Шихана?

Внимание Хэнка сосредоточено на Басе, как будто он не до конца тому доверяет. Бас может быть очень устрашающим, когда захочет.

— Он со мной, Хэнк. Уверяю.

Хэнк пожимает плечами, затем возвращается к рисунку.

— Однажды у моего мольберта объявилась женщина. Она попросила меня дойти до отеля и купить ваучер на имя этого мужчины. Она дала мне листочек с инструкцией.

— Женщина? — говорю я, бросая удивленный взгляд на Баса. — А тот листочек был со значком отеля, ну, или с какими-то другими отличительными чертами? Может, он у тебя сохранился?

— Никаких знаков, обычная бумага. Я выбросил его, — отвечает он, прежде чем начать делать быстрые штрихи на рисунке — умение, достигаемое годами практики. Замерев, он карандашом указывает на мои волосы: — У нее были рыжие волосы, как у тебя. Хотя ее были темнее, скорее коричневатый красный. И она была повыше.

В тревоге, я подаюсь вперед на моем стуле.

— Ты ее знаешь? Ну, или видел ее раньше в окрестностях Эдгартауна или здесь, в Вест Тисбери?

Он мотает головой.

— Нет, никогда раньше не видел. Она пришла ко мне под конец дня, когда солнце уже почти зашло, и попросила купить ваучер в «Хоторне». Она дала мне наличку, чтобы заплатить за ваучер, и обещала пару сотен баксов сверху.

Почесав нос тыльной стороной своей испачканной руки, он продолжает:

— Первую сотню я получил, прежде чем купить ваучер, вторую сотню — когда привез ей его.

— Где вы встречались? — спрашиваю я, надеясь, что местоположение как-то сузит круг подозреваемых.

Он пару раз проводит карандашом по рисунку, как будто заканчивая его.

— Она снова пришла сюда несколько дней спустя, чтоб забрать его. И я не видел ее ни до, ни после этого. Честно, клянусь.

Пару минут спустя, он говорит:

— Я все. — Затем отходит от рисунка. — Я... мм... немного поменял.

Он не нарисовал мою карикатуру, как я думала. Вместо этого, он изобразил настоящую меня. Ну, он сделал меня красивее, чем я есть на самом деле, но, блин, если я хочу поставить рисунок себе на аватарку, я должна выглядеть на нем супермоделью.

Я беру карандаш и вывожу свою авторскую подпись Ти. Эй. Лоун в углу его шедевра.

— Фантастика, Хэнк. Ты и правда очень талантлив.

Отдав ему карандаш, я фотографирую рисунок камерой телефона, чтоб позднее сделать аватарку.

Когда я убираю телефон, Хэнк говорит:

— Могу я поинтересоваться, почему ты спрашиваешь про тот ваучер?

Я киваю.

— Я спрашиваю, потому что эта загадочная женщина, что пришла к тебе, отправила ваучер и приглашение другому человеку, притворившись мной.

Его глаза расширяются, а лицо бледнеет:

— Извини. Я не думал, что она так сделает.

Бас становится позади меня, его поза более расслабленная.

— Если кто-то предлагает тебе легкие деньги, то я гарантирую тебе, что-то тут не чисто.

Когда Хэнк виновато кривится, я похлопываю его по плечу:

— Ну, ничего. Так что ты будешь делать с рисунком?

— Что за книги ты пишешь? — спрашивает он с горящими глазами.

Я улыбаюсь.

— Я пишу детективные романы.

Широкая ухмылка расплзается по его лицу.

— Я приберегу его. Однажды ты будешь очень знаменита.

Смеясь, качаю головой.

— Никто не знает.

Он покачивается на пятках, его глаза сверкают уверенностью:

— Да, будешь. То, как ты нашла меня. Все это расследование. Я просто уверен.

— Что ж, спасибо за доверие, Хэнк. И за новый клевый аватар. И если ты и дальше будешь так рисовать, думаю, сам однажды проснешься знаменитым.

Хэнк проглатывает ком в горле и трет глаза, бормоча что-то про пыль, я подхожу и снова беру карандаш, говоря:

— И, раз ты будешь хранить ее... — я кое-что приписываю к своему автографу, затем протягиваю Хэнку карандаш.

— Для Хэнка, лучшего художника в Мартас-Виньярде, — Хоуи с гордостью вслух читает мою надпись рокоchущим голосом. — Говорил тебе, она умная и красивая.

Усмехнувшись, он хлопает брата по спине, так что тот вынужденно делает пару шагов вперед.

И когда Хэнк восстанавливает равновесие и дает пять своему брату в знак согласия, Бас говорит плавающим кисти голосом, предназначенным только для моих ушей:

— Лучше и не скажешь.

Глава 8

Талия

— Что будешь делать с информацией, полученной от Хэнка? — спрашивает Бас, когда мы паркуемся на тенистой парковке отеля «Хоторн».

Я смотрю, как он глушит двигатель и кладет очки на панель. Он выглядит расслабленным, но моя интуиция подсказывает, что это не так.

— Пока все, что у меня есть — это описание высокой рыжеволосой женщины, без всяких имен. Так что лучшее, что я могу сделать — это работать с тем, что есть. После того, как я выясню контактные данные мистера Шихана, я спрошу у него, где он достал приглашение.

Положив запястья на руль, он поворачивается ко мне:

— А со стойки регистрации эту информацию получить нельзя?

Качаю головой:

— Так как ваучер оплатили заранее, ему не надо было предоставлять какую-либо информацию о себе.

Бас слегка хмурится:

— А может, мистер Шихан думал, что встречается с тобой, когда забирал ваучер и приглашение?

Несколько секунд обдумываю его вопрос, и мой живот скручивает от этой мысли.

— Я и не задумывалась, что она могла притворяться мной, но сейчас, когда ты упомянул об этом... какое странное совпадение, что она так на меня похожа.

Он барабанит пальцами по приборной панели, а ветер тем временем бьет его в лицо, играя с волосами.

— Если он брал машину в прокат, пока был здесь, я смог бы добыть информацию. Я знаю нужных людей в прокатных компаниях. Какое его полное имя?

— Было бы здорово, — открыв сумочку, записываю «Бредли Шихан» на клочке бумаги. — Надеюсь, я докопаюсь до правды за оставшиеся пару дней. Мне не по душе мысль, что кто-то бродит и выдает себя за меня.

Когда я протягиваю ему бумажку, он хватается мою руку.

— Поужинай со мной сегодня.

Мой взгляд встречается с его. Мы отлично сработались, получая нужную мне информацию. Он не должен был помогать мне, но помог. Неужели это так плохо — поужинать с ним?

— Эй, Бас! — Две калифорнийские блондинки в коротких теннисных юбочках дефилируют рядом с его машиной, ракетки покоятся на их плечиках. Та, что поменьше, выгибает идеально выщипанную бровь:

— Может, дашь несколько советов?

Он смотрит на темнеющее небо, потом улыбается им:

— Вам следует поторопиться, дамы.

— О, ты можешь лучше, — с намеком говорит та, что повыше, прежде чем они обе смеются и направляются к теннисным кортам.

Когда его взгляд возвращается ко мне, мой пульс подпрыгивает и бьется внутри. В верхней части левой радужки Баса — темно-коричневое пятнышко. Раньше я не замечала этого, ведь в большинстве случаев мы были в помещениях, а когда находились снаружи, он носил очки. Вплоть до этого момента.

Засунув бумажку в его ладонь, вырываю из захвата свою внезапно задрожавшую руку.

— У меня есть дела, — говорю я и быстро дергаю дверную ручку.

И как только я толкаю дверь, чтобы ее открыть, он снова хватается за меня:

— Я бы хотел проводить больше времени с тобой.

Все, о чем я могу думать — это Себастьян. Как он погубил меня для всех остальных мужчин. Натан был пластырем. Я думала, что пройдет время, и я смогу двигаться дальше, а он сможет затянуть зияющую дыру, оставшуюся после единственной умопомрачительной ночи с Себастьяном.

Я качаю головой и снова вырываюсь.

— Прости, Бас. Не думаю, что это хорошая идея.

Он хмурит брови в очевидном разочаровании:

— Это чертовски отличная идея, и ты это знаешь.

Я выхожу из машины и захлопываю дверь. У меня такое чувство, что я задолжала ему некоторые объяснения. Да, химию между нами хоть лопатой гребь, как он выразился. Он этого не заслуживает.

— Ты слишком напоминаешь мне кое-кого из моего прошлого.

Когда я поворачиваюсь чтобы уйти, он спрашивает низким требовательным голосом:

— Это хорошие воспоминания? Или плохие?

— И хорошие, и плохие, — я отвечаю честно, а потом убегаю под раскаты грома.

По пути в комнату получаю смс от Натана.

Натан: Нам надо поговорить. Это важно.

Я: позже поговорим.

Натан: Нет сейчас, хотя тебя тут нет.

Омг, он похож в моей квартире. Что такого важного?

Я: меня нет в городе. Позвоню, когда вернусь.

Вернувшись в комнату, даже не включаю свет. Вместо этого я немедленно раздеваюсь и иду в душ. Чудом сдерживаю слезы, пока позволяю горячей воде смыть ярмарочную пыль, прилипшую к поцелованной солнцем коже.

Машинально беру кусок мыла и сразу кладу его обратно. Та же ситуация с шампунем. К тому времени, как я подсушиваю полотенцем волосы, за окном разыгрывается буря. Гром сотрясает пол, а вспышки молнии импульсами света озаряют комнату. Дождь тяжелой стеной идет за окном, яростно стуча по стеклу.

В затемненной комнате подхожу к своему чемодану и освобождаюсь от комплекта свежего белья, затем открываю дополнительное отделение и достаю оттуда сложенную куртку.

Мои пальцы пробегают по гладкой дорогой коже, прежде чем я скольжу руками внутрь и выдыхаю от краткого возбуждающего ощущения подкладки на своих голых сосках.

Прислонившись к подлокотнику кресла, подтягиваю колени к груди и носом утыкаюсь в кожаный воротник. Глубоко вдыхая, я с облегчением обнаруживаю, что он все еще хранит запах Себастьяна. Запах семнадцатилетнего мальчишки, каким он был, когда дал мне эту куртку ночью под проливным дождем одиннадцать лет назад. Я никогда не использую парфюмированную продукцию, собираясь надеть его куртку. Со временем его запах исчез, но я не хочу, чтоб кожа полностью потеряла свой уникальный мужской аромат.

Куда бы я ни поехала, я беру с собой куртку Себастьяна, но надеваю его только в случае полного одиночества. Сегодня как раз такой случай.

— Почему я не могу отпустить тебя? — шепчу я, пока капают тихие слезы. В принципе я знаю ответ, но прошло уже три года с тех пор, когда он в последний раз касался меня. Казалось бы, стадия тоски уже должна была пройти, и я не могу позволить одному человеку занимать столько места в моей голове.

Защитником, благодетелем, любовником... моей одержимостью. Вот кем стал для меня Себастьян.

А сейчас, когда я встретила мужчину, способного вытолкнуть его на задворки моего сознания и сделать его далеким воспоминанием, я сижу тут в одиночестве, в темноте, надев его куртку. И как я так облажалась?

Я вздыхаю в потолок и плотнее укутываюсь в куртку, позволяя непрекращающемуся ливню за окном объять волшебством мой разум, не желавший ничего решать.

Закрыв глаза, слушаю ровный стук дождя по стеклу и позволяю себе окунуться в воспоминания о той ночи, когда я потеряла свою невинность с единственным человеком, которому я когда-либо полностью доверяла. Единственный человек, которого я целиком пустила в свое сердце, тело и разум. Моя кожа горит, когда я мысленно вызываю ощущение его рук на моем теле, глубину его взгляда и силу его собственнических объятий.

Во время той костюмированной вечеринки, я называла его «Мистер Блэк», прежде чем узнала, что на самом деле его зовут Себастьян. Я вытираю свои слезы и тону в глубоком тембре его голоса, называющего меня «Мисс Скарлетт». Той ночью, в его постели, я сказала называть меня Рэд, и это было способом напомнить ему, что мы уже встречались восемь лет назад, когда я была молоденькой встревоженной девчонкой. Это он назвал меня Рэд, после чего дал мне свою куртку, спасая меня от холода. Он знает меня только под двумя именами: Скарлетт и Рэд.

Я не называла свое настоящее имя, и не уверена, сколько бы протянула с ответом еще, если бы мы продолжили наши страстные встречи после той ночи. Он заставлял меня подчиняться такими чертовски смущающими способами, но с Себастьяном они были скорее естественными. Мужчина, обладающий такой властью над моим телом и разумом, очень опасен для кого-то, хранящего темные секреты. С тех пор я физически держусь подальше от него, ну а сейчас, ради своего будущего счастья, я должна отстраниться и мысленно.

— В последний раз, мистер Блэк... — шепчу я в темную из-за бушующей бури комнату. Поглубже устроившись на подушках, скольжу рукой по бедру, полностью отдаваясь каждой частичке памяти и фантазии о Себастьяне, прежде чем отпустить его раз и навсегда.

Глава 9

— Черт! — Я ударяю кулаком по рулю, когда она уходит, взмахнув своими великолепными рыжими волосами. Гремит гром, и я нажимаю кнопку, чтобы закрыть крышу. Ну как она может продолжать отрицать связь между нами?

И хорошие, и плохие.

Что это на хрен за ответ? Что такого произошло, что заставляет ее так бояться признать то, что знаем мы оба. Наша химия рвет крышу. Она настолько интенсивна, что мне пришлось вцепиться в проклятый руль, чтобы не протянуть руку и коснуться ее так, как я хочу. И так, как я знаю, она хочет.

Я откидываюсь на сиденье и прокручиваю события сегодняшнего дня.

Я знал, что она умна, но понятия не имел, насколько развита ее интуиция. Я с любовным благоговением наблюдал за ней на ярмарке. Ее сочувствие обнадеживает, но ее очевидный интеллект заставляет меня желать ее еще больше. Я потерял счет своим стоякам.

Автор детективных романов. Кто бы мог подумать? Но после сегодняшнего дня я понимаю, откуда берется ее страсть к писательству.

Мне совсем не нравится, что кто-то притворяется ею, и меня тревожит, что я не имею ни малейшего понятия, кто эта таинственная рыжая. Ну, в конце концов, мы можем проверить этого Шихана. Найдя информацию о нем, я не только помогу в ее расследовании, но и получу еще один предлог встретиться с ней.

Черт, я наслаждался нашими подколками, и хотя ее еще держит прошлое, мы не так уж и различаемся в этом. Но у нее как будто шторы на глазах. Почему она не присмотрится? Неужели, она, правда, боится того, что увидит?

Я выдергиваю ключи из зажигания и зажимаю их в руке. Скоро она поймет одну вещь обо мне. Я никогда не успокаиваюсь, пока не добьюсь своего. А она — то, чего я хочу, и хочу так сильно, что уже могу попробовать на вкус страсть между нами.

Сегодня я обязательно ее увижу, и заставлю ее увидеть меня.

Глава 10

Талия

Я подпрыгиваю от звука своего телефона. Шатаюсь, ползу в темноте к сумочке, оставленной на консоли у двери. Схватив телефон, гримасничаю при виде своей помятой физиономии в декоративном настенном зеркале.

— Алло? — говорю я, пальцами пытаюсь привести волосы, ставшие похожими на птичье гнездо, в порядок.

— Вот и ты! — восклицает Синтия, ее голос звенит от волнения. — Я отправила тебе три сообщения! Просто хотела пересечься и рассказать о парне, которого я встретила сегодня. Через полчаса мы ужинаем вместе.

Бросаю попытки привести свои волосы в порядок и двигаюсь к шкафу, чтобы достать платье.

— Думала, у тебя сегодня деловая встреча.

— Мы рано закончили. Я просто жду, когда он заедет за мной.

— Ну, понятно. Завтра все мне расскажешь.

— Завтра? Но у меня есть бутылка шампанского, и я бы хотела отпраздновать с тобой.

— Ну... — выглядываю наружу и хмурюсь — там темно. Похоже, из-за шторма все небо

заложило тучами. — Сколько времени?

— Половина девятого. Бал-маскарад начнется через полчаса. Как говорят французы, можем принять аперитив перед вечеринкой.

— Половина девятого! Извини, Синтия, я приму предложение на шампанское в другой раз. Я задремала и проспала. А мне еще нужно в душ.

— Ладно. Тогда до завтра?

Черт, как плохо. Слышу разочарование в ее голосе.

— Абсолютно точно. И ты все-все расскажешь мне про твое горячее свидание.

— Я так и сделаю. Иди, надевай свой маскарадный костюм и туфли. Ты должна стать королевой бала!

Издаю несвойственное леди фырканье.

— Сомневаюсь. У меня нет груди четвертого размера или волос платинового цвета.

— Убедись, что платье открывает ноги, и ты в шоколаде.

— Буду скучать по своей сообщнице по веселью. Повеселись, Синтия.

— Как всегда. Поболтаем завтра!

Сорок пять минут спустя я провожу рукой по прическе «Ракушка» и закрепляю ее украшенной черными камнями шпилькой. Используя зеркало, изучаю тонкие завязки платья и низко опущенный вырез у самого основания моей спины. Хотя платье и черного цвета, его цепкий материал требует трусиков-стрингов.

Я кружусь у высокого зеркала, чтобы проверить, как лежит мой воротник-хомут, щедрый вырез сбоку платья показывает длину моих ног и великолепные туфли на двенадцатисантиметровом каблуке. Сексуальные туфли очень высокие, мне приходится присесть, чтобы застегнуть ремешки вокруг щиколоток без риска свалиться.

Наношу немного блеска на губы, затем критически осматриваю остальной макияж. Линия подводки на глазах чуть толще, чем я обычно делаю, но я все равно уступаю по этой части множеству девушек, которых я видела за последнее время, включая Синтию. Я надеваю великолепную черную блестящую маску, предоставленную отелем, затем бросаю последний взгляд в зеркало. Я выгляжу презентабельно.

Схватив маленький металлический клатч, кладу внутрь приглашение на бал и телефон, а затем спускаюсь на главный этаж. Мой желудок трепещет по мере приближения к бальному залу. Понимаю, это смешно, учитывая то, как я отвергла Баса, но часть меня надеется произвести на него впечатление сегодня.

Я опоздала на полчаса, поэтому прихожу в зал, уже переполненный тремя или около того сотнями шикарно одетых мужчин и женщин в смокингах, сделанных на заказ, и дизайнерских нарядах. Даже ароматы парфюма и одеколona ощущаются роскошными. Их сочетание тяжеловато для меня, и я чувствую легкое головокружение.

— Добро пожаловать, мисс Лоун, — приветствует меня Патти Хоторн. Сияя, она сжимает мою руку:

— Я так рада, что вы смогли прийти. Это событие очень популярно среди наших гостей.

— Спасибо, мисс Хоторн, — касаюсь своей маски и улыбаюсь, — а как вы догадались, что это я?

Она проводит рукой по своим идеально уложенным белым волосам, ее щеки округляются от смеха:

— Я рыжая, просто рано поседела. Мы, рыжие, должны держаться вместе.

— Рыжие рулят! — Я беру ее под руку, и мы движемся по направлению к

танцплощадке.

Как только мы добираемся до края танцующей толпы, она спрашивает:

— Вы видели свои подсказки? Они были на обратной стороне приглашения.

Я быстро вытаскиваю свое приглашение и переворачиваю его. Там оттеснены три вещи: красный, черный и вода.

Улыбаясь, она обводит рукой танцующих людей:

— Хорошо, скоро произойдет обмен.

— Обмен? — В недоумении смотрю на нее.

Она кивает головой.

— Первые пару часов бала, каждые несколько минут наши гости меняются партнерами по танцу. Подсказки на вашем приглашении соответствуют мужчинам здесь, в «Хоторне». Две подсказки могут соответствовать нескольким гостям, но все три подходят только одному. Если в течение двух часов вы сумеете найти гостя, которому подойдут все три ваши подсказки, вам больше не придется менять партнера. В этом случае, вы можете продолжить и дальше танцевать с ним, а можете пойти в бар и выпить что-нибудь, как хотите. Цель этого всего — попытаться свести наиболее подходящих друг другу людей, основываясь на данных опроса. И даже если вы не сумеете найти мужчину, которому бы подходили все три ваших подсказки, вы все равно познакомитесь с несколькими интересными людьми в процессе.

Опрос? О, должно быть, вместо меня его заполняла тетя Ванесса. Не могу даже представить себе парня, который после всего этого мне достанется. Выдавливаю улыбку.

— Звучит... интересно.

Мисс Хоторн подмигивает мне:

— Знаю, вы оцените загадочность всего происходящего. Танцуя со своими партнерами, проверьте их на подсказки. Уверена, женщина с вашими дедуктивными способностями мгновенно найдет нужного мужчину.

Оглядевшись вокруг, Патти останавливает высокого русоволосого мужчину, который как раз собирается ступить на танцпол.

— Запомнили свои подсказки?

Когда он кивает, она подталкивает его ко мне:

— А вот и ваш первый партнер.

Он ухмыляется и берет мою руку, ведя меня сквозь толпу. Когда его рука опускается мне на талию, я улыбаюсь и говорю:

— Совсем не неловко.

Засмеявшись, он ставит меня в танцевальную позицию, и мы начинаем двигаться под музыку.

— Я жалею, что у меня не было возможности поцеловать тебя тогда, но, в конце концов, сейчас я могу с тобой потанцевать. Твое платье говорит мне, что ожидание того стоило.

— Так тебе нравится черный цвет? — невинно интересуюсь я, наслаждаясь безобидным флиртом мистера Калифорния.

Он трясет головой.

— Я предпочитаю красный, но черный идеально контрастирует с твоими потрясающими волосами. Что насчет тебя? Какая у тебя любимая еда?

— Пряная. Почему спрашиваешь?

И как только он начинает отвечать, ведущий командует в микрофон: «Меняемся», и я

быстро оказываюсь в руках другого мужчины.

Я пытаюсь найти все три соответствия с подсказками с каждым моим партнером следующие сорок минут, но ни один мужчина не дает мне верных ответов на ключевые вопросы. По крайней мере, шесть из них были уверены, что я соответствую их подсказкам. Слишком большая цифра для точного метода Патти «найди себе пару».

В целом, мужчины не выходили за рамки допустимого своими вопросами. Несколько пытались выяснить что-то личное обо мне, но я делала так, чтоб они увидели мое помолвочное кольцо. Большей частью я была рада возможности затронуть тему подсказок в нашем разговоре. Некоторые партнеры легко шли на это, некоторые не очень, но каждый раз я чувствовала возбуждение, когда мне удавалось получить ответ на все три моих вопроса.

Когда в очередной раз ведущий командует:

— Меняемся, — мой следующий партнер заходит не спереди, как все остальные. Вместо этого, меня быстро поворачивают, и, прежде чем я ловлю шанс встретиться с ним взглядом, он врывается в мое личное пространство, прижимаясь ко мне.

Меня не волнует, что его сделанный на заказ смокинг стоит больше моей машины. Я немедленно напрягаюсь и пытаюсь оттолкнуть его, собираясь сказать а-ну-отвали-нахрен, но застываю, когда он проводит рукой по моей обнаженной нижней части спины, нагибается близко и шепчет мне в ухо:

— Снова встретились, мисс Скарлетт. Или я должен называть тебя мисс Рэд? Узнаю ли я в этой жизни, кто ты на самом деле?

О боже мой, Себастьян? *Себастьян*. Из всех мест он выбрал это? Волна тепла быстро растапливает образовавшуюся стену льда вокруг меня. Моя кожа вспыхивает в ответ на его близость, его твердое тело и возбуждающий аромат. Особенно там, где он касается моей спины, моя кожа горит. Ну конечно, именно в тот момент, когда я, рыдая, попрощалась с ним, он вновь появляется в моей жизни. Дерьмо.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я строгим голосом, отклоняясь, чтобы посмотреть на его гладкую, угловатую челюсть и черную маску.

Но даже тогда, когда его рука скользит вдоль моей спины, прижимая мою грудь к его, он смотрит прямо вперед и начинает двигаться под музыку.

— Я здесь, чтобы найти свою пару, — он бросает на меня короткий взгляд, и его голос понижается. — Хотя мы оба знаем ответ на этот вопрос.

Его протянутая рука сжимает мою, его тепло посылает дрожь волнения по моей спине.

— Почему ты не пришла на встречу в кафе, как мы договаривались?

Смотря на его напряженную челюсть, хватаюсь за его руку, лежащую на моей талии.

— Тяжело объяснить. А тебе передали...

Пытаюсь спросить, получил ли он коробочку, которую должна была отдать его сестра по моей просьбе, но ощущение металлического браслета часов под моими пальцами цепляет мое внимание. Он носит часы, которые я оставила на сохранение Мине, пока он не вернется в Штаты.

— Твоя сестра сказала, что ты уехал. Что тебя перебросили в зону военных действий.

Обеими руками он сжимает мою талию, пока мы продолжаем танцевать.

— Ты в курсе, что я «морской котик»?

Я киваю.

— Да, Мина сказала на следующий день.

Его руки напрягаются вокруг меня.

— Все это время ты поддерживала связь с моей сестрой, но даже и не подумала связаться со мной?

Низкое рычание его голоса мгновенно усиливает растущую во мне раздраженность.

— Нет, мы с ней не поддерживали связь.

Но сейчас, когда у него есть часы, он догадался, что мы с ним уже встречались. Именно эти часы тринадцать лет назад он украдкой сунул в карман куртки, чтоб потом отдать его мне.

— Как ты узнал меня сегодня? Я была блондинкой, когда мы были вместе три года назад.

Он наклоняет голову и ухмыляется, проводя пальцем по моей щеке до нижней части маски.

— У тебя уникальная нижняя часть лица.

Я отталкиваю его руку.

— Не правда, Себастьян. Почему ты здесь?

Он берет мою руку и поворачивает ее, оставляя мягкий поцелуй на ладони.

— Хочу, чтоб ты, наконец, назвала свое настоящее имя.

Каждое нервное окончание в моем теле трепещет от жара его рта на моей коже.

— И почему только сейчас...

— А еще я хочу тот следующий день и следующую ночь, которых у нас не было.

Я так возбуждена, что у меня подгибаются колени. До сих пор не могу поверить, что он здесь, снова заявляет свои права на меня, как будто и не было этих трех лет.

— Меняемся! — говорит ведущий в микрофон, заставляя меня подпрыгнуть. Себастьян поворачивается к мужчине, подошедшему слева от меня, и говорит убийственным голосом:

— Отвали.

— Это было не обязательно! — говорю тихим голосом, когда парень поднимает руки вверх и уходит, высматривая другую партнершу по танцам.

— Ты допускаешь мысль, то кто-то из этих мужчин — твоя пара? — вкрадчиво говорит он.

А если он весь такой подходящий мне, какого хрена он не пришел за мной? Понимаю, моя досада иррациональна, но если он после трех лет молчания собирается действовать так интенсивно и собственнически, могу я позволить себе нелогичные мысли? Готова поспорить, он приехал в «Хоторн», как и все остальные одинокие богатые мужики, — потрахаться. Но вместо этого, он увидел меня. Случайное совпадение во всей красе.

Из-за высокомерия Себастьяна я хочу пнуть его, поэтому оглядываю зал, рассматривая остальных парней, пока он медленно ведет меня под музыку.

— О, я пока не могу ничего сказать на предмет подходящей мне пары. Я еще не успела как следует тут развернуться. Ночь только началась.

— Красный, черный и вода, — Себастьян перечисляет мои улики, как будто читая их с задней стороны моего приглашения.

— Как... ты узнал? — полностью сраженная, моргаю я.

Он пожимает плечами.

— Это три мои самые любимые вещи.

Я напрягаюсь в его руках.

— Только потому, что так случилось, что на моем приглашении все три этих слова, еще не значит...

— Ты что, не рада, что я побрился, Ти? — Он снимает маску, чтобы я хорошенько рассмотрела его глаза. Два ярких голубых глаза сверлят меня взглядом. На левом — коричневое пятнышко.

Глава 11

Талия

— Бас? — шепчу я, шаги теряют твердость. Обретает смысл чувство узнавания, преследующее меня. Хочу ударить себя за то, что я обо всем догадалась, но упорно игнорировала это. Я выпрямляюсь, меня охватывает ярость, и я пытаюсь остановить танец, но он только крепче сжимает меня, продолжая двигаться под музыку.

— Какого хрена ты притворялся? Что за идиотские ментальные игры ты затеял?

Себастьян разражается низким смехом, полным сарказма.

— Ты написала книгу, прикрываясь псевдонимом. Сколько их сейчас у тебя? Скарлетт? Рэд? *Мисс Лоун*? Я, по крайней мере, последователен в своем двуличии.

— Последователен? — восклицаю я, стараясь не срывать на визгливый тон. Все, что он сказал мне как Бас — каждое соблазнительное слово — проносится у меня в голове. Я настолько зла, что сопротивляюсь, даже несмотря на его крепкие объятия. Я прекращаю танцевать и свирепо смотрю на него.

— Как то, что ты притворялся кем-то совсем другим, согласуется с последовательностью? Я бы хотела услышать ответ, Бас.

Он пожимает плечами.

— Быть не собой было проще всего, пока я подменяю Тревора. Бас — это прозвище, которым меня наградили друзья в отряде.

— Тревор тоже «котик»?

Себастьян кивает, потом сужает глаза.

— То есть, ты встречалась с моей сестрой, но не смогла найти время выпить со мной чашечку кофе?

— Ты на меня злишься?

Я таращусь на него, и его голос становится суровым:

— А ты не думала о том, что я имею на это право, ведь спустя всего три года ты не узнала меня в Басе?

Я отправилась на встречу с ним тогда, но осталась стоять в сторонке, когда поняла, что он уезжает на задание. И даже тогда, я видела только его профиль.

— Когда той ночью ты снял маску, свет ни разу не упал на все твое лицо, поэтому я никогда не видела его. И, несмотря на перемены в цвете твоих глаз и голосе, я сказала, что ты кое-кого мне напоминаешь.

Он сжимает зубы.

— И все это время ты ни разу не попыталась найти меня?

Он задал вопрос, но на самом деле это утверждение. Боль в его глазах остужает мой гнев на пару градусов, но потом я задираю подбородок вверх. Он не имеет ни малейшего понятия, как тяжело мне было НЕ искать его.

— Как и ты. Мы в расчете.

Когда он не спорит с моим утверждением, а просто смотрит на меня, играя желваками,

я вздыхаю.

— Мне только что пришло в голову. Ты не говорил. Какая фамилия у Баса?

— Блэк, — ироничные искорки зажигаются в его глазах, а губы изгибаются в усмешке. — Последовательность, мисс Лоун.

Он взял имя, что я дала ему той ночью, в качестве псевдонима? Когда мой живот начинает скручивать, я беру себя в руки, отказываясь погрязнуть в его обольстительных чарах.

— Ты здесь, правда, чтобы помочь Тревору?

Он ведет плечом.

— Так сказать. Я помогаю ему здесь, пока он делает кое-что для меня там. Если ему понравится эта работа, я возьму его в «БЛЭК Секьюрити».

«БЛЭК Секьюрити» *Он назвал свой бизнес Блэк?* Прежде чем основательно задуматься об этой умопомрачительной новости, пытаюсь остаться сосредоточенной и натянуто говорю:

— Безопасность (прим. ред. security с англ. безопасность)?? Ты вроде говорил, что занимаешься ценными вкладами.

— И это тоже, среди всего прочего, — говорит он, медленно ведя пальцами по моей руке.

Не могу поверить, что он рассчитывает, что я просто проигнорирую его обман последних дней. Я уклоняюсь от его прикосновения.

— Есть хоть что-то из рассказанного тобой, будучи Басом, что не является полуправдой? — И прежде чем он ответит, подавляю разочарованный вздох. — Он начал по-настоящему нравиться мне.

Он застывает, как от удара, буравя меня своими ярко-голубыми глазами.

— Бас дал тебе понять, что хочет тебя, но он просто ждал, пока ты созрешь. Мы оба знаем, этого никогда бы не произошло. Я знаю точно, чего именно ты хочешь.

Он подходит вплотную, пока его грудь не касается меня. Я задерживаю дыхание, молясь, чтобы он не почувствовал мое дикое, как после марафона сердцебиение.

— Ты хочешь забыть о контроле. Ты хочешь, чтобы я взял тебя, пока ты не умоляла бы меня остановиться. Меня, не Баса. И если желание повернуть время вспять, когда ты бросила меня, делает меня ублюдком, мне плевать.

Он сжимает мою руку и крутит кольцо на пальце.

— И прежде чем ты полностью отдашься какому-то мудаку, который не знает, что с тобой делать, я хочу всю тебя для себя. Не на часы. До конца твоего отдыха здесь.

В то время, пока мои внутренности сжимаются при мысли о днях, проведенных в постели с Себастьяном, он пальцем скользит по моему подбородку, затем поднимает его кверху, заставляя взглянуть на него.

— Ты возместишь мне упущенное время? Больше я ничего не требую. — Он берет мое лицо в свои руки. — Позволь показать тебе, что это значит — следовать своим желаниям. Быть полностью в моей власти.

Полностью в его власти? Он что, думает, что раньше я не отдала всю себя ему? Ну конечно, он не имел никакого понятия, что я никогда не забывала его, и что он глубоко пробрался в мои мысли. Такими путями мне остается только набить татуировку на заднице «Собственность Себастьяна Куина». Ведь разве осталось еще хоть что-то во мне, что не принадлежало бы ему?

Но даже все желания в мире не могут успокоить бушующий во мне гнев. Ничего из его пламенной речи не меняет того факта, что он лгал мне последние два дня. Он знал, кто я такая, а притворялся, что нет.

— Почему ты сразу не сказал, кто ты есть, когда узнал меня?

И когда на его лице появляется упрямое выражение, и он начинает играть желваками, я осознаю, что он не собирается отвечать.

— Ну и ладно.

Я разворачиваюсь и иду, но ремешок моих туфель внезапно рвется, отчего я боком начинаю заваливаться на танцующую пару.

— Мне так жаль, — говорю им, когда меня за талию подхватывают сильные руки.

— Поймал, — говорит Себастьян мне на ушко.

Балансируя на одном каблуке, мне ничего не остается, кроме как позволить ему вывести меня из толпы. Себастьян не говорит ни слова, только прижимает меня к себе, когда я избавляюсь от испорченной туфли. Вместо того чтобы позволить мне на цыпочках пересечь танцпол, он на несколько сантиметров приподнимает меня и несет через весь зал, как будто я картина в натуральную величину.

Не обнаружив ни одного сиденья в бальном зале, он выносит меня наружу, мимо лифтов, к алькову с папоротником и консольным столом.

— Сделаем так, — говорит он. — Кладя маску на стол, он протягивает руки. — Обопрись на стол, а я займусь застежкой.

Я кладу свою маску около его, затем поднимаю туфлю, чтоб лучше ее рассмотреть.

— Испорчена.

Сама туфля не повреждена. Просто я, похоже, не достаточно затянула ремешок. Жалея, что мы не нашли ни дивана, ни стула, чтобы я сама это сделала, я вздыхаю и отдаю ему свою туфлю.

Когда я облокачиваюсь о стол и поднимаю ногу для него, Себастьян берется за подол моего платья со стороны разреза, затем сует материал в мою руку, лежащую на столе.

— Держи, а то мешается.

Сжимая подол, стараюсь не думать о том, насколько открыты мои ноги. Вместо этого, как только Себастьян становится на одно колено, рассматриваю его короткие черные волосы. Теперь они выглядят так, как я запомнила. Затем позволяю своему взгляду пройти по дорогому смокингу, натянутому на его широкие плечи. Этот мужчина очень массивный и одновременно с этим разрушительно хорошо выглядит. Он настолько сексуален, что я хочу сначала надавать ему по башке за вранье, а затем зацеловать его просто за то, что он долбанная реальность, а не плод моего воображения.

Я кусаю губы, когда Себастьян подушечками пальцев проводит по моей ступне, его теплые руки держат меня своим фирменным захватом. Злобная часть меня хочет велеть ему поторапливаться, зато изнывающая часть меня, которая не отпускала его все это время, молча умоляет меня наслаждаться каждой секундой происходящего.

Он замирает, как будто ждет, что я оттолкну его, а затем еще приятнее ласкает мою ступню. Дрожь танцует на моей коже, и я упорно стараюсь оставаться расслабленной в его захвате. Пусть не думает, что влияет на меня.

Когда он натягивает на меня туфлю и быстро застегивает, разочарование сдавливает мою грудь.

— Спасибо, — мямлю я и начинаю стаскивать свою ступню с его колена, но его теплые

пальцы оборачиваются вокруг моей лодыжки, удерживая меня на месте, в то время как он продолжает рассматривать мою ногу.

— Я не сказал тебе, кто я, потому что однажды ты меня уже отвергла. Зачем мне давать тебе шанс снова так поступить?

Отвергла его? О чем он?

— Я не понимаю...

— Ничего не говори. — Он стискивает пальцами мою лодыжку, потом расслабляется. — Просто послушай.

Скользя большими пальцами по моей ноге, он профессиональными движениями массирует мне икроножную мышцу.

— Ты не узнала меня, и мне дико это не понравилось, но с другой стороны мне стало понятно, что у Баса будет шанс с тобой, тогда как свой я упустил.

Похоже, он говорит о том, что я не встретила с ним в кафе. Черт!

— Себастьян, это не то, что ты...

Он плотно сжимает мою икру.

— Дай мне закончить.

Выдохнув, я затыкаюсь.

Его захват слабеет, а пальцы пробираются выше, поглаживая мое колено.

— Ты была другой с Басом, и я подумал, что может... тебя отпугнула моя напористость.

Расположив большой палец на коленной чашечке, он маленькими кругами ласкает мою чувствительную кожу.

— Мне нужен контроль. Это основа меня. Не могу объяснить по-другому, — он выпускает низкий самоуничижительный смешок. — Никогда раньше мне не приходилось кому-то объясняться, но ради тебя я постараюсь.

Его заявление умиряет мой гнев. *Я бы тоже врала все эти два дня, если бы это дало мне возможность побыть с тобой, Себастьян.* Не могу сопротивляться себе. Запускаю пальцы в его шелковистые волосы.

Он напрягается, потом резко выдыхает. Переместив руку выше, он сжимает мое бедро в собственнической манере.

— Я бы хотел знать, что заставит тебя открыться. Думал, Бас сможет стереть все границы, но чем больше мы проводили времени вместе, тем больше я начинал ненавидеть козла.

— Почему? — спрашиваю я, мои пальцы скользят по его волосам.

Он дергает головой вверх, впиваясь в меня ярко-голубыми глазами.

— Как ты должна была уже догадаться, Бас был слишком мягким с тобой. Слишком осторожным. Слишком охренительно сдержанным. Это не про меня. Когда дело доходит до секса, настоящий я — жесткий и властный. Романтическая лабуда — абсолютно не то, что я хочу. И абсолютно не то, чего хочешь ты.

Последнее дыхание покидает мое тело. Я сглатываю и пытаюсь вернуть контроль над собственным голосом.

— Откуда тебе знать, чего я хочу?

Его пальцы впиваются мне в бедро, воздействуя интенсивнее.

— Потому что ты отдалась мне той ночью. Ты доверилась мне без вопросов. Почему ты это сделала, а потом просто исчезла?

Как бы мне хотелось сказать тебе, но мое прошлое слишком хреновое. Я трясусь головой.

— Не знаю.

Его губы кривятся:

— Лгунья.

И прежде чем я говорю что-нибудь, он целует внутреннюю часть моего бедра. На этот раз я бесконтрольно задыхаюсь. Жестко пульсирую, изнывая глубоко внутри себя, и желаю его так сильно, что хватаюсь за край стола и выдыхаю его имя.

— Ммммм, — говорит он, затем убирает мое платье с пути. Увидев мои трусики-стринги, он выпускает глубокий стон.

— Черт. Ты убиваешь меня.

— Совсем нет, — это все, что я могу сказать, прежде чем он опускает голову и скользит своим языком по моей чувствительной, обнаженной коже, заставляя меня дрожать в предвкушении.

Сжав мои бедра своим фирменным захватом, он говорит хриплым голосом:

— Скажи нам да.

А затем проводит языком вдоль узкой полоски ткани трусиков. Погрузившись в мои чувствительные складки через ткань, он следует по всей длине материала в медленном, дразнящем ритме, не убирая его с дороги.

— Не останавливайся, — отчаянно шепчу я.

Он поднимает голову, от страсти его глаза делаются глубокого цвета морской волны. В них вспыхивают искры решительности, пока он тянется к моей левой руке. Прежде чем я успеваю сообразить, что он задумал, Себастьян снимает с меня бриллиантовое кольцо, сверля собственническим взглядом, и говорит:

— Пока ты со мной, оно не понадобится.

Прикарманив мое кольцо, он скользит мне под платье и обхватывает мои бедра, действуя с конкретной целью. Одним быстрым движением он срывает с меня трусики.

— Не могу дождаться попробовать твою сладкую киску. Я так скучал по ее сногшибательному вкусу.

Когда мое нижнее белье исчезает в его кармане, мысленно пытаюсь расторгнуть собораться с силами и напомнить себе, что мы в публичном месте, даже если мы скрыты, но его руки уже творят свою магию, преднамеренно раздражая кожу меж бедер, и мое тело слишком откликается, чтобы думать о чем-то еще.

Себастьян по-хозяйски сжимает мои бедра, но вместо того, чтобы полностью погрузиться в меня, он распаляет меня медленными мучительными поцелуями, следуя извилистым путем вдоль внутренней поверхности моих бедер.

Я снова пропускаю его волосы сквозь свои пальцы, тяжело дыша.

— На этот раз не смей заставлять меня ждать!

Теплое дыхание, сопровождаемое порочным смешком, обрушивается на мою ногу.

— Я сделаю все так, как хочется мне, а ты насладишься каждой секундой этого.

— Наглый, — раздраженно дуюсь.

— Самоуверенный, — перечит он, оставляя томительный поцелуй на крошечном треугольнике рыжих волос между моих ног, так близко к тому местечку, где я хочу его больше всего.

— Такой красивый вид, — мурлычет он своим глубоким баритоном, его нос трется о треугольник волос. Взглянув на мое лицо, он замечает несколько прядей, выпавших из прически.

— Ты не представляешь, как меня заводит твой натуральный цвет волос. Скарлетт Рэд — это идеальное описание. — Снова опустив свой рот на мое тело, он выдыхает глубоко в мои чувствительные участки. — Чертово лучшее зрелище за всю ночь.

— Полюбоваться можешь позже, — задыхаясь, зарываю свои пальцы в его волосы и слегка дергаю.

— Руки, — командует он, дергая головой.

— Серьезно? — надуваюсь я, но уступаю с его кивком, говорящим мне положить их обратно на стол.

Довольная улыбка вспыхивает на его лице, и он опускает голову обратно. В ту секунду, когда его рот целиком поглощает мою киску, проникая языком глубоко в складки, мужчина заходит к нам в угол. Я отталкиваю плечи Себастьяна в тот самый момент, когда парень замечает нас и быстро отводит глаза.

— О, простите!

Поворачивая в противоположном направлении, он бормочет:

— Пытаюсь найти лифты.

Эти выющиеся русые волосы! Происходит мгновенное озарение, и меня охватывает дикое смущение. Я быстро отпрыгиваю от Себастьяна и поправляю свою юбку, надеясь, что он не успел хорошенько рассмотреть мое лицо...

— Какого хрена! — кричит Натан, возвращаясь обратно в угол, его кулаки сжаты. Жестикую Себастьяну, выпрямившемуся в свои полные сто девяносто пять сантиметров роста, Натан повышает голос, отдаваясь эхом в небольшой нише.

— Я бегаю за тобой, а ты тут, на людях, раздвигаешь ноги для какого-то болвана...

Прежде чем он успевает произнести еще хоть слово, Себастьян хватает его за грудки и с размаху вжимает в стену, рыча тому в лицо.

— Следи за языком, иначе узнаешь, как дерется этот болван. Ты не заслуживаешь ее. Никогда не заслуживал.

Беспокоясь, что от злости Натан может ляпнуть что-нибудь и вывести Себастьяна из себя, я тяну Себастьяна за руку. Он возвышается над Натаном, который совсем теряется рядом с его широкими плечами и мускулатурой.

— Пусти его, Себастьян.

Себастьян стреляет в меня раздраженным взглядом, потом его пальцы разжимаются.

В этот момент Натан одергивает рубашку и галстук и хмурится на Себастьяна.

— Мне надо поговорить со своей невестой наедине, если ты позволишь.

— Бывшей невестой, — поправляю его, не потрудившись посмотреть в сторону Себастьяна. В качестве Баса он сделал слишком много предположений о цели моего визита в «Хоторн». *Он в самом деле думал, что я приехала ради последней интрижки перед свадьбой? Пфффф.* Он не заслужил знать правду о моей помолвке. А Себастьян не дал возможности рассказать.

Натан насупливает брови.

— Я работаю над этим.

— И очевидно, терпишь неудачу, — самодовольно говорит Себастьян.

Я посылаю Себастьяну убийственный взгляд, и в то же самое время Натан называет его «Чертовым сукиным сыном» и надвигается на него.

Становлюсь между ними и спрашиваю Натана бесстрастным сухим тоном:

— Что ты здесь делаешь?

Оторвав свой яростный взгляд от Себастьяна, Натан берет меня за руку и отводит на пару шагов.

— Приехал рассказать тебе о срочной новости... — он обрывается и выразительно смотрит на Себастьяна через плечо. — Наедине.

Я вздыхаю, когда Себастьян не двигается, а вместо этого скрещивает руки на груди с решительным выражением лица.

— Себастьян, дай нам пару минут. Он приехал сообщить что-то важное.

Себастьян настолько яростно сверлит наши с Натаном сцепленные руки, что я опасаясь, как бы он снова не набросился на него. Как только я отпускаю руку Натана, Себастьян отворачивается от нас и уходит.

Меня охватывает чувство паники, но я заставляю себя оставаться спокойной и особо не думать об уходе Себастьяна. Я могу общаться только с одним заряженным тестостероном парнем за раз. Остаться с глазу на глаз с Натаном очень странно, но в то же время полезно. Высокие каблуки придают мне больше уверенности в себе. Сегодня я увиделась с ним в первый раз с тех пор, как порвала с ним. Он ведет себя по-другому. Менее беспечно. Более зрело.

— Как ты узнал, где меня искать?

— Твой портье сказал, после того как я объяснил, что мне очень нужно найти тебя.

Думаю, Джереми посчитал, что оказывает мне услугу, рассказав Натану, где меня искать, но все равно я должна серьезно поговорить с ним. Только моей тете можно рассказывать такие вещи. И больше никому. Вздохнув, развожу руками.

— Что такого важного произошло, что не может подождать моего возвращения в город?

Натан дерзко улыбается мне:

— Я вернул тебе работу.

— Что? — мое лицо вспыхивает, и я мысленно считаю до десяти, чтобы не наорать на него. — Если бы я хотела вернуться на свою работу, я бы снова подала заявку, как делают нормальные люди. Я просила тебя оставить меня в покое, Натан. Неужели так сложно понять?

— Потому что ты не заслужила того, что произошло. И да, не буду лгать, я не могу принять, что нас больше нет, Талия. — Он берет мою руку и переплетает наши пальцы. — Позволь мне любить тебя, по-настоящему любить.

Я вырываю руку.

— Если бы ты и правда так заботился обо мне, как говоришь, ты бы услышал, что мне не нужна моя старая работа! Особенно не так... когда ты действуешь у меня за спиной, прося одолжения.

Его глаза расширяются.

— Я не просил делать тебе одолжения. Я просто потолковал с парочкой людей. Они впечатлены твоими успехами в качестве автора детективов. Они сказали, будет здорово, если ты вернешься с таким багажом.

— Почему тогда они сами не пришли ко мне?

— Когда я указал им на то, каким ценным активом ты можешь стать со всеми наработанными во время твоих расследований связями, поверь, Талия, они загорелись этой идеей. Генри опасался, что ты не примешь предложение о работе от него, поэтому он попросил меня передать его. Загвоздка в том, что они должны закрыть вакансию до следующей пятницы. Они хотят тебя, но должны быть уверены, что ты дашь о себе знать до

пятницы. Вот почему я тут.

Не удивлена, что мой босс думает, что я бы отказала ему, предложи он мне работу. В свое время он подпортил мне много крови.

— И правильно, что Генри не позвонил. Никогда в жизни не буду снова работать на этого засранца.

Карие глаза Натана разочарованно мерцают, но затем снова вспыхивают.

— Как насчет Стэна? На него стала бы работать? Его повысили, он теперь ровня Генри. Кроме этого, он был самым рьяным сторонником твоего возвращения, но позволил Генри принять предложение, так как тот больше тебя знает.

Стэн мне нравится. Он всегда играл по правилам. Покусываю губы, размышляя, смогу ли я совмещать прорву работы на газету и писательство. Думаю, я в состоянии.

— Передай Стэну, я свяжусь с ним в среду.

Когда огромная улыбка расплзается по физиономии Натана, я поднимаю руки вверх:

— Ценю за помощь, но хочу кое-что прояснить. Если я возвращаюсь, мы с тобой только коллеги, и ничего больше.

Он кивает.

— Знаю, я облажался. Я буду счастлив просто видеть тебя снова в офисе. Тебя, правда, не хватало. Не могу сказать насколько.

Я трясую головой.

— Я еще ни на что не подписалась. Для начала поговорю со Стэном.

— Понял, — Натан запускает руку в волосы. — Не буду врать, Талия. Видеть, что тот парень делал с тобой... — он замолкает и прерывисто вздыхает: — Черт, было тяжело.

Поднимаю бровь.

— Добро пожаловать в мой мир.

Он смиренно вздыхает.

— Это действительно болезненно. Чего бы мне это не стоило, но я должен снова сказать. Мне очень жаль, что я ранил тебя. Не проходит и дня, чтоб я не пожалел об этом.

Когда я киваю, он указывает на лифты.

— Выпьешь со мной, как в старые добрые времена?

— Если я вернусь на работу, уверена, мы отметим это в «Купере». Тогда и пропустим по рюмочке с тобой и остальными коллегами.

— Справедливо, — говорит он, засунув руки в карманы черных слаксов. — Ну, тогда мне лучше пойти зарегистрироваться.

Я удивленно моргаю:

— Ты остаешься?

Он пожимает плечами:

— Сегодня уже нет паромы, так что да, я здесь, по крайней мере, на ночь. Может, останусь на завтра. Посмотрим.

Не знаю, как и реагировать, что мой бывший остается в одном отеле со мной. Говорить об этом неловко, не то чтобы я имела хоть какое-то право голоса.

— Ладно, но, пожалуйста, передай Стэну сообщение от меня.

Он кивает:

— Конечно.

Когда я поворачиваюсь чтобы уйти, он идет сзади в шаге от меня.

— Ты возвращаешься назад, в бальный зал, да? Я провожу тебя.

Добравшись до лобби, я поворачиваю в сторону бального зала, когда он говорит позади меня тихим голосом:

— Ты сегодня особенно прекрасна, Талия. Надеюсь, он знает, какой он удачливый ублюдок.

— Спасибо, Натан, — *без понятия, что думает Себастьян.* — Хорошего вечера.

Мой живот скручивает, когда я снова захожу в зал. Толпа немного разрядилась, народ или разбился на группы или проводит время у бара. Я оглядываю помещение в поисках Себастьяна, но не обнаруживаю его ни там, ни в баре, так что я решаю, что он вернулся к себе в номер. Ко мне подходит официант и предлагает бокал шампанского, но я отказываюсь и покидаю бал.

Несколькими минутами позже, легонько стучу в дверь Себастьяна. Он не отзывается, и растущее напряжение скручивает мой живот. *Куда он делся? Может, это его способ сказать «Отвали»?*

Я даже не знаю номер его телефона (правда, у него и телефона-то пока нет), так что у меня нет возможности ни позвонить ему, ни отправить сообщение. А без ручки нет никакой возможности написать ему записку. Сунув ему под дверь свое приглашение, ухожу с огромным чувством тяжести, давящим мне на грудь.

Делаю всего несколько шагов, когда смысл услышанного в машине разговора доходит до меня. Мина беременна! Осознание этого заставляет меня улыбнуться, несмотря на боль в груди, но затем я снова хмурюсь, вспомнив остальную часть разговора. Должно быть, он разговаривал со своей мачехой Изабель. Что же он подписал? Он говорил насчет таблоидов и своего адвоката, а как раз перед тем, как повесить трубку, он сказал: «Ты свыкнешься». Что же могло так сильно разозлить его мачеху?

О... Улыбка расширяется на моем лице, а слезы застилают глаза. Он взял фамилию отца, вот что так озлобило его мачеху. Она-то надеялась, что внебрачный сын ее мужа не появится на публике, ведь именно так он смог бы сохранить часть огромного наследства Блэйков. Я так рада, что Себастьян, наконец, вышел из тени. Мне просто хотелось бы, чтобы он сделал это со мной. Подозреваю, в его прошлом есть много того, чего я не знаю. И опять же, у меня свои темные секреты. С моей стороны несправедливо ждать, что он обнажит свою душу, если я сама не могу.

Добравшись до своего номера, я нарочито медленно раздеваюсь. Всем своим сердцем я хочу, чтоб Себастьян пришел и остановил меня, но когда минует еще полчаса, я чищу зубы и умываюсь, а потом зарываюсь в прохладные простыни.

Не знаю, как долго я лежу в темноте, глядя в потолок. По меньшей мере, через час, я подпрыгиваю от звука кондиционера. Мои нервы на пределе. Свернувшись в комочек, заставляю себя закрыть глаза. После бессонной прошлой ночи, моего утреннего сумасшедшего заплыва и очень сложного дня, меня наконец-то вырубают, и я не могу держать свои глаза открытыми дольше.

Я подпрыгиваю в темноте из-за звуков сотрясающейся от ударов двери.

— Ты там? — спрашивает Себастьян и снова стучит.

Сердце бешено колотится, но когда я начинаю срывать одеяло с ног, обе мои икроножные мышцы с такой силой сводит судорогой, что у меня перехватывает дыхание. Онемев от боли, я стону, пытаюсь согнуть ноги в коленях, чтобы помассировать несчастные мышцы, но боль слишком сильна.

— Впусти меня! — требует он решительным голосом.

Я очень хочу ответить ему, поэтому спускаю обе ноги с кровати и пытаюсь встать, чтоб облегчить судорогу, но в момент, когда я перевожу свой вес на них, моя правая лодыжка подворачивается и я впечатываюсь в прикроватную тумбочку.

Ай! Я прерывисто дышу, слезы ручьями текут по моим щекам, но я встаю на здоровую лодыжку и начинаю подпрыгивать, уговаривая левую лодыжку прийти, черт побери, в себя.

— Открой долбаную дверь, Ти! — рычит Себастьян низким, едва сдерживаемым голосом.

Я издаю булькающий звук, но не могу выдавить ни слова, чтоб ответить ему — агония в моих ногах слишком сильна.

Около двадцати минут спустя, я наконец могу использовать обе ноги, и когда я начинаю двигаться с места, судорога потихоньку отпускает мои конечности. Издав вздох облегчения, я кричу Себастьяну:

— Иду! Дай мне секундочку.

Ответом мне становится тишина. Великолепно. Он ушел.

— Просто потрясающе! — огрызаюсь я, направляясь обратно к кровати в явном расстройстве. А когда я решаю через ресепшн позвонить в номер Себастьяна, мои ноги снова пронзает судорога.

Аргрх! Подпрыгнув, я хватаю свой телефон с прикроватной тумбочки и набираю сообщение Синтии. Мне плевать, что сейчас четыре утра.

Я: как там зовут того массажиста? Я тут умираю. Пойду, как только откроется спа!

Я принимаю обезболивающие и валюсь обратно в кровать, надеясь, что ничего непредвиденного больше не произойдет, прежде чем я доберусь до массажиста.

Глава 12

Талия

— Проходите, мисс Лоун.

Тео поворачивает свое загорелое тело и жестом указывает на стол, уже накрытый пушистыми белыми полотенцами. Легкая музыка, где напевы флейты и стук барабанов перемежаются со звуками льющейся воды, доносится из колонок в то время, как в воздухе витает аромат сандала.

— Спасибо, что приняли меня так быстро. Моя подруга Синтия вас рекомендовала.

Он наклоняет голову, улыбаясь.

— Конечно. Если я не ошибаюсь, вы запросили массаж горячими камнями? — он спрашивает со шведским акцентом, оценивающе глядя на меня светло-голубыми глазами.

Я киваю.

— Никогда раньше не пробовала массаж камнями, но подруга очень рекомендовала. Я так поняла, вы делаете массаж глубоких тканей. Не уверена, точно ли мне это необходимо. У меня только что была жуткая ночь из-за сведенных судорогой ног.

Его светлые брови сходятся на переносице.

— И часто у вас так бывает?

Я трясую головой.

— Совсем нет. Видимо, я перестаралась вчера со спонтанными упражнениями.

Понимающе кивнув, он протягивает мне аккуратно сложенное полотенце.

— Я выйду, пока вы раздеваетесь.

Зажимаю полотенце меж пальцев.

— Все снимать?

Обнадеживающая улыбка трогает его губы.

— Как хотите. Я прикрою вас маленькими полотенцами, пока работаю, но лучше, чтоб другая одежда не затрудняла действие камней.

Он выходит, а я снимаю с себя всю одежду, сунув туда телефон и ключи, а затем ложусь на живот, прикрыв попку полотенцем, что он мне дал. Я хочу, чтобы эти судороги сгинули из моих ножек, прежде чем я попытаюсь найти Себастьяна. Я почти не спала последние несколько часов, прежде чем смогла позвонить и записаться на семь тридцать утра.

Тео возвращается спустя несколько минут, и в момент, когда он начинает двигать горячие камни по моим поднятым вверх и предварительно смазанным ароматическим маслом для лучшего скольжения рукам, я одобрительно постанываю.

Он слегка усмехается:

— Хорошо, да?

— Божественно, — я выдыхаю и позволяю телу расслабиться под его умелыми руками.

Десять минут спустя, когда он проходится по моим рукам и плечам, он на секунду замирает и бормочет на своем родном языке.

— Все в порядке? — спрашиваю я только потому, что не хочу, чтобы он останавливался. Никогда. Черт, и почему я раньше не ходила на массаж? Он бы быстро помог моему телу расслабиться после часов, проведенных за компьютером в одной позе.

— Похоже, сел блок питания, что греет камни. Если вы подождете несколько минут, я сбегаю в другую спа-комнату и принесу оттуда запасной, и смогу продолжить ваш массаж.

— Конечно, — бормочу я, едва оправившись, моя голова покоится между поднятыми руками. Я такая расслабленная и сонная, что он мог уйти хоть на полчаса, я бы не сдвинулась с места.

Я только-только закрываю глаза, как сильные руки начинают скользить по моей спине и талии.

— Похоже, вы так и не нашли запасной, — вздыхаю я. — Скучаю по камням, но гораздо больше мне нужны ваши руки у себя на ногах.

Его руки передвигаются к моим ногам и начинают массировать их, правильно дозируя силу и умение. Боже, как хорошо. У него нереальные руки. Я много теряла, когда он использовал камни.

— Так лучше, — счастливо вздыхаю, когда он движется к щиколоткам, затем икрам, уделяя особое внимание мышцам. — Они же дико забиты, да? Боже, вы бы знали, сколько раз я подскакивала на кровати за прошедшую ночь из-за них.

Руки Тео все еще на моих икрах. Секундой позже, он скользит большими пальцами на внутреннюю сторону ног, захватывая икроножные мышцы.

— Оу! — Я слегка выгибаюсь, размахивая руками как белым флагом. — Ладно, глубокий массаж это слишком для меня. Лучше полегче.

Он возобновляет массаж с меньшей энергией, работая над задней поверхностью моих коленей. Пальцами пощипывая в самых чувствительных местах, он руками скользит вверх по моим бедрам, разминая мышцы, пока мои ноги полностью не освобождаются и не

расслабляются.

— Синтия была права. У вас фантастические руки, — говорю я, вздыхая в блаженном удовольствии.

В ответ он движется пальцами выше, прижимая их ко внутренней стороне моих бедер. Он легонько нажимает, давая мне понять, что ему нужно больше пространства. Когда я немного раздвигаю ноги, он действует, творя своими пальцами волшебство на задней стороне моих ног. Я немного наклоняю голову, когда его пальцы продвигаются еще выше, так, что я чувствую край полотенца.

Боже, ощущение нереальное, но я ничего не могу с собой поделать и напрягаюсь. Его руки слишком близко, чтобы я чувствовала комфорт, особенно учитывая, что под полотенцем у меня ничего нет. В ту секунду, когда его пальцы касаются складочки между ногой и попкой, я опираюсь на предплечья, пытаюсь приподняться. Рука нажимает меж лопаток, толкая меня назад, а потом он наклоняется ко мне и говорит с низким рычанием:

— Что за акробатические номера ты исполняла всю ночь, что у тебя судорогой свело обе ноги? Потому что в твоём номере тебя точно не было.

Черт! Себастьян. Его опьяняющий запах только добавляет возбуждения от ощущения его твердой груди, прижимающей меня к столу. Ну конечно, он король массажа. Есть хоть что-то, в чем он не специалист?

— Где мой массажист? — требую я.

— Думаю, в настоящий момент он выбирает новую тачку, — злобно говорит он, поднимая свое тело с моей спины, но оставляя руки на месте. — И ты не ответила на вопрос.

Он дал парню взятку? Только Себастьян способен на что-то подобное. И хотя от его низкого, рассерженного голоса у меня по спине бегут мурашки, я позволяю своей злости из-за его ухода прошлой ночью взять верх над его злостью. Пожав плечами, я отвечаю небрежным голосом:

— Не похоже, чтобы ты был рядом.

Я подпрыгиваю, когда вторая его рука стремительно движется между моих ног и ложится на мою киску в собственническом захвате, затем я задыхаюсь, когда полотенце исчезает, а его зубы прикусывают мою попку. Зарываясь кончиками пальцев в треугольник волос между моих ног, он оборачивает свою руку вокруг меня и снова наклоняется со спины к моему уху, нашептывая:

— Я был первым, кто завладел этим. Не он. Ты отдалась мне.

Мое сердце стучит как ненормальное. Я сильно возбуждена, но каким-то образом сохраняю свой голос спокойным:

— И все же тебя не было поблизости, не так ли?

Резко выдохнув, он угрожающе и властно говорит.

— Я вышел на пробежку. Если бы я не сделал это, я убил бы его за смелость прикоснуться к тебе. Скажи, что ты провела ночь не с ним.

Я ошарашена, что он оставляет легкий поцелуй на моей шее, а потом еще один на плече, его тон становится уязвимым в его несдержанности:

— Скажи, что ты хочешь быть со мной.

Мне нравится, что я все еще чувствую легкую боль от его укуса за мою попку. Это значит, что он хочет меня настолько, что ставит свою отметку. Его интенсивные, взрывоопасные эмоции заставляют мои руки дрожать, а сердце биться в ритме стаккато. Было намного легче держать от него дистанцию без его мощного присутствия,

обрушившегося на меня пьянящей волной мужских запахов, прикосновениями неприличных, знающих рук, и тяжести твердых мускулов, прижимающихся ко мне. Я потеряла контроль. Все. Слезы свободно скользят по переносице, но я моргаю и глубоко вздыхаю, чтобы остановить поток. Мне нужно сохранить хоть каплю своего достоинства перед Себастьяном, потому что он единственный мужчина, имеющий силу целиком и полностью опустошить меня.

— Я хочу быть только с тобой, Себастьян.

Как только я отвечаю, он выпрямляется, а его большая рука с гулким хлопком опускается на мою попу. Нежно поглаживая пальцем саднящую половинку, он командует низким голосом:

— Сауна, через пять минут. Не опаздывай.

Сауна находится вне зоны спа, поэтому я принимаю душ, чтобы смыть с себя масло, прежде чем иду в ее направлении, сжимая свои вещи, одетая в халат отеля и шлепки. По пути замечаю Дональда и другой персонал. Принимая в расчет направление моего движения, светловолосый парень берет свежее полотенце с тележки, которую он везет, и протягивает мне вместе с бутылкой воды.

— Вам понадобится вода в сауне.

Поблагодарив его, беру полотенце и воду и иду дальше.

Я нарочно прихожу на пять минут позже, мой желудок с трепетом сжимается от предвкушения. Себастьяну нужно понять, что я не буду следовать всем его приказам. Тем не менее, я немного нервничаю, заходя в сауну, предварительно оставив свою одежду в шкафчике снаружи. И конечно, мистера Блэка нигде не видно.

Недовольная отсутствием Себастьяна, но оживленная отсутствием людей, я вздыхаю и плескаю немного воды на горячие камни, чтобы пошел пар. Ставлю бутылку воды на полку, затем выскальзываю из халата и вешаю его и полотенце на крючок рядом с полкой.

Растянувшись на животе, располагаю руки над головой и закрываю глаза, позволяя пару клубиться вокруг себя.

— Не знаю, радоваться или огорчаться, что ты устроилась так комфортно, что сейчас уснешь, ожидая меня, — соблазнительным голосом шепчет Себастьян мне на ухо.

Моргая, чтобы согнать сонливость, смеюсь:

— Оба варианта.

Как только я поднимаю голову, чтобы сесть, что-то тянет за запястья поднятых над головой рук, заставляя меня оставаться на месте.

Я рывком поднимаю взгляд к шелковистой золотой веревке, завязанной узлом вокруг моих запястий, узнавая деталь от длинных штор, украшающих каждое окно курорта. Концы Себастьян спрятал где-то под лавкой. Темная бровь с вызовом поднимается, пока он, ухмыльнувшись, говорит:

— Видишь, что может случиться во сне? В следующий раз, не опаздывай.

В то время, как он садится передо мной на корточки, прикрытый лишь полотенцем, обмотанным вокруг идеального пресса, его слова пульсируют во мне. Они могли бы звучать как выговор, но я вижу чистое желание в его глазах, пока его пальцы медленно исследуют мои связанные запястья, постепенно спускаясь по обнаженным рукам.

Несмотря на жару в помещении, моя кожа покрывается мурашками. Мое сердце дико колотится.

— Ты не можешь всегда говорить мне, что делать, Себастьян. Если я решу опоздать, я опоздаю.

Его ярко-голубые глаза вспыхивают, а рот слегка кривится, пока рука движется по моему плечу, а затем вверх, на шею. Я сглатываю, когда он распускает мои волосы и раскидывает красный каскад по всей спине, прежде чем его ладонь спускается вниз до изгиба моей попки.

На протяжении всего нежного исследования моей кожи он не произносит ни слова, и почему-то это нервирует больше, чем привычный напор Себастьяна.

Обхватив мою попу, он похлопывает по половинке, мягко командуя:

— Подними свои бедра.

Моя ноющая грудь врзается в дерево, пока я делаю так, как он просит, но он качает головой, пока я не поднимаюсь достаточно высоко. Я останавливаюсь, когда он улыбается и подкладывает свернутое полотенце под мои бедра. Моя попка поднята, а руки надежно привязаны к лавке, и я чувствую себя невероятно незащищено, но кусаю губы и жду его следующий шаг.

— Помнишь свое стоп-слово?

— А ты? — противлюсь я.

— Радуга, — отвечает он срывающимся голосом, потом хватает меня за внутреннюю часть бедра и слегка дергает. — Раздвинь ножки.

Моя кожа покалывает от прикосновения его груди. Я глубоко вдыхаю и немного скольжу коленом к нему.

В его глазах тлеют угольки, челюсть сжата, его голос грубее:

— Еще.

Я настолько пульсирую, что даже выходящий пар возбуждает меня.

Как только ядвигаю второй коленкой, он вскакивает, оседлав лавку прямо между моими бедрами.

— Эй, не этого я ожидала, — нахмуриваюсь я, пытаюсь свести ноги.

Сильные руки опускаются на мои бедра, он сидит, блокируя мускулистыми ногами любое мое движение и оставляя мои ноги на месте.

— Нет, Ти, — говорит он хриплым голосом. — Больше никаких прятков. Хочу видеть, насколько ты влажная для меня.

Нет, нахрен, никакого шанса скрыть реакцию своего тела от него в этом положении.

— Мне не нравится тебя не видеть, — говорю я, стараясь держать голос ровным.

— Позже, — бормочет он, пока его руки возбуждающе скользят меж моих бедер. Когда он надавливает, разводя мои ноги еще больше, из его горла вырывается прерывистый стон.

— Ты должна видеть, какая же ты влажная. Молочная сладость. Мокрая и изнывающая, чтобы я наполнил тебя. Черт, я дико хочу прямо сейчас тебя попробовать.

— Так сделай это, — резко говорю я, недовольная его пытками.

Вместо этого, он шлепает мою попку.

— Я ждал тебя в том чертовом кафе, — сурово говорит он. И, прежде чем я успеваю ответить, он шлепает по второй ягодице. — Это за то, что заставила меня поверить, что ты помолвлена.

— Это ты предположил, что я помолвлена. Ты был такой задницей в тот первый день, и

остался таким же, начав судить меня, что ты просто не заслужил правды, — говорю я, пока он массирует обе ягодицы сразу. Пытаюсь заглянуть через плечо... — Ты собираешься наказывать меня каждый раз, когда я расстрою тебя?

По каким-то причинам мой вопрос заставляет его улыбаться. Схватив меня за бедра, он возвращает меня обратно на живот.

— Ляг и прими это.

Я пытаюсь освободиться от его захвата, но он быстро движется, накрывая меня своим твердым, мускулистым телом. Когда он прижимает меня к скамье, я могу своей попкой чувствовать его возбуждение через полотенце. Он говорит медовым тягучим голосом мне на ухо:

— Поверь мне. Ты будешь кончать жестко и долго. Сдайся и чувствуй.

Я тяжело дышу, одновременно злая и возбужденная, но, в конце концов, держу в узде свой вертящийся на языке ответ и медленно киваю.

— Это моя девочка, — говорит он, покусывая мое ухо, прежде чем вернуться в исходную позицию.

Когда он медленно путешествует пальцами по моей спине вниз к попке, затем аккуратно разводит мои половинки, я утихомириваюсь, ожидая очередного укуса.

— Знаешь, почему я шлепнул тебя? — спрашивает он своим глубоким сексуальным голосом, прежде чем оставить еще один удар в мега чувствительной складке между ягодицами.

— Потому что ты садист? — скрежещу я зубами.

Он усмехается, нежно поглаживая красную отметину, оставленную его рукой.

— Ты заслуживаешь красной попки только за то, сколько раз делала меня твердым за последние пару дней.

Я напрягаюсь и фыркаю:

— Это не я виновата, — и в этот самый момент он шлепает меня немного ниже попки, гораздо ближе к киске.

Боль и желание захлестывают меня быстро и яростно, но все, на чем я могу сосредоточиться, это острая боль.

— Да ты посмотри. Близковато, не находишь? — сквозь зубы говорю я, ненавидя себя за вызванное им возбуждение.

Он ворчит и потирает пальцем саднящую кожу.

— Что происходит, когда ты заведена?

— Чего? — я тяжело дышу, удивленная вопросом.

— Просто расскажи, что физиологически происходит с твоим телом, — требует он, в то время как его рука чувствительно шлепает меня по другой ягодице. Это слишком близко к моему интимному местечку, и я на самом деле чувствую глубокое резкое ощущение, сопровождающееся теплым покалыванием, идущим изнутри.

— У меня... эм... приливает кровь? — я заикаюсь, так как мое тело начинает дрожать от бушующей необходимости освобождения.

— Это вопрос или утверждение? — спрашивает он, его голос пронизан самодовольным удовольствием.

И когда я не могу сформулировать ответ, он встает и обхватывает рукой мою киску. Вторую руку он запускает в мои волосы и нежно тянет назад.

— Не знаешь? — спрашивает он низким голосом, который становится мягче, чем

секунду назад.

Все внутри меня концентрируется на интимном сжатии моей киски, на том, что последует за этим. Я уязвима и изнываю от боли, и все, что я могу делать — это трясти головой, потому что до сих пор не могу осознать, насколько легко этот мужчина может подчинить мое тело его воле. Он это делал со мной в прошлом, в данный момент это чувствуется по-другому. Более... личным. Никогда в жизни не думала, что порка может быть настолько чувственной. *Знает ли он, что единственный, кому я позволяла так трогать себя?*

— Я никогда не подниму на тебя руку от злости, Ти. Всегда только для удовольствия. Порка усиливает сексуальные ощущения и делает оргазм намного сильнее.

Нагибаясь ближе, он покусывает мое плечо и командует:

— Кончи для меня, лапочка.

И в это самое время он входит пальцем в мою киску с достаточной силой, чтобы отправить за край по спирали. Я дрожу от оргазма, мчащегося по моим нервным окончаниям. Сердце бешено бьется, мое тело отвечает такой судорогой внутренних органов, что я сжимаю веревку меж пальцами и трепещу, боясь распасться на кусочки.

Как только мои бедра прекращают двигаться, и я пытаюсь восстановить дыхание, он оставляет горячий поцелуй на моей шее, его собственное дыхание поверхностно.

— Мне никогда не будет достаточно того, насколько же ты отзывчива на каждое мое прикосновение. Ты — огонь, пронзающий тени вокруг меня, и это больше всего меня заводит, Ти. Так чертовски возбуждает.

Поднявшись, Себастьян быстрым движением развязывает веревку и, когда я сажусь на колени и протягиваю ему запястья для освобождения, он тянет за конец веревки вверх. Я слишком занята разглядыванием его загорелой, мускулистой груди и рук, и двух округлостей, скрытых полотенцем, низко сидящем на бедрах, что не замечаю своих рук, поднятых передо мной, пока он не закрепляет конец веревки за один из крючков под полкой.

— Эй! — Я дергаю крючок, что заставляет бутылку воды, стоящую на полке, дребезжать. — Пусти меня.

— Я с тобой еще не закончил.

Одарив меня беспощадной улыбкой, он быстро седлает лавку позади меня и обвивает меня руками. Я изгибаюсь от его прикосновений, когда он замирает, чтобы нежно обласкать мою грудь, а затем скользит ладонями к талии.

— Поворачивайся.

Длина веревки позволяет мне без проблем повернуться, но очевидно я делаю это недостаточно быстро. Себастьян быстро поднимает меня, слово я ничего не вешу, и сажает на полотенце.

Мы сидим лицом друг к другу в теплой, заполненной паром комнате. Он поднимает бровь, глядя на мои согнутые колени, прижатые к груди, щиколотки же перекрещены как раз перед моей личной зоной.

Я оглядываю полотенце, которое все еще на нем.

— Одному из нас надо снять полотенце.

Его челюсти сжаты, когда он медленно обхватывает пальцами мои лодыжки.

— Я только что заставил тебя кончить, отшлепав. Если ты доверилась мне сделать это, то обнажиться не будет такой уж трудной задачей для тебя.

Нет, это тяжелее. В этом случае, я ничего не смогу скрыть от тебя, и ты чертовски многое увидишь в моих глазах. Я натягиваю веревку на своих запястьях.

— Будет легче, если я смогу дотронуться до тебя.

Его рот растягивается в мимолетной улыбке.

— Не сейчас.

— Почему нет?

Прежде чем я снова смогу сомкнуть ноги, он быстро разводит их и кладет поверх своих.

— Себастьян! — шиплю я.

— Пусть будут тут, — строгим голосом говорит он, прежде чем пальцем начать ласкать внутреннюю часть моей груди. Я еле сдерживаю возглас удивления, когда он хватается мою грудь своим фирменным захватом и опускает к ней голову, двигая носом по ложбинке. Он медленно вдыхает, потом так же медленно выдыхает. Отпустив меня, он скользит пальцем вниз, к центру моего тела.

— Почему ты не увидела меня в Басе?

Его вопрос подразумевает диалог, но он сосредоточен на своей руке, скользящей по животу к маленькому участку рыжих волос между моих ног. На долю секунды, когда его нос прижимался ко мне, Себастьян прозвучал таким же уязвимым, как я себя чувствую с ним, поэтому я отвечаю честно:

— Я думала, что узнала тебя в вертолете, но потом ты спустил очки, и у тебя были другие глаза. Будучи Басом, ты носил контактные линзы, чтобы изменить свой карий цвет?

Он поднимает свои глаза к моим, в то время как его палец опускается ниже, к моему входу.

— Когда ты сняла свои очки в вертолете, я моментально тебя узнал. И нет, я не ношу линзы. Во время миссии пару лет назад я попал под ударную волну бомбы. По-видимому, черепно-мозговая травма способна изменить цвет глаз.

— Прости, я не знала, — я вспоминаю о его шраме вдоль правой руки и осматриваю его лицо в поисках других повреждений. И именно тогда я замечаю тонкую красную линию, изгибающуюся вокруг его горла.

— Тот взрыв повлиял и на твой голос?

Когда он кивает, я смагиваю подступающие слезы. Не могу позволить ему увидеть их, потому что прекрасно понимаю, что он из тех мужчин, кто не нуждается в сочувствии, но я могу показать ему.

— Отпусти меня, Себастьян.

— Не сейчас, — говорит он свирепо, пока его палец скользит глубоко внутрь меня.

У меня перехватывает дыхание, и не могу сдержать стон, сорвавшийся с моих губ. Если он не позволяет мне утешить его физически, слова — это все, что мне остается.

— Были и другие вещи, которые ты сказал или сделал, будучи Басом, которые заставили меня изумиться.

В медленном и мучительном темпе он проникает в меня и вторым пальцем.

— И все же ты не согласилась поужинать с Басом, потому что он напоминал тебе обо мне.

Раздвинув пальцы глубоко внутри меня, он сгибает их и медленно потирает в местечке, которого еще никто и никогда не дотрагивался. Все, что он делает, чувствуется так хорошо, я делаю все возможное, чтобы не дрожать всем телом, но не могу не закрыть глаза в чистом экстазе.

— Себастьян, — я выдыхаю его имя. Мое тело натянуто, как тетива лука, я готова сорваться из-за набухающей внутри страсти.

— Ты сказала, было и хорошее, и плохое, — хрипит он.

Я мысленно вздрагиваю от его интерпретации своей тогдашней реплики.

— Я не правильно сформулировала.

— Смотри на меня, — требует он, вдальбливаясь в меня сильнее, увеличивая мое желание.

— Я... я не могу, — говорю я, вздрагивая от быстро растущего удовольствия, что распространяется на каждое нервное окончание моего тела.

Тогда он наклоняется и зажимает мой сосок между зубами, применяя достаточную силу, чтоб заставить меня подпрыгнуть и распахнуть глаза.

Из-за моего резкого движения бутылка с водой, стоящая на полке, падает, и пока все ее содержимое просачивается между толстыми деревянными досками, Себастьян не теряет сосредоточенность. Его голубые глаза прикованы к моим, отражая разочарование и жар. Сильнее изогнув пальцы, он начинает давить на заветную точку еще интенсивнее.

— Как еще это может быть, если не хорошо?

Не в состоянии контролировать свой ответ, я отдаюсь бешеному оргазму, способному остановить сердце. Когда мое тело начинает биться в чистых, мощных волнах наслаждения, я в шоке от теплого фонтана, оросившего его пальцы.

Мое лицо мгновенно вспыхивает, и голос дрожит от стыда.

— Господи, я что сейчас...

Он расплывается в улыбке, полной мужского удовлетворения.

— Нет, но ты только что подарила мне нечто вкусненькое.

Поместив свои пальцы в рот, он стонет и зарывается носом в складку между моей шеей и поднятой рукой, все его тело натянуто.

Желая отблагодарить его, я пытаюсь обхватить его бедра ногами, чтобы приблизиться, но Себастьян сжимает меня и держит, лишь жарким дыханием обрушиваясь на мое горло.

— Если ты сейчас прикоснешься ко мне, я так взвинчен, что либо бессмысленно трахну тебя, либо взорвусь. Просто... дай мне минутку.

— Что плохого в том, чтобы трахнуть меня бессмысленно?

Он страдальчески ворчит мне в шею.

— Ну и кто из нас садист?

Пока он держит голову у меня на плече, я шепчу ему на ухо:

— С тобой граница между хорошим и плохим размыта. Твой напор не пугает меня, Себастьян. В отличие от твоего упорства.

Он смотрит на меня, напряжение в его теле хоть и не до конца, но все-таки спадает.

— Упорство и инстинкты идут рука об руку во мне. Эта парочка еще ни разу не подводила меня. Когда мне хочется чего-то, я не успокаиваюсь, пока не получаю это.

Я побаиваюсь спрашивать, но мне нужно знать.

— А как ты поступаешь с приобретениями, которые на проверку оказываются не настолько хороши, как ты рассчитывал?

Уголки его губ ползут вверх в хищной улыбке.

— Если я трачу свое время на них, они определенно достойны этого.

Я отвожу взгляд. *Ты бы по-другому смотрел на меня, если бы знал, что я натворила.*

Подцепив пальцем мой подбородок, он поворачивает мое лицо к своему.

— Именно я появился в кафе. В этот раз я не позволю тебе струсить.

Оглядев парную комнату, он продолжает:

— Эта деревянная лавка — последнее место, где я бы хотел заняться с тобой сексом. Я хочу тебя в моем собственном пространстве, с кучей времени для удовольствий, но у меня утренний рейс меньше чем через час.

Он пропускает пальцы сквозь мои волосы, вытянув пряди вперед, ко мне на грудь.

— Такая красивая, — бормочет он, прежде чем его глаза впиваются в мои, искря энергией. — Поужинай со мной попозже.

Когда я киваю, он прислоняет свой лоб к моему, глубоко вздыхая.

— Будь готова к четверем. Надень что-нибудь повседневное. Я заберу тебя из номера.

— Не рановато ли для ужина в четыре часа?

Прижавшись губами к моему лбу, он говорит:

— Не для моих планов.

Заинтригованная, я улыбаюсь и начинаю целовать его, но он качает головой. Сжав челюсти, он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Когда я, наконец, поцелую этот нахальный рот, я не собираюсь останавливаться, пока не похороню свои яйца глубоко внутри тебя, заставляя кончать. Уяснила?

Прекратив дышать, выдерживаю его взгляд и целую палец. Когда его ярко-голубые глаза становятся цвета морской волны, я скольжу губами по всей длине его пальца, вплоть до основания, мурлыча в знак понимания.

В его глазах бушует буря, когда он остальными пальцами касается моего подбородка. Играя пальцем с моим языком, он собственнически обхватывает мое лицо и хрипит мне в ухо:

— Узнаешь позже, что случается, когда ты играешь со мной.

Нечто первобытное, прозвучавшее в его голосе, посылает волны дрожи по моему телу. Я отпускаю его палец с влажным чпоком, затем целую кончик.

— Рада знать, что мне есть, чего ожидать.

Он испускает низкий смешок и прикусывает мое ухо с достаточной силой, чтобы заставить меня сжаться в ожидании.

— Когда ты будешь корчиться и умолять меня дать тебе кончить, — говорит он голосом, полным греха, — помни, ты сама напросилась.

Глава 13

Талия

— Ужин был превосходным, а потом Дэн взял меня в тот ночной клуб в Чаппакуиддике, — Синтия проглатывает последний кусочек своего круассана, ее длинные ресницы трепещут от возбуждения.

— Похоже, у кого-то был отличный вечер, — говорю я, делая глоток персикового чая.

Она встряхивает вьющимися волосами.

— Это был фантастический вече. Не могу дождаться, когда увижу его сегодня чуть позже. Что насчет тебя? Ты нашла свою идеальную пару на вчерашнем балу? — она хихикает, играя бровями. — Рассказывай. Уверена, те ножные судороги не просто так появились.

Как только я открываю рот, чтобы рассказать, мой телефон звонит.

Достав телефон из сумочки, я поднимаю глаза и вижу Натана в противоположном конце помещения, машущего руками и показывающего на телефон.

— Прости, я на секундочку, Синтия. Это по делам, — быстро подношу телефон к уху. — Ты говорил со Стэном?

— Он перезвонит мне через десять минут. Можешь пораньше закончить свой ланч и подойти? Похоже, народ рассасывается, и мы спокойно сможем провести конференц-звонок со Стэном.

— Я и сама могу поговорить с ним, Натан.

— Да, но я работал с ним дольше, чем ты. Я могу помочь. Просто позволь мне, ладно?

— Ладно, — вздыхаю я. — Дай мне несколько минут.

Кивнув, он отключается.

Я улыбаюсь Синтии:

— Извини, Синтия, но у меня образовалась важная встреча.

Она немного надует губки.

— Я думала, ты в отпуске. Тебе можно не работать.

Ее реплика заставляет меня улыбнуться.

— Ну, технически, это собеседование о приеме на другую работу.

Светлые брови ползут вверх:

— О, и чем же ты занимаешься?

— Я решаю загадки со словами.

Она смеется:

— Ооо, как таинственно.

Я хихикаю.

— Я писатель, но новая работа дополнит прежнюю. Мне правда надо присутствовать на встрече с коллегой, который, так случилось, тоже здесь отдыхает.

— Понимаю, — вздохнув, он кладет деньги за счет, затем встает. — Я очень надеюсь, что мы как-нибудь все-таки повеселимся вместе, как в самом начале.

Я тоже встаю и улыбаюсь:

— Однозначно.

Кивнув, она вешает сумочку на плечо.

— У нас с Дэном планы на весь остаток дня. О, знаю-знаю, как насчет тебя, меня и пляжа завтра? Можно посмотреть восход или, в зависимости от того, как пройдет мой вечер с Дэном, закат? — Она отступает назад, широко улыбаясь.

Смеясь над ее нахальной улыбкой, подтруниваю над ней:

— Похоже на план.

По пути к столику Натана, краем уха слышу возбужденную болтовню трех дамочек. Мои шаги замедляются, когда я улавливаю знакомое имя.

— ...пилот Бас? — тонкая, похожая на мышку женщина обращается к блондинке и брюнетке. Я еще больше замедляюсь, а она продолжает говорить: — Я столкнулась с ним в холле, когда он шел к вертолетной площадке. Этот мужчина и так был сексуальней некуда, но вы видели, что он состриг волосы и сбрил бороду?

— Бас сбрил бороду? — спрашивает женщина с длинными черными волосами, затем усмехается. — Мне нравился его неряшливый вид. Это говорит о том, что он не прочь испачкаться.

— И он состриг волосы? — восклицает другая женщина. — Я должна увидеть это собственными глазами. Может, я даже возьму урок полета, только чтобы он пристегнул меня надежно и плотно, — пронзительно хихикая, говорит она.

— Он красавчик, — отвечает первая женщина. — И я не знаю как, но его великолепные глаза стали еще более голубые.

Сжав зубы, я возобновляю свой нормальный темп и иду к Натану.

После часа споров и обсуждений со Стэном, кадровым отделом и другим вышестоящим руководством, я, наконец, соглашаюсь вернуться в «Трибьюн», но только после выхода книги. Пока они ждут, когда я выйду на полный рабочий день, Стэн просит меня сделать некоторые предварительные исследования по задуманным им проектам. Я соглашаюсь сделать это, пока буду работать над книгой.

И так как должность надо закрыть сейчас — а не то она будет урезана в следующем ежеквартальном рассмотрении бюджета — начиная со следующей недели, «Трибьюн» выделяет мне зарплату. В этот раз бюрократическая волокита идет мне на пользу.

Пока я оговариваю детали со Стэном, Натан терпеливо ждет.

Когда я кладу трубку, Натан ставит бокал белого вина передо мной. Подняв свой собственный бокал, он произносит:

— Поздравляю с возвращением назад, Талия.

Я поднимаю бровь, а он говорит:

— Да ладно. Это нужно отпраздновать.

Он просто помог этому случиться. Будет справедливо выпить с ним по бокалу вина. Я поднимаю свой и наклоняю к нему:

— Спасибо, что замолвил словечко за мной перед Стэном.

— Я просто рад, что ты возвращаешься, — отвечает он, чокаясь со мной бокалами.

На моем языке вертится фраза, что я возвращаюсь не к нему, но произнести нечто подобное было бы мелочно, поэтому я никак не комментирую его реплику и делаю глоток вина.

Двадцать минут спустя, я вхожу к себе в номер и направляюсь к шкафу, чтобы подобрать что-то приличное к сегодняшнему ужину с Себастьяном, когда замечаю, что моя кровать странно разобрана, с покрывалом и пододеяльником, валяющимися с краю кровати. Покачав головой от вида своей наполовину убранной кровати, я иду в ванную, чтобы проверить кое-что и там, а затем соединяюсь с ресепшеном.

— Чем я могу вам помочь, мисс Лоун?

— Здравствуйте, я так и не поняла, была ли произведена уборка моего номера, потому что полотенца свежие, но почему-то горничная начала менять белье на моей кровати, но так и не закончила. Можно попросить ее доделать начатое, пока меня не будет? Я покину номер через час.

— Приношу свои извинения, мисс Лоун. Конечно, мы позаботимся об этом. Если вам будет угодно что-то еще, сразу же обращайтесь.

С этим я поворачиваюсь к шкафу и выпускаю нервный вздох, пока критичным взглядом инспектирую каждую висящую там вещь. *Было бы лучше, если бы Себастьян сказал мне, куда мы поедем.*

Когда Себастьян стучит, я быстро выскакиваю из номера и захлопываю за собой дверь.

Он приветствует меня порочной улыбкой, затем кладет обе свои руки на дверь по обе стороны от моей головы и подходит ближе.

— Вы куда-то спешите, мисс Лоун?

Слава Богу, я надела каблуки, так что он не совсем нависает надо мной. Разглядываю расстегнутый воротник отглаженной рубашки и темно-серый костюм, радуясь, что он не надел галстук. Несмотря на то, что он одет более повседневно, Себастьян все равно очень презентабелен. Все в нем, начиная от его возбуждающего мужского аромата и источаемой им харизмы, заканчивая поразительными голубыми глазами, оценивающими каждый мой сантиметр, выдает доминанта. Он, скорее, хищник, который ищет достойную своей метки жертву.

И я дико хочу, чтобы на меня предъявили права.

— Моя комната не убрана, — выдыхаю я. — Горничная оставила мою кровать в еще большем беспорядке, чем я, встав сегодня с утра.

Подняв завиток моих волос к носу, он вдыхает, его глаза темнеют.

— Мне нравится беспорядок.

Я сглатываю и заставляю себя не представлять, что Себастьян подразумевает под словом «беспорядок». И все равно я уверена, что мое лицо стало пунцово-красным.

— А я думала, ты решил придерживаться временных рамок.

Он отпускает мои волосы и пальцем скользит вниз по моей шее, к груди, в V-образный вырез изумрудно-зеленого платья с запахом.

— Сексуальная повседневная одежда тебе идет.

Чувствую, как кровь приливает к моему лицу, и издаю нервный смешок, поддевая его расстегнутый ворот.

— Как и тебе, но мне почему-то кажется, что твоя сексуальная повседневная одежда — часть шоу.

Ведя рукой вниз по моему телу, он цепляет пальцем шелковый пояс на моей талии и дергает меня ближе, чтобы прошептать на ухо:

— Одежда — это только внешние атрибуты, тогда как обнажение выявляет истинных зверей, которые прячутся внутри нас.

Я не могу совладать с дыханием, когда он губами прокладывает дорожку по моей щеке, пока его рот не парит над моим.

— И у нас с тобой никогда и ничего не было обычным.

Я застываю от взгляда его завораживающих глаз, мой желудок сжимается, настолько я хочу, чтобы он прижался к моим губам и закончил эту пытку. Вместо этого, он отпускает мой пояс и проводит костяшками пальцев по щеке, бормоча таинственным голосом:

— А это идет тебе еще больше.

Когда до меня доходит, что он имеет в виду мои покрасневшие щеки, он скользит ладонью по моей руке, переплетает наши пальцы и тянет меня за собой.

— Пойдемте, мисс Лоун. Наш вечер ждет.

Я удивлена, когда Себастьян сворачивает к маленькой рыбацкой деревушке Менемша в Чилмарке с населением в восемьсот шестьдесят шесть человек.

Пока Себастьян в гавани беседует с женщиной, похожим на капитана морского судна в

своей черно-белой бескозырке, я прогуливаюсь вдоль причала, рассматривая магазинчики, рыбацкие лачуги и лодки.

Я вижу парочку лодок с дневным уловом лобстеров и прислоняюсь к перилам, вдыхая соленый воздух и греясь в мягких вечерних солнечных лучах. Солнце так приятно согревает мое лицо и плечи, что я снимаю очки, закрываю глаза и наслаждаюсь.

Я подпрыгиваю, когда что-то холодное скользит по моей шее и вдоль моей груди. Когда я опускаю глаза, моему взгляду предстает шестидесятисантиметровая нитка черного жемчуга, которую Себастьян обернул вокруг моей шеи. Он говорит мне на ухо:

— Никогда еще не видел ювелирное украшение, настолько подходящее женщине. Позволишь снять твою золотую цепочку?

Держа переливающиеся жемчужины, я смотрю на него через плечо и качаю головой:

— Нет, я никогда ее не снимаю. Жемчуг великолепен. Это красивый подарок, но немного слишком.

Он разворачивает меня и берет за щеки, его рот решительно кривится. Не вижу его глаз за авиаторами, но могу чувствовать его искренность.

— Это подарок и ничего больше. Я подумал, оно идеально тебе подойдет.

Когда я отпускаю цепочку, его взгляд перемещается по жемчужинам на моей светлой коже к груди. Снова приковав свое внимание к моему лицу, он улыбается:

— Если я хочу подарить тебе ожерелье, оно должно быть достойно тебя.

— Спасибо тебе, — говорю, немного шокированная его сентиментальностью. Улыбнувшись, я приподнимаюсь, чтобы поцеловать его в подбородок, но вместо этого меня встречает рот Себастьяна, его губы твердые и крепкие.

Зарываясь пальцами в мои волосы, он придерживает затылок и медленно очерчивает языком контур моих губ. Его поцелуй настолько заманчив и соблазнителен, что мое тело мгновенно нагревается, по меньшей мере, градусов на десять.

В ту секунду, когда его язык скользит меж моих губ, позади нас кто-то прочищает горло:

— Прошу прощения, мистер Блэк. Ваша лодка готова, сэр.

Под «лодкой» капитан корабля подразумевал двенадцатиметровую яхту, пришвартованную в конце доков. После того, как Себастьян помогает мне забраться на борт, он вытаскивает для меня стул за маленьким столом недалеко от перил на передней части палубы, а затем снимает пиджак.

Когда он начинает закатывать рукава, я интересуюсь:

— Куда-то собираешься?

Он сияет мальчишеской улыбкой:

— Ты же не думаешь, что эта яхта сама поплывет, а?

Я открываю рот, как рыба. Я очень удивлена. Скользнув пальцами к задней поверхности моей шеи, он говорит:

— Наслаждайся прогулкой. Скоро буду.

Конечно, на месте я не остаюсь. Я иду за Себастьяном и вижу, как он занимает кресло капитана и заводит двигатель. Следующие двадцать минут он направляет судно от стапеля к открытой воде, успевая обсуждать с капитаном корабля такое количество морских терминов, что я теряю им счет. Мы не слишком далеко от берега, но достаточно далеко, чтоб я радовалась, что умею плавать. В конце концов, он глушит двигатель и отдает управление в руки капитана. Пройдя несколько шагов, он останавливается, увидев меня.

— Вода — одна из твоих любимых вещей, да? — тихонько спрашиваю.

С коротким кивком, он кладет руку на мою спину, и мы вместе идем к передней части лодки. Как только достигаем зоны полного уединения, я облокачиваюсь о перила и позволяю морскому бризу целовать мое лицо.

— Ты скучаешь по военно-морскому флоту?

Дублируя мою позу, он щурится от солнечного света, ударившего ему в глаза, несмотря на очки.

— Иногда.

— Почему в ту ночь ты не сказал мне, что ты «котик»?

Его рот превращается в суровую линию.

— А почему ты не сказала мне свое имя?

Прежде чем я успеваю ответить, он пожимает жесткими плечами:

— Этим не хвастаются. Это не то, что надо рекламировать.

Понимающе кивнув, возвращаю свой взгляд к горизонту, наслаждаясь золотыми солнечными отблесками на воде. Не могу даже представить, какого рода миссии ему пришлось выполнять.

— Ты когда-нибудь кого-нибудь убивал по долгу службы?

Он отводит взгляд обратно на воду, его голос тихий и ровный.

— В отряде я был снайпером.

Я сверлю глазами его профиль:

— Должно быть, было трудно в первое время.

— Всегда не просто забрать чужую жизнь, даже если он враг. Все, что тебе остается делать, — быть сосредоточенным на своей миссии.

Я снова смотрю на океан, и несколько минут мы стоим в тишине.

— Почему ты не сказала мне свое имя?

Я ощущаю его пронизывающий взгляд на своем лице, но сама остаюсь сфокусированной на воде.

— По некоторым причинам. Мое имя не имеет значения.

— Для меня имеет, — говорит он, поворачивая мой подбородок к себе. — Имело тогда, и имеет сейчас.

— Как долго ты был на миссии? — спрашиваю я.

Его рот превращается в тонкую линию.

— Это не ответ на вопрос.

— Так сколько?

— Два года.

— А мы не виделись три года, — говорю я, собираясь покончить с этим.

— Но я не знал твоего имени, чтобы найти тебя, — продолжает он с ноткой разочарования в голосе.

Я игнорирую его колкость.

— Ты управляешь компанией по безопасности, где, я уверена, есть немалая доля исследовательской части..., — я замолкаю и поднимаю брови. — Ты узнал достаточно обо мне той ночью. Ты знал, что я ходила в Колумбийский, где училась и твоя сестра. И я говорила, что работаю в газете колледжа. Как думаешь, сколько студентов соответствуют этим критериям? — когда его рот сжимается, я отвечаю за него: — Одиннадцать, Себастьян. Одиннадцать женщин соответствуют критериям. Нет, я думаю, что найти меня не составило

бы труда, если бы ты по-настоящему этого хотел, когда вернулся. — *И признание этого вслух настолько ранит меня, что ради собственного самосохранения, я не могу позволить тебе проникнуть глубже, Себастьян.*

Я кладу руку на его кулак, сжимающий перила.

— Я просто хочу сказать, что хотела бы найти компромисс. Кстати, Ты — это не вымысел.

Он разжимает кулак и быстро переплетает наши пальцы, поглаживая меня:

— Почему для тебя так тяжело довериться кому-то?

Я смаргиваю подступающие слезы, радуясь, что он не может видеть их сквозь солнечные очки.

— Ты даже не представляешь, насколько я уже доверилась тебе.

Глядя на меня, он гладит пальцем внутреннюю сторону моей руки, затем останавливается и медленно скользит по белой незагорелой линии, оставленной кольцом Натана.

— Похоже, я немного подзагорела на ярмарке, — легко говорю я, снизу вверх глядя на него.

— Ты помолвилась с ним, когда работала в «Трибьюн».

Он не спрашивает, но я все-таки отвечаю:

— Да, мы встретились на работе. Я порвала с ним почти год назад.

Серьезное лицо Себастьяна становится хмурым.

— Если ты так давно порвала с ним, почему ты носила это чертово кольцо?

Я вздыхаю.

— Я приехала на выходные только ради своей подружки Кэс, которая в последнюю минуту кинула меня из-за работы. Я носила кольцо, чтобы держать парней на расстоянии. Я приехала сюда не из-за фигни для одиночек. И, кстати, о кольце Натана, я хотела бы получить его назад по нашему возвращению в отель.

Он раздраженно играет желваками.

— Зачем?

— Чтобы отдать ему, прежде чем он уедет.

— Он все еще в отеле?

Я киваю.

— После обеда Натан помог мне связаться со старым коллегой из «Трибьюн».

Себастьян напрягается.

— Ты обедала с ним?

Я трясую головой и пытаюсь вырвать свою руку, но он не отпускает меня.

— Нет, я обедала с Синтией. Так случилось, что он тоже был в том ресторане и позвал меня, чтобы помочь связаться по телефону со Стэном для обсуждения деталей новой работы в «Трибьюн».

— Вы снова собираетесь работать вместе?

Его тяжелый голос заставляет меня обороняться.

— Какое это имеет значение? — когда он не отвечает, я вздыхаю. — Я профессионал, Себастьян. Я любила свою работу в «Трибьюн». Я скучаю по тому, что помогала людям, и по тому чувству, что я что-то меняла в их жизни. Работать в одном офисе с Натаном — небольшая плата за все это.

Его недовольное лицо расслабляется, и он притягивает меня ближе, обхватывая руками.

— Теперь понял, — тихо говорит он, уткнувшись носом мне в шею. — Что насчет писательства?

Почему у меня такое чувство, что его понимание идет от чего-то личного? Это как-то связано с тем, что он сейчас на гражданке?

Обняв руками его плечи, я целую его подбородок.

— Я не выйду на полную ставку, пока не закончу свою последнюю книгу. И буду продолжать писать и дальше.

Он разворачивает меня в своих руках, затем откидывает себе на грудь.

— Ты в любом случае будешь решать загадки со словами.

Я поднимаю на него глаза с широкой ухмылкой на лице.

— Ты помнишь, что я тогда сказала?

Он смотрит на меня сверху вниз, его голос смягчается.

— Я помню все, малышка Рэд, — оглядев воду, он устраивает нас поудобнее.

— Когда я впервые поехал жить к своему дяде Джеку, в то лето он взял Колдера и меня на рыбалку на этот самый пляж. Его жена умерла несколько лет назад, поэтому для него и Колдера такие семейные поездки были особенно важны. Я помню, как сидел на пляже и наблюдал, как отец беспощадно дразнит сына. Именно в ту поездку я понял, что меня он дразнил точно так же. Это было самое лучшее лето, и то, что было не менее запоминающимся... — он замолкает, кивая на воду. — Посмотри...

Я прослеживаю за направлением его взгляда и упираюсь в потрясающий закат.

— Это поразительно, не так ли? — с нотками ностальгии говорит он.

Я киваю, задохнувшись в красоте и от факта, что он поделился чем-то настолько сокровенно личным со мной.

Сняв очки, он прижимается сильнее, его губы щекочут мое ухо:

— Если бы ты описывала этот закат, какими бы словами ты это сделала? Нарисуй картину для меня.

Я тоже снимаю очки, чтобы полностью впитать все цвета. Положив свои руки на его, все еще обнимающие меня за талию, я стараюсь охватить все, что вижу.

— Солнечный шар огня садится за край мира, готовый уснуть в ночи. И хотя его яркость исчезает, скрывается из виду, последние лучи уходящего дня отражаются в воде всеми оттенками оранжевого, фиолетового и розового. Брызги желтого танцуют меж волн, словно светлячки. А более темные воды украсили жилы пламенного алого цвета, перекатывающиеся в волнах широкими лентами расплавленной лавы.

Когда я поднимаю свои глаза на него, с удивлением обнаруживаю, что его глаза закрыты. Они быстро распахиваются, ярко-синий цвет отражает удовольствие и мир, чего я никогда не видела в них раньше.

— У тебя дар. Никогда не бросай писать. Это было идеально. — Поцеловав мою шею, он улыбается: — Готова поесть?

Солнце исчезло, и мягкая музыка звучит из колонок. Как только мы усаживаемся за стол, юный официант зажигает три свечи между нами. Поскольку стол освещен, второй официант появляется с тарелками. На них хвост лобстера на пару и жареные овощи с запеченной в пармезане полентой.

Первый официант возвращается с бокалом вина для меня. После того, как мы остаемся вдвоем, Себастьян поднимает бокал минеральной воды для тоста.

— За этот вечер, мисс Лоун, — его голос опускается, становится более глубоким и

соблазнительным. — Пусть он посоперничает с самым первым.

Я издаю нервный смешок и чокаюсь с ним бокалами, затем делаю глоток вина. Когда он касается бокалом своих губ, интересуюсь:

— Ты не пьешь?

Он отрицательно мотает головой и ставит бокал.

— Алкоголь затуманивает ум. Предпочитаю всегда быть во всеоружии.

Этот мужчина хоть когда-нибудь по-настоящему расслабляется? А может, физические нагрузки помогают ему в этом.

— Ты упоминал, что бегаешь, — говорю я, съев немного тающего во рту лобстера.

Себастьян кивает и разрезает пополам кусок поленты.

— Обычно я бегаю ранним утром. Здесь, на острове, я либо катаюсь на велике, либо бегаю, но не менее пятнадцати миль в день.

Я давлюсь только что сделанным глотком вина.

— Ты столько катаешься и бегаешь каждый день?

— Если у меня нет вылета ранним утром, либо других дел, то да, я занимаюсь этим каждый день.

Неудивительно, что у него такая форма.

Я снова беру свой бокал:

— И еще один тост.

Себастьян поднимает свой, выглядя заинтригованно.

Я чокаюсь с ним:

— Поздравляю, что взял фамилию своей семьи. Я знаю, ты отказывался сделать это.

Он криво улыбается.

— Я не брал фамилию, чтоб позлить отца. Я сделал это в честь его брата. У Джека случился инфаркт три года назад. Инфаркт подкосил его, и его предсмертным желанием было, чтобы я взял его фамилию и официально стал его вторым сыном. Так я и сделал, прямо там, в больничной палате, при поддержке Колдера.

Мои глаза затуманиваются, и я смаргиваю слезы. Себастьян потерял свою маму и единственного мужчину, которого считал своим настоящим отцом. Я так счастлива, что у него есть Колдер, и что он близок с Миной.

— Я сожалею о твоём дяде. Думаю, это замечательно, что ты почтил его желание.

Он усмехается и, поставив бокал, перекатывает пальцами его ножку.

— Честно говоря, я думаю, что мой дядя точно знал, что будет значить для моей семьи тот факт, что я стал Блэйком. Он был блондином, и знал, что отец, если что, поддержит меня, потому что как только бумаги были бы подписаны, таблоиды тут же начали бы гадать. Джек любил меня, как собственного сына, но в то же время, он устал от лжи. Он ненавидел, что мне приходилось прятаться от того, кем я был, — он пожимает плечами. — Меня это не волновало, но меня волновало то, что думает Джек, так что да, я взял его фамилию.

Я улыбаюсь, уважение к нему еще больше вырастает.

— А теперь ты и сам скоро станешь дядей. Я так счастлива за Мину. Когда она вышла замуж?

— В прошлом году. Я не в восторге от ее мужа, но надеюсь, она будет счастлива, а иначе мне придется очень серьезно с ним поговорить.

Хихикнув, я трясую головой:

— Брак — это не всегда спокойная гавань. Очевидно, что она любит его, раз носит его

ребенка.

Себастьян пожимает плечами и вытирает салфеткой рот, ставя точку в ужине.

— Посмотрим.

Потирая рукой подбородок, он пристально смотрит на меня:

— Твоим источником для той статьи в колледже была Мина, не так ли?

Я киваю.

— Она и ее соседка по комнате были шантажом вовлечены в продажу наркотиков их профессором.

Его рука стискивается в кулак.

— Что стало с ублюдком?

Я расстроено вздыхаю и несколько раз проворачиваю вилкой.

— Он покончил с собой в тюрьме в ожидании суда, но, по крайней мере, все его делишки прикрылись.

— Спасибо, что защитила имя Мины, — тихим голосом говорит он.

Я киваю.

— Все закончилось наилучшим образом, — проглотив последний кусочек, я наклоняю голову. — Я знаю, что ты близок с Колдером и Миной, а что насчет ее старших братьев?

Себастьян резко втягивает в себя воздух.

— Дэмьена и Гэвина раскусить сложнее, чем Мину.

Он прозвучал как раздраженный старший брат. Интересно, сам-то он осознает это?

Молоденький официант возвращается, как только я допиваю свой бокал вина.

— Желаете ли еще бокал, мисс?

— Ей бокал воды, Сэм. Спасибо.

Сэм наполняет водой мой бокал и затем исчезает, я же сверлю Себастьяна глазами.

— На самом деле, я хотела вина.

Без капли раскаяния он выдерживает мой взгляд.

— Алкоголь притупляет ощущения. Это последнее, чего я хотел бы от тебя сегодня. — Он потирает пальцем свои губы, а слетающие чувственные слова полностью захватывают мое внимание: — Я бы предпочел, чтобы вы наиболее остро прочувствовали все, мисс Лоун.

Его комментарий заставляет все мои внутренности сжаться. Я чертовски уверена, что ни один бокал вина не способен приглушить ни одно из ощущений, обосновавшихся внутри меня. Этот мужчина подобен реактивному двигателю для моих чувств. Я бы лучше замерзла насмерть, прежде чем он выжжет все на своем пути, включая алкоголь, текущий по моей крови.

Пока я кусаю нижнюю губу, размышляя, сгорю ли я вместе с ним, наш двигатель оживает. Яхта начинает медленно разворачиваться в сторону берега, а Себастьян спрашивает:

— Не желаешь ли десерт?

— Я бы лучше выпила бокал вина, — сухо отвечаю я.

Он раздражается низким смехом и встает.

— Думаю, я смогу найти другой способ подарить тебе чувство эйфории, которое ты так жаждешь.

Обогнув стол и приблизившись ко мне, он берет мою руку и ставит меня на ноги.

— Потанцуй со мной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как легко позабыть и о вине, и о десерте, и обо всем остальном, что крутится у меня в голове, когда он вторгается в мое личное пространство. И насколько я не хочу признавать его правоту в этом, настолько же не могу отрицать притяжение между нами.

Я улыбаюсь песне, мягко льющейся из колонок. Несмотря на то, что это более старая версия, чем та, что я слушала, будучи подростком, I've Had The Time of My Life звучит так уместно, когда Себастьян притягивает меня к своему жесткому телу и начинает раскачиваться в такт музыке. Она напоминает мне о летних домиках и первом сексуальном опыте. Воспоминания, которые всегда будут ассоциироваться у меня с ним.

— Ты сейчас думаешь о нас, о той ночи, что мы провели вместе? — шепчет он мне на ушко, медленно кружа меня.

У меня перехватывает дыхание, и я смотрю на него.

— Как ты узнал?

Его рука скользит к моей пояснице, притягивая меня еще ближе, пока мои бедра полностью не совпадают с его. Он улыбается так, что хоть и едва-едва, но показываются привлекательные ямочки.

— Это все песня.

Я киваю и прислоняю голову к его плечу, глядя на океан, что мы оставляем позади.

— Некоторые воспоминания остаются на всю жизнь.

Его рука немного сжимает мою. Оставив поцелуй на моих волосах, он говорит:

— Некоторые воспоминания настолько незабываемые, что стоят воссоздания. Посмотри на меня.

Когда я поднимаю голову и рассматриваю его в темноте, его глубокий голос вибрирует у меня в груди, резонируя по всему телу, вплоть до кончиков пальцев ног.

— И нет ничего, что я хочу больше, чем сделать это с тобой.

Глава 14

Талия

Себастьян не произнес ни слова с момента нашего танца на борту. И, кроме касания нижней части моей спины в тот момент, когда я усаживалась в машину, он не дотрагивался до меня. Когда мы оказываемся наедине в главном лифте «Хоторна», он разворачивается в мою сторону, но не делает ни шагу ближе. Вместо этого, засовывает руки в карманы и скользит по мне медленным, внимательным взглядом.

Это нервирует и напрягает, но я отказываюсь отворачиваться. Замечаю, как его взгляд задерживается на подаренном им жемчужном ожерелье, прежде чем скользнуть к ложбинке моей груди. Я медленно выдыхаю, когда он оглядывает мою шею и линию подбородка, затем волосы, прежде чем встретиться с моими глазами.

Он настолько сосредоточен, ничего сказанное мною не могло бы вывести его из этого состояния, поэтому я остаюсь неподвижной, принимая его изучающий взгляд.

Когда объектом его неотвратимого внимания становится мой рот, мне стоит больших трудов не облизнуть губы. Кое-как я держу себя в руках, но все же уголки приподнимаются в подобии полуулыбки, как только лифт достигает его этажа.

— О чем думаете, мисс Лоун?

Моя улыбка становится шире.

— Эта «Мисс Лоун» несколько формальна в данной ситуации, не находишь?

Двери лифта скользят в стороны, и я начинаю двигаться к выходу, когда он кладет руку на проем, загораживая мне выход.

— В любое время, как будешь готова поделиться...

Когда я пытаюсь поймать его взгляд, он удивляет меня тем, что убирает руку, тем самым не давая на меня с ответом. Пользуюсь отсрочкой и направляюсь к его номеру.

Как только мы входим, Себастьян включает свет возле двери и движется дальше в темноту, выскальзывая из пиджака. Теперь, когда мы одни, мысли о нашем разговоре на яхте заставляют мои нервы скрутиться в животе. Можем ли мы оживить наши воспоминания так, чтобы это стало чем-то большим? Но потом я вспоминаю сауну, и мои кости начинают плавиться от того, что он заставил меня ощущать. Мои мысли спутаны, и я остаюсь у двери, освещенная лампой, занимая себя тем, что устраиваю сумочку поудобнее на столе.

Я подпрыгиваю, когда руки Себастьяна оказываются на столе по обе стороны от меня, согревая мои плечи и спину мускулистым телом без рубашки.

— Ты очень тихая, — шепчет он мне в ухо.

Я смеюсь:

— Ты ни слова не сказал, пока мы ехали в машине и поднимались на лифте, а теперь говоришь, что я тихая?

Перекинув мои волосы через одно плечо, он проходится медленным, нарочитым поцелуем по оголенной шее.

— Мое молчание не сделало мои мысли менее громкими и ясными, — говорит он, и в этот же момент я чувствую, как он тянет за узел на моей талии.

Я начинаю помогать ему снимать пояс, когда он перехватывает мои руки и отводит их в сторону.

— Держи их тут.

Сердце пускается в галоп, я выдыхаю, пытаюсь взять дыхание под контроль и держать свои руки там, куда он их положил, пока Себастьян медленно стягивает пояс с моей талии.

— Ты понятия не имеешь, что я хочу сделать с тобой, — говорит он, расправляясь с узлом внутри моего платья.

— Могу себе представить, — шепчу я.

Низко и порочно рассмеявшись, он полностью снимает платье, прежде чем прижаться своим обнаженным торсом к моей спине:

— Можешь попытаться.

Я дрожу, когда он отходит, забирая с собой тепло. Я чувствую себя полностью голой, даже несмотря на то, что на мне до сих пор нижнее белье и каблуки.

Моя кожа покрывается мурашками, когда я слышу шелковистый шорох моего пояса.

— У меня было три года, чтобы нафантазировать все те вещи, которые я так и не смог сделать с тобой, — продолжает он, едва задевая мое ухо. — Дай мне свои руки.

Пульс бешено скачет, когда я поднимаю их и, немного согнув в локтях, скрещиваю над головой.

Он целует меня в запястье, его голос хриплый и довольный.

— За спину. Прямо над этими сладкими ямочками, которые мне не терпится попробовать.

Мое дыхание прерывается, и я плотно зажмуриваю глаза, стараясь не паниковать. *Ты сможешь это сделать. Ты сможешь. Он не собирается обижать тебя. Он никогда тебя не*

обидит. Черт возьми, ты знаешь об этом. Ты знаешь, он так не поступит.

— Ти, — говорит он, в его голосе появляются командные нотки.

Я успокаиваю дыхание и завожу руки за спину.

Шелковый пояс касается моих запястий, я глубоко дышу носом, но когда он передвигается выше, к локтям, мое дыхание полностью прекращается.

— Опять же, у меня было целых три года на то, чтобы придумать новые способы снова сделать тебя своей, — говорит он, затягивая пояс на моих руках так, что они отведены назад, а моя грудь выдвинута вперед.

Я слышу его слова, и чем больше хочу сфокусироваться только на его голосе — на нем, и на том, что он заставляет меня чувствовать, тем дальше мои мысли уносят меня назад в прошлое. И как бы я себя ни уговаривала, не могу остановить это ментальное падение, что делает мое дыхание бешеным и беспорядочным.

— Три года. Чувствуешь? — говорит Себастьян, прежде сделать шаг ближе и схватить мою руку. В следующий момент он оборачивает мои пальцы вокруг своей эрекции, несмотря на то, что он до сих пор в брюках. Его рука, прижимающая мою к твердому члену, становится последней каплей. Не могу остановить слезы, градом катящиеся по щекам.

— Радуга, радуга, радуга, — снова и снова лепечу одно и то же.

— Черт! — Себастьян быстро освобождает меня, сопровождая свои действия потоком красочных ругательств. В ту секунду, когда мои руки снова свободны, я настолько быстро оказываюсь в его объятиях, что все произошедшее становится похожим просто на очень плохой сон.

Прижимая меня к груди, он подходит к кровати и садится со мной на своих коленях, шепча мне в волосы:

— Мне так жаль.

Когда я киваю, а мои слезы все стекают, он скидывает мои туфли и укладывает нас обоих. Накрыв нас, он не позволяет мне выскользнуть. Он оборачивает свою сильную руку вокруг моего живота и притягивает меня к своему накачанному торсу, переплетая свои мускулистые ноги с моими. Устроив свое массивное тело рядом с моим, он шепчет мне в ухо низким сосредоточенным голосом:

— Защитное слово больше никогда не должно вставать между нами. Никогда, бл*дь, больше, Ти.

— Талия, — удается выдавить мне. — Талия Мерфи.

Я хочу хотя бы раз услышать, как он произносит мое настоящее имя. Я так долго об этом мечтала. Правда, в моих мечтах я признаюсь ему при других обстоятельствах.

Он на секунду замирает позади меня, потом выдыхает и оставляет нежный поцелуй на моем виске, а затем говорит хриплым голосом:

— Что бы ни случилось, Талия, ты не покинешь эту постель, пока не расскажешь мне.

Не знаю, сколько лежу там, в тишине, позволяя слезам катиться. В его объятиях мне настолько безопасно и комфортно. Думаю, я наконец-то плачу за ту девчонку, которая не могла позволить себе показать слабость.

Когда мои слезы высыхают, Себастьян разжимает мою ладонь. Он переплетает наши пальцы, а его теплое дыхание опалает мою шею:

— Если у тебя есть триггеры, я должен о них знать. Только так я смогу справиться с ними.

Я глубоко вздыхаю и прижимаю наши руки к груди. Закрыв глаза, я позволяю себе

вернуться в тот день, чтобы он понял.

Я настолько сосредоточена на домашнем задании по математике, что не слышу, как Хейз входит в дверь, соединяющую наши квартиры, пока его горячее дыхание не касается моей шеи.

— Над чем трудишься, Талия?

Сейчас Амелия в гостиной, увлеченно смотрит свое любимое ТВ-шоу. Вот почему я здесь. Не могу думать под орущий телевизор, а у меня через пару дней контрольный тест. У меня нет времени выслушивать дерьмо Хейза. Ну почему Уолт снова оставил дверь незапертой?

Сердце пускается в пляс, я смотрю правее, затем цежу сквозь зубы:

— Пытаюсь сконцентрироваться, а ты не даешь.

Ладонь Хейза ложится на мою тетрадь, полностью ее перекрывая, а он склоняется ко мне.

— Как насчет того, чтобы сначала сконцентрироваться на мне?

Он воняет дымом и пивом. Пытаюсь совладать с дыханием, но паника побеждает.

— Уолт... — кричу я предостерегающим голосом.

Хейз нависает надо мной, и, так как Уолт не отзывается, я сдаюсь.

— Позанимаюсь где-нибудь в другом месте, — говорю я злым голосом. С раздражением захлопнув книгу, я встаю, затем с силой придвигаю стул к столу.

Прежде чем я успеваю взять книгу, Хейз хватает мою руку и заводит ее за спину. Положив вторую руку на мою шею, он толкает меня через спинку стула, прижимая щекой к столу.

— После сегодняшнего дня, ты больше никогда не посмеешь разговаривать со мной в таком тоне, — скрипит он мне в ухо.

Отпустив мою шею, он еще сильнее выкручивает запястье. Его голос твердый и злой, его действия гораздо жестче, чем когда-либо раньше.

Когда я слышу звон пряжки ремня и звук расстегивающейся ширинки, я снова зову Уолта. Сейчас меня не заботят угрозы Хейза по отношению к Уолту. Все, о чем я думаю, это о происходящем здесь и сейчас.

— Заткнись, если не хочешь привлечь любопытное отродье, — говорит Хейз, темп его дыхания меняется по мере освобождения из штанов.

Из-за своего страха я совсем забыла про Амелию. Его фраза отрезвляет меня, и я призываю все силы, чтобы не закричать, когда он хватает мою вторую руку и тоже заводит ее за спину. Когда он оборачивает мои пальцы вокруг своей эрекции, меня пронзает отвращение. Он испускает глубокий стон и прижимается к моей заднице.

Желчь поднимается по моему горлу, и я давлюсь. Пытаюсь вырвать свою руку, но его пальцы сжаты вокруг моих, держа член в тисках.

— Даже не думай останавливаться, — предупреждает он, сильнее вдавливаясь бедрами, и глубоко стонет.

Все, что мне остается — это лежать там, пока ублюдок использует мою руку, чтобы дрочить на мою обтянутую джинсами задницу. Когда он кончает, он шлепает меня, а потом втирает свою сперму в джинсы на ягодицах и между моих ног. Схватив меня между ног одной рукой, другой он вцепляется в пучок и с силой дергает, пока мое ухо не оказывается настолько близко, что он может с удовлетворением пропыхтеть:

— Думаю, ты идеальна для траха. Жду не дождусь.

Слезы текут к вискам, когда я умолкаю. Мой голос охрип, пока я рассказываю Себастьяну о Хейзе.

Рука Себастьяна оборачивается вокруг моего лица. Схватив щеку, он тянет меня, пока я не поворачиваюсь. Прижав свой лоб к моему, он шепчет тусклым от боли голосом:

— Сколько тебе было?

Я кладу руку на его челюсти и чувствую ходящие от напряжения желваки.

— Тринадцать.

Он застывает на месте.

— Им был твой сосед? Тем взрослым, кто сделал это с тобой? — спрашивает он низким напряженным голосом.

Я киваю.

— Он был бизнес-партером Уолта — тетиного бойфренда. Они готовили и сбывали наркотики, и втянули меня в свои делишки, когда я была маленькой.

— Я убью сукиного сына! Неважно, сколько времени прошло! — рычит Себастьян, его интонации безжалостны и мстительны.

Каждая клеточка его тела вибрирует от ярости, и я крепко прижимаюсь своей грудью к его и говорю успокаивающим голосом:

— Хейз загремел за наркоторговлю. Он за решеткой.

— Не за то его посадили, — цедит он голосом, полным жадой возмездия. Потом он нежно, несмотря на свою злость, сжимает мое запястье: — Куда, черт побери, смотрели Уолт и твоя тетя?

— Тетя никогда не знала, а Уолт мертв, Себастьян. Все призраки моего прошлого живут только в моей голове, — со вздохом заканчиваю я.

Он вдыхает и выдыхает через нос, пытаясь совладать со своими эмоциями, затем тихонько говорит:

— Вот почему расследование наркотрафика в твоём кампусе стало для тебя таким личным.

— Да, и ещё потому, что наркотики напрямую способствовали смерти Амелии. Она, может, и дочь Уолта по рождению, но она была моей маленькой сестренкой.

Придерживая меня за затылок, он носом скользит по моему горлу, затем оставляет мягкий поцелуй.

— Я пойму, если ты захочешь личного пространства сегодня, Талия.

Я тянусь вслед за его поцелуем и крепко обхватываю его мускулистые плечи.

— Я посвятила тебя в свой маленький секрет, мистер Блэк.

Его руки скользят по моей спине, затем вниз, к талии. Притянув меня к себе, он целует мой подбородок:

— Ты можешь делиться со мной всем, чем пожелаешь, мисс Скарлетт Рэд.

Я приподнимаюсь и шепчу ему в ухо:

— Я сказала только потому, что хочу остаться. Я хочу быть с тобой.

Прежде, чем я могу откинуться назад, он обхватывает мое лицо и большими пальцами поглаживает скулы.

— Почему ты выбрала меня на той вечеринке?

Слишком темно, чтобы рассмотреть его лицо, но напряжение и тембр его голоса выдают непостижимую эмоцию.

— Потому что ты увидел меня.

— Я не мог не видеть тебя. Ни тогда, ни тем более сейчас, — бормочет он напротив моих губ, прежде чем прижаться своим ртом к моему.

Когда Себастьян полностью забирает мое дыхание, чувственно играя своим языком с моим, с каждым разом действуя все агрессивнее, я возвращаю ему поцелуй с той же интенсивностью. Он прерывает наш поцелуй, неровно дыша, затем тянется к ночнику и зажигает тусклый свет, после чего серьезным взглядом смотрит мне в глаза:

— Есть еще триггеры? Было ли еще что-то травмировавшее тебя, о чем мне нужно знать?

Я удивлена, что он не упоминает о той ночи, когда он подбросил меня, тринадцатилетнюю, домой. Он должен был заметить, что я была конкретно не в себе. Я закрываю глаза и трясую головой, выбрасывая все мысли. Я рада, что он, кажется, хочет оставить все в прошлом. Встретившись с его пристальным взглядом, я твердо говорю ему:

— Обещай, что ты не станешь относиться ко мне по-другому. В противном случае, между нами ничего не работает.

Его пальцы скользят по задней стороне моей шеи, а затем смыкаются в фирменном захвате, из-за чего я еще сильнее выгибаюсь.

— Я тот, кто я есть, Талия. Тот факт, что ты понимаешь и принимаешь мой... напор, работает к нашей обоюдной выгоде. Я не собираюсь врать и говорить тебе, что не переживаю, но отступать не в моей природе. И хотя я ненавижу мысль, что ты можешь воспользоваться своим стоп-словом, сейчас это важнее, чем когда-либо раньше. Я должен быть уверен, что ты используешь его, или мы на этом остановимся.

Мое сердце сжимается от мысли, что Себастьян может уйти. Не думаю, что переживу это. Не сегодня. Не тогда, когда мои эмоции вывернуты, ободраны, разбиты на миллиарды кусочков с острыми краями внутри меня.

— Я, черт возьми, скажу «Радуга», если так нужно. Я обещаю... — я замолкаю на полуслове, когда он поднимает жемчуг над моей головой.

Себастьян роняет ожерелье, и в то же время оборачивает свою руку вокруг моей талии и быстро укладывает меня на спину, говоря низким мурчащим голосом:

— Не касайся меня, пока я не разрешу. Поняла?

Мое дыхание ускоряется, а внутренности сжимаются, когда я наблюдаю за ним, срывающим с меня нижнее белье.

— Тебе обязательно каждый раз его рвать?

Его рот кривится в коварной улыбке, когда он усаживается, чтобы развести в стороны мои бедра.

— Я всю ночь жду свой десерт. Зачем мне тратить волшебное время на то, чтобы аккуратно развернуть обертку?

— Предвкушение — часть... — я издаю глубокий стон, когда он сразу двумя пальцами скользит в мое влажное влагалище.

Вытащив пальцы, он поднимает бровь:

— Ты уже потекла. Что ты там говорила насчет предвкушения?

Я вцепляюсь в простыни, ненавидя чувство пустоты, что тут же пронзает мое тело, лишившееся его. Расположив свою ногу вдоль его бедра, я вжимаю пальцы в его мышцы и медленно вращаю бедрами.

— Только то, что это работает в обоих направлениях. Я знаю, ты хочешь попробовать меня так же, как я этого хочу. Твой рот уже наполнился слюной?

Усмехнувшись, он нажимает на клитор своим большим пальцем, одновременно с этим другие два пальца снова входят в меня.

— Насколько сильно ты хочешь, чтобы я попробовал тебя? — соблазнительно говорит он, а потом наклоняется и зубами зажимает мой сосок.

Его движение сбрасывает мою ступню с его ног, но я впечатываю каблук в матрас, изгибаясь в его руках. Я впитываю каждое ощущение, наслаждаюсь игрой его горячего рта с моей грудью, который тянет ее с силой, достаточной, чтобы заставить меня задрожать, пока он толкается глубоко внутри.

Когда он ртом скользит к моему животу, покусываниями обозначая свой путь, я подкалываю его, хотя мое тело горит:

— Думаю, ты хочешь этого больше, чем я.

Внезапно его рука останавливает движение моих бедер. Его темная голова наклонена ко мне, и я чувствую волну жара, поднимающуюся от его поверхностного дыхания, запутавшегося в треугольнике волос между моих ног. Я дрожу и не вырываюсь из его рук, прижавших меня к кровати.

— Я не хочу этого больше, чем ты, — говорит он тихим, замученным голосом.

Его слова настолько расходятся с тем, как его плечи напряжены, и с тем, как он сильно, до синяков, держит мое тело, что я моргаю от удивления. У меня нет возможности ответить, так как его язык зарывается в треугольник моих волос, а потом скользит вниз, к моей киске, атакуя ее глубоко, собственнически. Его голос низкий и глухой:

— Это больше, чем желание, Талия. Я, бл*дь, жаждал твой вкус в течение трех лет.

Жестокая необходимость скапливается у меня в животе, пока он скользит руками под мои бедра, а затем приподнимает их, словно я ничего не вешу, а его горячий рот висает надо мной.

— Но сначала ты расскажешь мне, почему не позволяла своему жениху делать это с тобой.

Он это серьезно? Он не поднимает глаза ко мне, но и не сдвигает рот ближе. Меня пронзает бешеная тоска, и я сглатываю:

— Почему это так важно?

Он сильнее сжимает мою задницу.

— Это важно. Скажи мне.

Его тон более жесткий, более напряженный. Мои пальцы сжимают простыни.

— Я не знаю... Это... просто чувствовалось...

— Неправильным, — он выскальзывает из меня. Это не вопрос — это утверждение.

Мое сердце пропускает удар.

— Почему ты говоришь...

— Потому что я владею этим, — говорит он яростно, все его тело напрягается. — Завтра у тебя все будет адски болеть, но я не почувствую ни капли вины. Сегодня я напомню тебе, почему эта великолепная киска моя и ничья больше.

Я вскрикиваю от неземного блаженства, когда он скользит языком глубоко в меня, затем проворачивает, исследуя каждую складочку. Сглотнув, он бормочет:

— Бл*дь, ты еще слаще, чем я запомнил.

Он быстро находит мой клитор и посасывает чувствительный участок, в то время как два его пальца толкаются внутри меня, действуя еще глубже, чем раньше. Я извиваюсь и вращаю бедрами, поскуливая и наслаждаясь его тщательными манипуляциями с моим телом.

Когда я прижимаюсь ближе, Себастьян издает нечеловеческий рык удовлетворения, и в тот же миг его блестящие голубые глаза, полные первобытной властности, встречаются с моими. Его собственнический взгляд, говорящий «моя», его полное обладание мной, заставляет температуру моего тела повыситься еще градусов на тридцать. Я бессознательно выгибаюсь под ним. С Себастьяном я теряю контроль. Я растворяюсь в тумане удовольствия, что он мне дарит. Все, что я могу — это двигаться вместе с его языком и губами, исследующими мою кожу, заставляя мое тело трепетать от отчаянной потребности.

И когда я начинаю дрожать, готовая разрядиться, он ослабляет натиск, однако, не прекращая возбуждать меня. Затем он возобновляет свою агрессивную, волнующую пытку, пока я не начинаю бессвязно лепетать:

— Пожалуйста, Себастьян, дай мне кончить.

— Скажи это.

— Сказать ч-что? — выпаливаю я.

Он сильнее всасывает мой клитор, сводя меня с ума, и я закрываю глаза и стону от этого сильного ощущения. Затем он находит то самое местечко внутри меня, которое заставляет мое тело согнуться от бушующего желания.

— Кто владеет этим, Талия?

Несмотря на мою резко выросшую потребность в освобождении, я не могу ничего с собой поделать, но чувствую, что если я скажу, что он владеет моим телом, это будет означать, что он владеет и мной. Никто не владеет мной.

Я прекращаю вращать бедрами, когда чувствую, как что-то холодное скользит по моей влажной киске. Один, второй, потом третий раз. Подняв голову, Себастьян кладет большой палец на клитор, а его ярко-голубые глаза приобретают чувственный блеск.

— Ты мне доверяешь?

— Ты единственный мужчина, которому я позволяла так себя касаться, — отвечаю я, пока клубок нервов сворачивается у меня в животе. Я так близка к тому, чтобы позволить ему завладеть мной, он и не представляет.

Приподняв свой большой палец, он тянет мое жемчужное ожерелье, затем устраивает свой палец над одной из жемчужин. Прижав ее к моему клитору, он загибает пальцы внутри меня, он снова задевает мое чувствительное местечко.

— Скажи мне, Талия. Мне нужно услышать это от тебя.

Я сверлю его взглядом, пока он, бусинка за бусинкой, скользит ожерельем. Мои бедра начинают трястись, и я настолько сильно вцепляюсь в простыни, что перестаю чувствовать руки.

— Владей мной, Себастьян, — стону я.

Его улыбка становится почти дикой.

— Кончи для меня, — командует он, и в то же время быстрыми движениями начинает тереть влажную нитку под своим пальцем. Ощущения вибрации, и тот эротизм, с которым он так мастерски играет со мной, уносит меня далеко, и я кричу и бесконтрольно дрожу. Один оргазм за другим пронзает мое тело, сокрушительно подмяв меня под волны греховных разрушительных наплывов.

После третьего оргазма, я хватаю его руку, чтобы остановить движение жемчужин, выкрикивая:

— Принадлежу тебе, черт возьми. Настолько принадлежу...

Губы Себастьяна прерывают меня, его язык врывается глубоко в мой рот. И только

когда я обхватываю его шею, чтобы подтянуть повыше к себе, он прерывает наш поцелуй и встает, чтобы стащить штаны.

Мое сердце бешено стучит в груди, когда он садится на край кровати с презервативом, который достал из кармана.

Это кажется несправедливым, что он не испытает то, что я чувствовала только что, и, не дав себе время для раздумий, я беру свое ожерелье и встаю на колени. Прильнув к его жесткой, мускулистой спине, я целую его шею, опуская украшение к его твердой эрекции.

— Будет правильным вернуть должок.

Себастьян резко выдыхает, а его мышцы напрягаются напротив моей груди, я же забираю презерватив из его пальцев и кладу его на прикроватный столик. Несколько раз обмотав нитку жемчуга вокруг его члена, я оборачиваю свои пальцы вокруг его и начинаю перекатывать бусины по всей длине, вверх и вниз, шепча ему на ухо:

— Помоги мне забыть.

Его дыхание ускоряется по мере моих движений.

— Уверена? — спрашивает он хриплым голосом, проводя своими пальцами по моему запястью.

Скольжу вокруг его тела, пока одна моя нога не оказывается за его спиной, а вторая болтается между его крепких бедер. Глядя в его затуманенные глаза, дарю ему дрожащую улыбку:

— Покажи мне, что тебе нравится.

Себастьян обхватывает меня за шею, лаская ее своим большим пальцем. Когда он прижимает меня к себе для поцелуя, его рука накрывает мою, обхватывающую его член.

— Полегче, — говорит он в мой рот, а затем исследует мои губы. Я настолько поглощена его отвлекающим «почти поцелуем», что ощущение его пальцев вокруг моих не выводит меня из колен. Я позволяю ему установить темп и силу, с которыми моя рука ласкает его член. Оборачиваю свою ногу вокруг нижней части его спины и наслаждаюсь ощущением, что ураганом проносится сквозь меня, когда его язык, наконец, проскальзывает, чтобы встретиться с моим, даря жаркий, жгучий поцелуй.

— Продолжай вот так, — стонет он мне в рот, убирая свою руку, чтобы схватить мое лицо для жесткого, еще более возбуждающего поцелуя.

Каждая частичка меня сосредоточена на мужском аромате и тепле, идущем от Себастьяна, на ощущении моего тела, обернутого вокруг его. Я замедляю темп своей руки, затем ускоряю, прислушиваясь к его дыханию, чтобы понять, что ему нравится больше всего. Каждый резкий вздох, что он вкладывает в наш поцелуй, приводит меня саму в возбуждение, за миг делая меня влажной.

Внезапно Себастьян прислоняется своим лбом к моему, едва различимо говоря:

— Тебе надо остановиться.

На секунду я прерываюсь, но ничего не могу с собой поделать и снова двигаю рукой вверх и вниз.

Раздается низкое рычание, и прежде чем я успеваю пикнуть, оказываюсь на спине под ним, потеряв ожерелье, так как он прижимает меня своим тяжелым телом к кровати. Его член дразнит мою киску, он держит мои руки над головой, тяжело вдыхая и выдыхая.

— Какого хрена, Талия? Ты не можешь так давить на меня.

Я приподнимаю бедра и направляю его к самому входу.

— Зато я знаю, что тебе нравится, — отвечаю я, поверхностно вдыхая.

— Мне нравится это, — сквозь зубы говорит Себастьян и входит глубоко в меня.

Я вскрикиваю от реакции моего тела, растягивающегося, чтобы принять его внушительный размер, и я шокирована, что снова начинаю сокращаться вокруг него в новом оргазме.

Себастьян остается твердым и неподвижным, пока меня колотит в экстазе.

— Боже, ты ощущаешься так, будто я на небесах. Моих небесах, — говорит он, прежде чем выйти, а потом снова войти в меня.

Он настолько мощный, что все, что мне остается — это крепче держаться, и когда он, наконец, отпускает мои руки, я вонзаю ногти в его спину и вращаю бедрами, встречая каждый из его толчков.

В тот момент, когда чувство эйфории снова начинает расти у меня между ног, Себастьян хватает меня за волосы, его грубый сексуальный голос горячо нашептывает мне на ушко, и он резко меняет угол проникновения, посылая меня через край. Когда оргазм ослабевает, он прекращает движение, удерживая меня на месте своим весом.

— Почувствуй, как я владею тобой, Талия, — говорит он жестким, гортанным голосом.

И Себастьян кончает продолжительно и мощно, его толстый член пульсирует глубоко во мне, а я вцепляюсь в его скульптурные плечи и спину, чувствуя себя взятой, принадлежащей и основательно поработанной его дикой первобытностью.

Несколько минут мы не двигаемся, единственный звук в комнате — наше тяжелое дыхание. Будучи все еще похороненным внутри меня, Себастьян поднимает голову с ошеломленно-недоверчивым выражением глаз.

— Что ты делаешь со мной?

Я провожу пальцем по его подбородку:

— Думаю, то же самое, что и ты со мной.

Он трясет головой:

— Я всегда пользуюсь презервативом.

Я разглаживаю его нахмуренный лоб:

— Не беспокойся. Я на таблетках. Все в порядке.

Облегчение, промелькнувшее на его лице, на миг пронзает меня в живот. Мне не нравится, что это волнует меня. Я начинаю скользить, чтобы выбраться из-под него, но он ставит обе руки по бокам, и я в ловушке.

— Куда ты?

— В ванную.

Он хмурится:

— Это так необходимо?

Я киваю:

— Мне надо помыться.

Хищная улыбка трогает его губы:

— Ты останешься здесь.

Он двигает бедрами, и с удивлением я понимаю, что он снова твердый внутри меня. Я в шоке распахиваю глаза, а он низко высокомерно усмехается, а затем целует меня, его язык скользит меж моих губ, чтобы встретиться там с моим языком.

— Хотеть тебя три года — это чертовски долгий срок, — бормочет он напротив моего рта. — Ты никуда не пойдешь.

Я просыпаюсь оттого, что Себастьян опирается на мое плечо, чтобы нажать кнопку на своих часах. Он оставляет их на тумбочке, лежащими на ребре, и подсветка все еще работает, пока он переползает обратно. Я внимательно рассматриваю часы, пока не гаснет циферблат. 1:11. Не на это ли время три года назад они были запрограммированы?

Поцеловав мое плечо, Себастьян выскальзывается из кровати, направляясь в ванную. Как только он закрывает дверь, я беру часы и нажимаю пару кнопок. Он завел их на одно и то же время на каждый день недели, одиннадцать часов утра. Почему?

Услышав звук смываемой воды, я быстро нажимаю кнопки, возвращая их в исходное положение, и кладу часы обратно на тумбочку. Тринадцать секунд спустя он заползает в постель и оборачивает руку вокруг моей талии. Подтянув меня ближе к своему твердому телу, он носом зарывается в сгиб моей шеи и в волосы, его голос сексуально вибрирует за спиной:

— Я знаю, что ты проснулась.

Я разворачиваюсь в его руках и смотрю на него, поглаживая его мускулистую грудь.

— Твои часы были заведены на это же самое время три года назад. Расскажи мне о значении 1:11?

Он молчит секунду или две, затем подтягивает меня ближе и целует в лоб. Положив подбородок мне на макушку, тихонько говорит:

— Это напоминание.

Он придерживает мой затылок, пока говорит, прижимая меня ближе, и я нюхаю его кожу. Люблю сочетание дезодоранта и чисто мужского мускусного запаха.

— Напоминание чего? — бормочу в его плечо.

Его руки смыкаются вокруг меня:

— Быть усердным. Осведомленным. Готовым.

Я обнимаю его и поглаживаю спину:

— Готовым к чему?

Он вздыхает:

— Просто... быть готовым.

Больше он ничего не произносит. Начинаю целовать его грудь, когда внезапно понимаю, что задняя поверхность часов была абсолютно гладкой под моими пальцами. Что стало с инициалами? Я отклоняюсь и смотрю на него, мое сердце сильно бьется.

— Когда у тебя появились эти часы?

Он смотрит на меня сверху вниз.

— На прошлой неделе. Мой дядя завещал их мне, так что адвокат отдал их сразу же, как только я подготовил документы на смену фамилии. — Заглушая смех, он нежно улыбается. — Даже спустя три года после смерти, Джек продолжает вызывать у меня ощущение, что я часть его семьи.

Я сверкаю глазами, меня пронзает шок.

— Часы — это семейная традиция?

Он медленно качает головой, нотки горечи появляются в его голосе:

— Не совсем. Часы были подарены дядей взамен тех, что я потерял.

— О, понятно, — говорю я настолько спокойно, как могу.

Черт! Себастьян так и не получил часы, что я оставила для него? Что случилось?

Почему его сестра не передала ему коробочку? И если он не получил часы, это значит, что он так и не знает, что я — Рэд. Не удивительно, что он не спросил меня о той ночи, одиннадцать лет назад. Он так и не знает. Я сжимаю губы, пока облегчение и волнение воюют у меня в голове. Скорее всего, Себастьян не видел надписи на задней поверхности тех часов, которые получил и отдал мне в один и тот же день.

— Помнится мне, ты говорил, что твой отец взбесился, когда ты потерял часы. Никогда не думал, что, возможно, он сделал тебе такой подарок, потому что гордился тобой, а не только потому, что это был твой день рождения?

Его рот мгновенно сжимается.

— Он дал мне их, только чтобы продемонстрировать свое богатство. Только поэтому. Поверь мне.

— Но... — Себастьян захватывает мой рот в разрушительном поцелуе, полностью отвлекая меня. — Я не хочу говорить ни о часах, ни о чертовых родителях. Прямо сейчас я просто хочу больше тебя, мисс Скарлетт Рэд.

Глава 15

Талия

— Что ты делаешь?

Я подсказываю от звука глубокого голоса Себастьяна, перекрывающего шум утренних новостей, которые он только что включил в соседней комнате, и чуть не роняю жемчужное ожерелье. Я поднимаю нитку и указываю на раковину, полную холодной воды.

— Очищаю его. Надеюсь, оно не испорчено.

Он прислоняется к дверному косяку, одетый только в черные домашние штаны, затем вздыхает и раскрывает руки, что заставляет мышцы его пресса сокращаться, пока он заходит в ванную комнату, чтобы выключить воду.

— Оставь это.

Когда я поднимаю на него взгляд и пытаюсь спросить почему, он заправляет прядь моих мокрых волос за ухо.

— Эта нитка жемчуга — наше отражение, Талия. Естественно грубая и прекрасно грязная. Не хочу стирать это.

Пока он разворачивает меня, я кладу нитку жемчуга на бортик раковины и хихикаю, чтобы скрыть, насколько глубоко он поражает меня своим комментарием.

— Я бы хотела снова ее надеть.

— Тогда я куплю тебе другую, — грубовато говорит он, а потом хватается меня за талию и усаживает на стойку. Пристроившись меж моих ног, он руками скользит по моим бедрам, следуя за этими движениями взглядом.

— Следующий душ ты вся моя. Поняла?

Когда его великолепные голубые глаза, полные тлеющего желания, смотрят на мое лицо, я веду своими ладонками по его мускулистым рукам и плечам. Обернув руками его шею, я дразню:

— В следующий раз спи поменьше, и ничего не пропустишь.

Он тянет за воротник голубой рубашки, в которую я одета, и темная, собственническая улыбка трогает его сексуальный рот.

— Видеть тебя в своей рубашке стоит того. — Он приближает свои губы к моим, его голос хриплый от чистой сексуальности. — Думаю, с этого момента моя одежда должна стать требуемой униформой.

Я улыбаюсь напротив его рта.

— А я думала, ты предпочитаешь, когда я без одежды.

Он сжимает основание моих бедер, большими пальцами медленно поглаживая треугольник волос между моих ног.

— Я всегда предпочту, чтобы ты носила *меня*, Талия.

Он улыбается, притягивая меня своей магнетической харизмой. Я запутываюсь пальцами в его темных волосах, пока он придвигается еще ближе, и его рот едва не касается моего.

— На тебе. В тебе. Клеймя тебя. Ничего не сравнится с этим.

Себастьян скользит языком глубоко в мой рот, и в то же время стонет и подходит вплотную ко мне, прижимая эрекцию к моему телу. Я целую его в ответ, его собственничество заставляет меня чувствовать себя сексуальной и желанной.

Нас прерывает стук в дверь, он вздыхает и целует мой лоб.

— Это обслуживание номеров. Запомни, на чем мы остановились.

Я удивлена, услышав, что он закрывает за собой входную дверь. Любопытствуя, я вхожу в пустую комнату и замечаю, что звук телевизора как будто стал громче. Расследователь, живущий во мне, подталкивает меня к входной двери.

— ...подумала, что принесу это сама, — женский голос доносится из-за тонкой древесины.

— Ты не должна была, — говорит он.

— Пригласишь меня войти, Себастьян?

— Сейчас не подходящее время, Реган.

Слышится быстрый женский смешок, полный самодовольства.

— Серьезно? Я думала, для тебя нет неподходящих моментов. Если бы твоя так называемая кухня, или лучше сказать, сводная сестра, — мда, сейчас слухи сочатся из всех местных новостей — знала, насколько ты на самом деле извращенец, мне интересно, поставила бы она тебя тогда на такой высокий пьедестал?

— Тебе нравилась каждая секунда этого, — отрывисто говорит он, его тон холодеет.

— Да, после того, как привыкла к тебе. Неделью не могла сидеть после твоего ухода.

Ее голос становится ближе, опустившись до сексуального мурлыканья.

— Я никогда тебя не забывала. До сих пор храню хлыст и ошейник, которые ты подарил. Только взглянув на них, я становлюсь влажной.

— Я не завожу отношений, Реган.

— Тогда чем был тот месяц, ммм?

— Просто ты возвращалась за большим.

Она испускает раздраженное фырканье.

— А я вот думала, ты просто играл роль самоуверенного сукиного сына. В свете последних событий меня это устраивает.

— Так вот, на самом деле, почему ты здесь. Я скажу тебе кое-что, о чем не в курсе таблоиды. В тот момент, когда я взял фамилию своей семьи, я потерял какие-либо притязания к миллионам Блэйков.

— Какой позор... — дуется она, в ее голосе отчетливо слышится разочарование. — Но

твое финансовое состояние не меняет того, что я чувствую к тебе. Это говорит мне, что у нас двоих было что-то.

— У меня было два года воздержания, Реган. Не придумывай то, чего нет.

— Отлично, — цокает она, ее голос смягчается. — Для тебя я сделаю вид, что все так и было.

— Я не заинтересован в возобновлении нашей договоренности, — говорит он непререкаемым тоном.

Договоренности? Я прослушиваю ответ Реган. Его фразы звучат так отрывисто, я ничего не могу поделать с узлом, завязавшимся у меня в животе. *Буду ли я на ее месте, умоляя его владеть мною?* Тошнота поднимается из моего живота.

Когда дверная ручка начинает поворачиваться, я несусь обратно в ванную комнату. Тихо захлопнув за собой дверь, я смаргиваю непролитые слезы и пытаюсь унять удушающую боль в груди. Мой взгляд останавливается на ожерелье, и я скидываю жемчужины с бортика раковины прямо в холодную воду. *Наше отражение, мать твою!*

Даже осознавая, что с моей стороны несправедливо ожидать от него отсутствие отношений в течение этих трех лет, я ничего не могу с собой поделать, и чувствую слабость в животе от того, что так много находила меж этих долбанных строк о нас. Считать ли мне себя счастливицей, что мне досталось жемчужное ожерелье, а не хлыст и ошейник? Когда Себастьян зовет меня по имени по ту сторону двери, я полощу ожерелье в воде и говорю непринужденным голосом:

— Выйду через минуту! — в этот же момент наклоняюсь и спускаю воду в унитазе.

Вытащив затычку, чтобы спустить воду в раковине, я высушиваю ожерелье полотенцем, прежде чем выйти из ванной комнаты.

— Это было не обслуживание номеров? — Я оглядываюсь по сторонам, подняв брови, мое лицо абсолютно невозмутимо.

Он поднимает посылку, величиной с обувную коробку:

— Просто посылка от моей сестры. Обслуживание номеров должно быть с минуты на минуту.

— На самом деле, думаю, мне пора вернуться в свой номер.

Себастьян хмурится и начинает приближаться ко мне, когда телефон на столе звонит. Положив коробку, он хватается трубку, вмиг став деловым.

— Бас.

Его темные брови на секунду сходятся.

— Да, я получу свой новый мобильник сегодня. Спасибо за информацию, Саймон. Я передам. Не нужно. Мисс Лоун в порядке.

— Что? — говорю я одними губами, но он поднимает руку.

— Она здесь, со мной, — продолжает он, взгляд его голубых глаз удерживает мой. — Да, всю ночь. Я позвоню тебе позже.

К тому моменту, как он вешает трубку, мое лицо пылает.

— Что за черт, Себастьян? Зачем ты сказал главе безопасности, где я провела прошлую ночь?

Он хмурится, пока приближается, чтобы нависнуть надо мной.

— Почему провести ночь со мной так постыдно для тебя?

Я напрягаюсь.

— Просто не хочу, чтобы моя сексуальная жизнь стала достоянием всего мира.

Себастьян хватает заднюю часть моей шеи, его выражение лица чуть расслабляется.

— Только Саймон знает, почему на самом деле я здесь. Я сказал ему держать меня в курсе всего, что выбивается из рамок в отношении тебя. Тот факт, что кто-то проник в твой номер, как раз укладывается в это понятие.

Мои глаза широко распахиваются:

— Кто-то влез в мой номер прошлой ночью? И подожди, почему же ты на самом деле здесь?

Он качает головой.

— Нет, за день до этого. Горничная подтвердила, что застелила твою кровать вчера, Талия.

Я моргаю.

— Но ничего больше не тронули в моей комнате. Мой ноутбук на столе. Возможно ли, что она защищает собственную шкуру, чтобы избежать увольнения?

Его рот превращается в тонкую линию, когда он сжимает мою руку.

— Может быть, тут ничего и не кроется, но за ответ, что я на самом деле тут делаю, я попрошу тебя помочь мне кое в чем.

Подведя меня к столу, он выдвигает стул.

— Присаживайся.

Понятия не имею, куда нас это приведет, но делаю все, как он сказал, пока он открывает свой портфель и раскладывает кипу маркированных бежевых папок передо мной.

— Пару месяцев назад я был нанят в помощь Полицейскому управлению Нью-Йорка в их расследовании вереницы серийных убийств. Пять рыжеволосых женщин были убиты в Нью-Йорке и его окрестностях за последние три года. Убийства остановились на два года, потом снова начались десять месяцев назад, когда еще две женщины были убиты с разницей в пять месяцев.

Мое сердце колотится в два раза чаще в ответ на тревожные новости, но я стараюсь хранить спокойствие.

— Помимо того факта, что я рыжая, как это связано со мной? Мы в Массачусетс, не в Нью-Йорке.

Он указывает на папки передо мной.

— Когда след серийного убийцы охладел, я провел собственное расследование. Еще одной общей вещью между жертвами двух последних убийств было то, что они проводили время здесь, в «Хоторне». Поэтому я попросил Тревора сделать кое-какую работу для моего бизнеса, пока я занял его место здесь, чтобы изучить всех сотрудников, которые подходили бы под профиль убийцы. Ничего не указывало на то, что убийца работает здесь. Это просто интуиция. Ниточка, за которую я решил потянуть.

— Два месяца? — спрашиваю я, быстро раскидывая папки, чтобы увидеть на каждой из девяти имя сотрудника-мужчины «Хоторна»: двух инструкторов по теннису, трех барменов, лакея, официанта, массажиста и персонального тренера. Фотография каждого подозреваемого прикреплена к обширной, на трех листах, информации. Дополнительная страница с рукописным текстом, похоже, дело рук Себастьяна.

— Это длинное расследование.

— Оно тщательное. Я планировал продолжать, пока не найду ублюдка, либо произойдет еще одно убийство где-нибудь в другом месте, что поможет отвести подозрения от здешних работников.

— Вот почему ты не хотел, чтоб я ходила куда-либо без тебя, — бормочу я, поглаживая папки.

Пальцем он проводит по моей щеке, затем приподнимает мой подбородок, поворачивая мое лицо в его сторону.

— Не только поэтому, Талия.

Я говорю себе, что теплота в его глазах ничего не значит, но не могу помешать трепету в моем животе.

— Почему ты раньше не рассказал мне об этом?

— Я не говорил, потому что начал сомневаться в своем предположении, что убийца работает здесь.

Отпустив меня, он бросает взгляд на папки.

— Даже несмотря на то, что каждый из этих мужчин подходит под профиль одинокого белого мужчины, проживавшего в Нью-Йорке в прошлом, живущего в одиночку в настоящее время и находящегося в возрасте от двадцати двух до тридцати пяти лет, ни один из работников не обнаружил в себе качеств, с которыми я сталкивался во время работы с серийными убийцами. С момента моего приезда, пара рыженьких проживали здесь без каких-либо опасных для жизни ситуаций. И, кроме случая, когда кто-то отравил твой напиток на приличном расстоянии от «Хоторна», в месте, где подобное может случиться, никаких угроз для тебя не было. Так что остались только мы с тобой, Талия. Я не хочу, чтобы хоть что-нибудь это испортило. Не сейчас.

Я хмурю лоб:

— Тогда почему ты показываешь мне эти папки сейчас?

— Потому что я не верю в совпадения. Тот факт, что рыжая купила ваучер для мужчины, который скончался в автомобильной аварии...

— Мистер Шихан мертв? — спрашиваю я, пока мой желудок ухает вниз.

Он кивает.

— Контакт Саймона в полиции подтвердил. Я попросил Саймона связаться с ним, после того как выяснил, что арендованная машина Шихана упала с моста в паре миль отсюда. Даже несмотря на отсутствие следов торможения, полиция не стала возиться с этим делом. Они не смогли связать курорт с его смертью, так как в истории его кредитной карты не отражен его визит сюда. Но вместе со смертью Шихана и смертью твоей поклонницы в начале года, на «Хоторне» висит уже четыре смерти: два предполагаемых несчастных случая и два убийства рыжих.

— Не забывай про неизвестную рыжую, которая купила ваучер отеля, — напоминаю я.

Он кивает:

— Совершенно верно. Два наших случая могут быть и не связаны, но мы не можем игнорировать тот факт, что они пересекаются. У тебя есть следственные способности, Талия. Может, свежий взгляд поможет найти что-то в этих папках, что я мог упустить. Мои навыки более тактические и сиюминутные. Пока все находится в хаосе, либо абсолютно неподвижно, я замечая то, чего не видят другие, — он кивает на бумаги, — спустя время глаз замыливается. Могла бы ты просмотреть их, пока я буду в душе?

Просмотр этих документов будет прекрасным отвлечением от мучительных раздумий о том, какие извращенные вещи он проделывал с подругой Мины.

— Не знаю, смогу ли помочь, но я постараюсь.

Благодарно кивнув, Себастьян направляется в ванную. Спустя несколько секунд он

выходит, держа мокрую нитку жемчуга, и говорит резким голосом:

— Зачем ты вымыла ее?

— Иногда чистый лист лучше, — отвечаю я, выдерживая его интенсивный взгляд.

Понимание отражается на его лице, и он сжимает пальцы вокруг ожерелья.

— Ты все слышала, не так ли?

Яжимаю плечами и опускаю взгляд на документы.

— Я не единственный, кто не спешит раскрывать свои карты, — мягко говорит он.

Подходящий момент, чтобы рассказать ему о часах, Талия. Расскажи ему, почему ты берегла их, и почему вернула. Я поднимаю голову, собираясь говорить, но он уже закрылся в ванной комнате. Я вздыхаю и шепчу:

— Расскажу, когда ты выйдешь.

Я быстро просматриваю каждую из бежевых папок. На втором круге я раскладываю их в том порядке, в какой степени они зацепили меня, прежде чем начать читать подноготную каждого более внимательно. Когда я заполняю липкие стикеры для заметок, по крайней мере, двумя вопросами к каждому из подозреваемых, в сухом остатке у меня три работника, вызвавшие мои подозрения. Сверля глазами свои заметки, я прихожу к выводу, что разлинованный лист лучше подойдет для систематизации моих мыслей.

Поднявшись, я роюсь в портфеле Себастьяна в поисках блокнота нужного размера. Не найдя требуемого, я сдвигаю отделение с папками в сторону, чтобы вытащить все, надеясь найти блокнотные листы. У него должно быть нечто подобное, чтобы вести заметки. Вместо бумаги, я нахожу еще две папки.

Первая — голубого цвета с маркировкой «Джоселин Куин». *Это мама Себастьяна? Ты не можешь читать это, Талия. Он не давал тебе это.* После того как я отвечаю на стук обслуживания номеров, любопытство берет верх. Я открываю голубую папку, надеясь увидеть фотографию и понять, на кого больше похож Себастьян, на маму или на папу. Но мое сердце оказывается в горле, и я сползаю на стул, не готовая к виду фотографий с кровавыми подробностями. Я быстро сканирую заметки полиции и газетные вырезки. Офицер полиции посчитал это неудавшейся попыткой ограбления, однако семнадцатилетний сын, Себастьян Куин, настаивает, что его мать была убита. Подозреваемые были опрошены, но никто не был арестован. Его маму убили? Почему?

Пальцами пробегаю по штампу «Дело закрыто» на обратной стороне папки, мое сердце болит за Себастьяна. Какой ужасный способ потерять маму. Я то всегда считала, что она умерла от болезни. Я начинаю засовывать папку обратно, когда меня осеняет одна догадка, что заставляет меня снова открыть папку и пробежаться глазами по отчетам полицейских.

Сын сообщает, что мать разбудила его чуть позже часа ночи, сказав ему воспользоваться телефоном из ее прикроватной тумбочке. Злоумышленник пытался взломать дверь. Когда он добирается до своей матери, злоумышленник взламывает дверной замок и стреляет в мисс Куин восемь раз. Мать падает на сына, своим телом заслоняя его от пуль.

Немного позже часа ночи? 1:11. Себастьян говорил, что он ставит будильник на это время в качестве напоминания быть усердным, осведомленным, готовым.

Почему у него файл его мамы? Он расследует ее смерть? В этом есть смысл, ведь сейчас у него есть необходимые навыки и связи, чтобы копнуть глубже, чем это сделали детективы.

Я открываю бежевую папку, заинтересованная в том, чтобы прочесть заметки Себастьяна по поводу замороженного дела его матери.

Последнее, что я ожидаю увидеть, это свою фотографию, сделанную чуть больше года назад, закрепленную внутри папки. Мои волосы все еще блондинистые, и я держу Натана за руку и смотрю на него, пока мы идем в ресторан пообедать.

Себастьян солгал! Почему он притворялся, что не знает моего имени, в то время как оно совершенно ясно повторяется на протяжении первых пары страниц этого отчета о наблюдении? Почему заставлял назвать ему его? Мой живот панически скручивает, пока я пролистываю несколько фотографий, сделанных в течение того же года, и детальных рукописных заметок о моей жизни. Насколько далеко зашел этот парень? С уверенностью могу сказать, что это не почерк Себастьяна. Почерк в досье на работников Хоторна жирный и четкий. Может, этим занимался кто-нибудь из фирмы Себастьяна?

Мои ладони потеют, пока я пробегаю глазами три страницы заметок о моей жизни в качестве студентки колледжа, фактов моей работы на газету колледжа, мое окончание учебы и статус выпускницы с отличием. Затем заметки переходят к моей начинающейся карьере в «Трибьюн». С облегчением понимаю, что заметки охватывают только последний год моего колледжа.

Да, я собиралась рассказать Себастьяну о том, как пересеклись наши пути, когда мы были подростками, как только он выйдет из ванной комнаты, но это конец. Эта папка — наглядное объяснение, почему я не назвала ему свое имя три года назад. Я не хотела, чтобы он докопался до правды. Если я скажу ему о нашем общем прошлом сейчас, я не уверена, оставит ли он все как есть, или начнет докапываться, что же именно произошло той ночью.

Беспокойство растет во мне, и я делаю глубокий успокаивающий вздох. Медленно выровняв дыхание, я смотрю в отчет о наблюдении, сбита с толку: почему человек прекратил наблюдение за мной еще до того, как я покинула «Трибьюн»? За последние полтора года я ушла из «Трибьюн», стала автором и выпустила две книги, рассталась с Натаном, но ничего из этого не отражено в отчете.

Все это не имеет смысла. Почему Себастьян позволил мне обвинять его в бездействии в моих поисках, в то время как у него был человек, занимающийся этим, по крайней мере, какое-то время?

Пытаясь найти смысл в проверке последних нескольких лет моей жизни, я снова просматриваю картинки и дубликат фотографии, прикрепленный к папке. Это увеличенная копия меня, пока держу за руку Натана. Почему увеличена только эта фотография?

Дойдя до конца папки, я замечаю новый клочок бумаги с одной лишь строчкой, написанной рукой Себастьяна: *Отслеживание телефона активировано, код доступа — 542859*. Дата активации совпадает с днем, когда Себастьян вытащил меня из того бара, тогда как раз была возможность неограниченного доступа к моему телефону.

Я прихожу в ярость, и в этот момент мой телефон пиликает, сообщая о новом эсэмэс. Смотрю на свою сумочку на столе у двери. Не могу поверить, что он прослушивает мой телефон. Поднявшись, я быстро подхожу и достаю свой телефон, пока мой мозг продолжает лихорадочно соображать. Но сейчас все обретает смысл. Прежде я недоумевала, как он нашел меня в «Пришпоренном» той ночью, или почему он, казалось, всегда знает, как найти меня на курорте. Сжав зубы, я подхожу к столу и закрываю свою папку, а затем кладу ее поверх папки его матери.

Синтия прислала эсэмэс с нашим селфи, сделанном как раз перед входом в

«Пришпоренный».

Синтия: Забыла, что сделала это фото. Фотографировала великолепный рассвет этим утром и наткнулась на нее. Ты все еще согласна на прогулку по пляжу?

Я: Да! Дай мне три минуты переодеться. Мне нужно освежить голову.

Синтия: Тогда увидимся чуть позже.

Спустя семь минут я нахожу Синтию на пляже, когда она делает фотографии восходящего солнца, отражающегося в водах океана. Конечно, она выглядит так, как будто только что сошла со страниц мореходного журнала в своих коричневых водонепроницаемых мокасынах, укороченных белых штанах, затянутых мягким ремнем из темно-коричневой кожи, и топе с вырезом-лодочкой в бело-голубую полоску. Ее шик заставляет меня чувствовать себя простушкой в шортах и майке.

— Есть хорошие кадры? — спрашиваю я, скользя руками в карманы шорт и покачиваясь на пятках.

Она улыбается и убирает телефон в сумочку, затем указывает на далекие темные облака.

— Скоро здесь будет шторм. Хотела сделать несколько фоток, чтобы выложить в свой Снэп-аккаунт, прежде чем он начнется. Все мои друзья пускают слюни над теми фотографиями, которые я делала раньше. Хорошо провела вечер? — интересуется она, с намеком играя бровями, пока мы идем по песку.

Щурясь от солнца, я смотрю вперед. Даже несмотря на то, что ветер уже начинает набирать силу, я рада тишине пляжа этим ранним утром. Пляж предоставлен только нам, за исключением пары детишек, играющих с прибоем.

— Так все и было, — сейчас я в этом уже не так уверена. — Как насчет тебя? Дэн по-прежнему мужчина номер один?

— Ну да, — сияет она. — На следующих выходных собираюсь навестить его в Мэриленде.

— Ооо, тогда это серьезно. Это же хорошо, да?

Поправив сумку на руке, уже она засовывает руки в карманы и пожимает плечами:

— Наверное. Посмотрим. Так чем занималась прошлой ночью?

Я смотрю вперед, мое внимание привлёк лодочный домик на конце пляжа с его ярким бирюзовым цветом двери и красными стенами. Цвета, безусловно, приковывают взгляд. Должно быть, только что окрашено.

— Я ужинала в круизе.

— Думаю, это хорошо, что твое последнее блюдо было вкусным, — легким тоном говорит она.

Ее комментарий настолько странный, что я оборачиваюсь к ней.

— Последнее блю...?

Ткань прижимается к моему носу и рту, ее приторно сладкий запах заглушает мои слова. Я пытаюсь вырваться, но Синтия хватается меня за талию и скрипит мне в ухо:

— Наконец настал чертов момент, когда ты одна. Этот дурацкий пилот заграбастал все твоё время.

Я борюсь с ее рукой, мои легкие наполняются чем-то неправильным и ужасным, и, чем бы она ни пропитала тряпку, — хлороформом? — это уже начинает действовать. Мои ноги немеют, а ее рука сильнее сжимает меня, прежде чем все погружается в черноту

Глава 16

Себастьян

Я долго принимаю душ, а затем трачу время еще и на бритье, чтобы дать Талии возможность просмотреть все документы. Черт, я надеюсь, она думает о них, а не о том, что она подслушала. Появление Реган стало неожиданным осложнением.

Я знаю только то, что, что бы ни происходило между нами, все это непрочно. Не потому, что я планирую бросить ее, а потому, что я абсолютно уверен, что Талия сделает это в любой момент. Все из-за того, что она шарахается от самой идеи исследовать все наши сокровенные желания. Из-за этого, а еще из-за прошлого, которое она по-прежнему держит при себе.

Секс никогда меня не пугал. Он грубый, чистый и честный. И он лучше в таком виде, чем в миксе с гребаными эмоциями, которые люди стремятся туда приплести. Мое время с Талией было самым естественным первобытным опытом, который я когда-либо имел с другой женщиной. Я не могу насытиться ею. Может, это оттого, что я не выбросил ее из своей жизни три года назад, однако с тех пор я не переставал думать о ней. Я практически одержим ею, честно говоря.

И теперь, когда я снова попробовал сладкое тело Талии, я все еще дико хочу ее. Даже сейчас, когда я думаю о ней, мои яйца болят. Это должно пугать меня до чертиков, но как ни странно это не так. Я знаю, что могу расслабиться в этом вопросе, потому что я конченный ублюдок. Талия покончит с нами прежде, чем я испорчу все, что между нами есть.

Оставлять за собой след из разрушенных отношений и людей, когда я уйду, — моя специальность. Никакое количество денег не изменит это во мне. Вынужденная дисциплина, которая прилагается к карьере «котика», на какое-то время сдерживала меня, но, к сожалению, армия не смогла спасти меня от самого себя. Я стал еще более двинутым, чем тот парень, которого Талия встретила три года назад. Тот Себастьян, возможно, и имел бы надежду на нечто большее с Талией, но сейчас от того парня осталась едва ли половина. Научиться снова взаимодействовать с жизнью, притворяясь цельным, было достаточно сложно с тех пор, как я вернулся.

На сегодняшний момент, я буду наслаждаться тем, что есть между мной и Талией, пока это не закончится. Я не позволю ей отстраниться от меня. Я действительно имею в виду то, что сказал: она моя так долго, как все это продлится. Надеюсь, я не разрушу все к чертям прежде, чем помогу ей пройти сквозь все, что больной ублюдок Хейз сделал с ней. Тогда, по крайней мере, один из нас не будет всю оставшуюся жизнь носить призраков. Прежде чем наше время закончится, я добьюсь от нее его полного имени. Он может быть в тюрьме, однако я вырос на улицах. Благодаря моим сегодняшним связям и нелегальным связям, что я получил в юности, сукин сын заплатит за все, что сделал с ней. Я позабочусь об этом.

Мысли о Талии вытягивают меня из ванной. Я говорю себе, что это потому, что я хочу посмотреть, удалось ли ей найти что-нибудь полезное в файлах, которые я дал ей. Правда же в том, что я не хочу, чтобы она слишком задумывалась о Реган. Последнее, что я хочу, это чтобы она потеряла уверенность. Мы проделали долгий путь, и я очень надеюсь, что он построен на доверии, над которым мы работали все это время.

Мои шаги замедляются, когда я захожу в пустую комнату. Я хмурюсь от вида голубых и

бежевых папок на столе, и по мере того, как я подхожу, мою грудь сдавливает.

Она нашла папку на саму себя. Бл*дь. Подняв телефон, который она оставила тут же, я нажимаю на кнопку и сразу же вижу сообщение, напечатанное на дисплее.

Оставляю телефон тебе. Гораздо легче будет отслеживать его, когда он в твоём номере.

Плохо уже то, что ты следил за мной, но не сказать, когда я спросила, пытался ли ты когда-нибудь найти меня? Даже не знаю, что бесит меня больше: тот факт, что ты вторгся в мою частную жизнь, или то, что ты ничего не сделал с той информацией, что у тебя была. В любом случае ответ будет одинаков.

Иди к черту!

— Бл*дь!

Закрыв её сообщение, я сжимаю телефон в диком желании швырнуть его об стену. Вместо этого, я оставляю телефон на столе и подхожу к стационарному телефону, чтобы набрать её номер.

Когда её телефон звонит и звонит, а потом переходит в режим автоответчика «Хоторна», я кладу трубку и быстро влезаю в джинсы и футболку.

Схватив карту-ключ, я выдвигаюсь, чтобы найти Талию, когда на её телефон приходит уведомление о новом сообщении. Хватаю его в надежде, что это от неё. Нажав на кнопку, подсвечивающую экран, тут же нахожу текст от её подруги, Кэс:

Кэс: Как дела, подружка? Куда ты пропала? Это секси-шмекси пилот занимает тебя?

Я ухмыляюсь. Если она говорила обо мне со всей подругой, может, не все ещё потеряно.

Когда сообщение её подруги исчезает, заменяясь фоновым изображением группы людей, празднично одетых, улыбающихся и размахивающих руками за столом, я кладу телефон на стопку папок. Может, я должен дать ей какое-то время и она поймет, что я искал её. Она никогда меня не искала. Не говорит ли это о чем-то?

Заметки, сделанные на стикерах, торчащих по краям некоторых папок, привлекают мое внимание. Открываю папки и просматриваю заметки Талии. Но когда дохожу до третьей папки, где она выделила несколько фраз из досье, я сажусь и начинаю читать комментарии Талии о камердинере Томми Слаусоне.

«Разговаривала с ним в бассейне и около сауны.

Каждый раз она давал мне полотенца и бутылки воды».

Также она подчеркнула адрес в Нью-Йорке, где он жил в детстве, и приписала: «Нижний Ист-Сайд». Я пробегаюсь глазами по досье на Томми Слаусона. Без отца. Мать, Бренна, умерла несколько лет назад. Судимостей нет. Нет даже штрафов за парковку.

Талия выделила, что он работал в Колумбийском университете на главный офис и театральное отделение. «Хорошее наблюдение», — бормочу я, читая дальше.

Она также приклеила листочек на фотографию, которую я сделал, когда он смеялся над

чем-то, сказанным другим работником «Хоторна». Над стрелкой, указывающей на его лицо, Талия приписала «Знакомый?». Может быть, если они встречались в кампусе.

Телефон Талии снова уведомляет о новом сообщении от Кэс.

Кэс: Ты там? Мне не терпится узнать о внушительном оснащении пилота. Не держи меня в подвешенном состоянии.

Я беру трубку, намереваясь немного поразвлечься с ее подругой, но когда текст исчезает, я смотрю на фоновое изображение.

Нахмурившись, я отсылаю фоновую картинку Талии себе на мейл, а затем быстро двигаюсь к своему ноуту, чтобы запустить мощную программу распознавания лиц.

Как только сканирование завершено, я сжимаю кулаки.

Сукин сын!

Глава 17

Талия

Мое лицо пронзает жалящая боль, и в этот же момент голова откидывается в сторону. Я задыхаюсь и открываю глаза, чтобы тут же увидеть Синтию, опирающуюся на меня так, что ее волосы болтаются на моем лице.

— Наконец-то очнулась, — она перекрикивает ветер, завывающий снаружи пропахнувшего солью помещения, в котором мы находимся. — Знаешь, тебе реально надо бы пить больше воды, Талия. Именно поэтому ты отключилась на дольше, чем я рассчитывала. Мне надо, чтобы ты бодрствовала.

На чем бы я ни лежала, это что-то жесткое. Мое лицо все еще жжет от пощечины, я пытаюсь сесть, но моя грудь и бедра привязаны к — поворачиваю голову, чтобы понять — перевернутому плоским дном каноэ. Мой взгляд мечется, чтобы охватить пространство. Доски для серфа, разные одно- и двухместные лодки и другой плавательный инвентарь расположены по стенам вокруг нас. Должно быть, мы в лодочном домике.

— Пожалуйста, Синтия, отпусти меня. Почему ты так поступаешь с подругой?

— С подругой? — Откинув голову назад, она утробно смеется, а потом встречается со мной глазами. — Я никогда не была твоей подругой. Стать твоей лучшей подружкой было лишь средством для финала.

Ее голос сейчас совсем другой. Определенно, более жесткий. Злой. Мстительный.

Синтия серийный убийца? Я думала, подозреваемым был мужчина. Так как страх за свою жизнь топит меня, я стараюсь говорить спокойно, даже несмотря на то, что глубоко внутри я вся трясусь.

— Что тебе от меня нужно?

Вместо ответа, Синтия кладет свою сумочку на другую лодку, находящуюся рядом с ней, и открывает ее. Когда она достает пару резиновых докторских перчаток и натягивает их, я начинаю кричать так громко, как могу.

— Кричи сколько влезет, — она повышает голос, чтобы перекричать меня, гром и шелест песка снаружи. Достав небольшой пузырек с красной жидкостью из сумочки, она продолжает:

— Все внутри. Наверное, уже пьют и веселятся в честь последнего вечера в «Хоторне».

Ты, конечно, к ним не присоединишься.

Я кричу еще какое-то время, затем затихаю. Лучше поберегу свои легкие для побега, если смогу выбраться из этих веревок. Синтия настолько бесстрашна, ее полное спокойствие пугает меня больше, чем, если бы она орала на меня. В панике я сжимаю и разжимаю руки, и когда мои пальцы нащупывают узел у правого бедра, я замираю. Узел! Медленно я двигаю рукой и прикрываю его.

Отвлеки ее. Заставь ее говорить, пока разбираешься с узлом.

— Я не понимаю. Я не обижала тебя. Что такого я тебе сделала?

— Что такого ты мне сделала? — секунду она смотрит на меня, а затем разражается смехом. — Ты казалась хорошей, но... — она делает паузу, а ее голубые глаза гневно сужаются. — Я знаю, каким дьяволом мы можешь быть. Я чувствовала острую боль от твоей руки, ожог от твоей плойки, шипы от прибора для отбивания мяса, глубокие следы от пряжки ремня... в основном все, до чего ты могла дотянуться своими руками. А когда это не срабатывало, ты убеждалась, что я поглощена темнотой шкафа. Так что да, я не понаслышке знаю, какая ты порочная и жестокая.

Взгляд Синтии тускнеет, когда она извергает свой гнев. Но она смотрит не на меня. Она смотрит сквозь меня, ее разум блуждает в прошлом.

— Это была не я, Синтия. Я прошу прощения за всех, кто причинил тебе боль, но это была не я... оу!

Она хватает меня за волосы и жестко дергает, ее сумасшедшие глаза сверлят меня.

— Это была ты! Он бросил меня из-за тебя. Оставил меня с твоей злобностью.

— Это была не я. Я не обижала тебя. Твоя мама обижала тебя?

— Что? Не узнаешь меня? — она усмехается, затем распрямляется и дергает себя за волосы.

Я задыхаюсь, когда ее длинные локоны отлетают в сторону. За ними следует шапочка, обнажая короткие пепельно-русые волосы. Она снимает свои накладные ресницы, а затем рукавом стирает помаду. Когда она поворачивается в мою сторону, на меня смотрит лицо Томми Слаусона, его голос становится глубже.

— Сейчас узнаешь меня, мамочка?

Мое сердце бешено бьется, частота вдохов зашкаливает.

— Как ты...

— Я стал тем, кем должен был, — он иронизирует. — Я одалживал, крал, убивал... все, что помогло бы достичь поставленных целей, мама. Целей! Того, как ты говорила, чего у меня никогда не будет.

— Посмотри на меня, — говорю я. Даже несмотря на то, что я знаю, что он не в себе, я пытаюсь рассуждать с ним, потому что инстинкт самосохранения может стать собственной отчаянной формой сумасшествия.

— Я одного возраста с тобой. Никаких шансов, что я могу быть твоей мамой. Я не она, Томми.

Звук собственного имени, казалось, выводит его из состояния ненависти. Томми трясет головой и хмурится, сложив руки.

— Как ты узнала мое имя? Я никогда не говорил тебе.

Я выпаливаю первое, что приходит на ум:

— Я видела тебя в Колумбийском.

Он выглядит обеспокоенно.

— Но я был так осторожен. Ты не видела меня. Нет! Я убедился в этом.

Как только до меня доходит, что Томми, должно быть, и был тем сталкером, который, как я решила, был плодом моего воображения в колледже, он начинает расхаживать, бормоча себе под нос:

— Он сказал мне следить за тобой. Выяснить, ты ли написала ту статью, которая разрушила все.

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Но когда я увидел тебя в первый раз, я понял, ты была большим. Честно говоря, я был рад, что мне не пришлось больше писать те письма и иметь дело с посылками.

Он понижает голос, его глаза путешествуют по моему лицу.

— Ты была намного большим, чем он мог представить. Так что я солгал и сказал ему, что не ты автор, хотя знал, что это была ты.

Записки в почте? Боже, должно быть, Томми был тем, кто клал посылки с наркотиками и подробными инструкциями в почтовые ящики студентов.

— Как ты узнал, что я написала ту статью? — шепчу я, осознав, что «Он», на которого ссылается Томми, был профессор Якобсон, человек, который шантажировал своих студентов и проводил всю наркооперацию.

Когда Томми придвигается ближе, внезапно улыбаясь, я пытаюсь не отпрянуть от него. Последнее, что я хочу сделать, это спровоцировать его. Он слишком нестабилен. Не думаю, что вывести его из себя заняло бы много времени.

С благоговением поглаживая мои волосы, он говорит:

— Я знал, что ты написала эту статью, потому что я читал все, что ты писала. Построение фраз, модели слов, все было там, если бы кто-нибудь удосужился читать их так, как это делал я. Даже после колледжа, я следил за твоей карьерой в «Трибьюн» и затем перешел к твоим книгам.

— Моим... — я сглатываю, чтобы мой голос не сорвался. — Моим книгам?

Когда он смотрит на меня, я вижу застенчивого парня, который протягивал мне полотенца и бутылки с водой эти несколько дней. Боже, сейчас его замечание, что мне надо пить больше воды, когда я очнулась, обретает смысл. Скорее всего, он добавлял в те бутылки с водой тот же препарат, который подсыпал мне в пиво в «Пришпоренном». Если бы не Себастьян, Томми схватил бы меня давным-давно.

Он кивает.

— Я большой фанат, мисс Лоун. Я даже вхожу в твой фан-клуб. Слежка за твоей карьерой некоторое время помогала мне оставаться сосредоточенным.

Внезапно темное облако заходит на его спокойные черты, когда он роется в кармане. Вынув нож, он открывает его, а его голос становится злым.

— Но затем ты подарила поездку в «Хоторн» Делии. А должна была мне!

Стиснув руку вокруг рукоятки ножа, он вонзает лезвие в борт каноэ, что заставляет его вибрировать подо мной.

Я обрываю крик ужаса, пока слезы облегчения тихо катятся по моим вискам.

— Так что я позаботился о старой карге, — продолжает он, как ни в чем не бывало, как будто нож не застрял в семи сантиметрах от моей головы. — И все это сработало, потому что я обнаружил, где ты любишь отдыхать, Талия. Здесь, в «Хоторне», я знал, что, в конце концов, найду возможность остаться с тобой наедине.

Я сглатываю, стараясь сдержать внутри стремительно растущий страх, и пытаюсь

звучать спокойно.

— А мистер Шихан?

Томми самодовольно усмехается.

— Он думал, что после смерти Делии он сможет взять клуб на себя, — наклонившись ниже, он говорит прямо мне на ухо. — Никого, кроме меня, не будет рядом с тобой. Какое-то время.

Тяжелое чувство вины за смерть Делии и Бредли оседает поверх страха. Боже, Томми совсем помешался. Не может понять, презирает ли он меня, боготворит или думает, что я его мать. Одно я знаю точно. Он ненавидит свои воспоминания, а я для него кто-то вроде боксерской груши за насильственное детство.

Отвлеки его! Перенаправь.

— Почему бы тебе не отпустить меня, и мы сможем разговаривать о книгах, сколько захочешь.

— А зачем мне это сейчас? — испустив смешок, он немного отступает назад и начинает расстегивать ремень. — Веселье только начинается!

— Пожалуйста, Томми! — умоляю я и отчаянно трясую головой, изо всех сил натягивая веревки. Я почти развязала нижний узел. Мне нужно лишь посильнее дернуть.

На секунду он замирает, немного смешавшись.

— О, ты думала, я собираюсь... — Обернув кожаную ленту ремня вокруг своей руки, он смеется. — Ты должна узнать, что я испытал. Ты должна почувствовать то, что чувствовал я.

Прежде, чем я могу хоть что-то сказать, он размахивается ремнем и пряжкой бьет по моему бедру. Я кричу от боли, что расцветает внутри меня, и рыдаю.

— Пожалуйста, Томми, остановись. Я не твоя мама.

Когда он снова раскручивает ремень, он замирает и смотрит прямо мне в глаза.

— О, я знаю это. Я наказываю именно тебя, Талия, за всю боль, что ты причинила мне. Ты несешь ответственность за все, что со мной произошло.

На этот раз он обрушивает ремень немного выше. Я пытаюсь сгруппироваться, чтобы смягчить удар, но не могу шевельнуться. Все, что я сейчас могу — это стонать от боли.

Волнение наполняет черты его лица. Он улыбается, затем снова близко наклоняется.

— Следующий придется на твою обнаженную кожу. Вот когда начнется настоящее веселье. Я буду наслаждаться видом твоей крови. К моему удовольствию, она будет повсюду.

Подбородком он указывает на бутылочку, которую оставил на лодке позади себя.

— Знаешь, зачем это?

Я качаю головой в надежде, что он остановится, хотя и знаю, что этого не произойдет.

— Когда кровь высыхает, она темнеет. А я хочу, чтобы она оставалась красной, Талия. Хочу яркости. Такой же красной, какой я видел свою собственную кровь, извергнутую повсюду! — его фраза сходит на ненавистное шипение.

Выпрямившись, он спокойно раскручивает ремень.

— Но к тому времени тебя уже не будет в живых. Эта фигня будет позже.

Подойдя ближе, он оборачивает ремень вокруг моей шеи. Я вырываюсь, умоляя его отпустить меня, но он ртом прижимается к моей щеке, его подбородок удерживает мою голову на месте, пока он скользит ремнем в пряжку.

— Я считаю это собственным отличительным знаком.

Когда я чувствую, что путы на моих ногах начинают наконец-то поддаваться, я пытаюсь передвинуть ноги на другой край каноэ в надежде, что перераспределение моего

собственного веса поможет мне освободиться, однако веревка вокруг груди продолжает удерживать меня на месте.

Как только Томми хватается мои ноги, чтобы удержать меня в каноэ, звук поворачивающейся дверной ручки привлекает его внимание за секунду до того, как Себастьян кричит своим глубоким басом, перекрывая звук ветра:

— Талия!

Схватив нож, Томми срывается назад и разрезает веревку вокруг меня, и в этот же момент тяжелая металлическая дверь распаивается.

Себастьян заходит в помещение, держа пистолет перед собой, и говорит убийственно спокойным голосом:

— Отпусти ее, Слаусон.

Томми притягивает меня к себе и приставляет кончик ножа к моему горлу. Он смеется и сильнее прижимает лезвие.

— Отвали прямо сейчас, или я воткну это поглубже. Как ты тогда спасешь ее, если она будет истекать кровью?

Себастьян даже не моргает. Он остается абсолютно неподвижным, целиком сфокусировавшись на Томми.

— Отпусти ее или умрешь.

Посмеиваясь, Томми еще сильнее придвигается ко мне, используя меня в качестве щита. Я едва чувствую свою руку, так сильно он выкрутил ее, чтобы удержать меня на месте.

— Она все для меня. Единственная причина, почему я здесь. Я не отдам ее. Ей придется умереть.

Себастьян переводит на меня взгляд своих ярко-синих глаз. Я вижу в них вопрос. Я уже видела такое прежде. *Ты мне доверяешь?* Я остаюсь совершенно неподвижной и медленно закрываю глаза.

Звук выстрела оглушает меня, и я чувствую, как пуля проходит прямо у моей щеки, прежде чем отбросить Томми назад, на лодки.

Я оказываюсь в объятиях Себастьяна, прежде чем тело Томми достигает пола.

— Бл*дь, это было близко, — хрипло шепчет он у моего виска.

Я смотрю на неподвижное тело Томми, я знаю, что он мертв. Снайперские навыки Себастьяна не оставили для него никаких шансов.

— Ты говоришь о пуле, что прошла в миллиметрах от моего лица, или о том, что я чуть не погибла? — спрашиваю я срывающимся голосом, дергая затянутый вокруг моей шеи ремень.

Себастьян снимает с меня ремень, затем поворачивает мое лицо к своему и хрипло говорит:

— Я говорю о том, что чуть не потерял тебя. Прости, Талия. За все.

Я киваю, осознавая, что нам все еще нужно будет поговорить.

— Как ты нашел нас?

Он фыркает и качает головой.

— Твоя проницательность помогла мне сложить мозаику, а твое упрямство спасло твою жизнь.

Когда я поднимаю брови, он кивает:

— Правда. Если бы ты не оставила телефон в моей комнате, я бы не знал, где начинать искать. В твоём телефоне была вся информация, чтобы я соотнес Синтию и Томми.

— Да ну? Я-то не соотнесла Синтию и Томми. Как ты смог?

— Твои заметки в папке на Томми, фоновая картинка со встречи фан-клуба на твоём телефоне, эсэмэска Синтии с селфи с тобой подсказали мне двигаться на пляж, где начинающаяся буря, к счастью, не успела скрыть ваши следы.

— Хорошо, вот так ты нас и нашел, — когда я делаю паузу и скептически смотрю на него, он пожимает плечами.

— Ну, у меня действительно есть программа по распознаванию лиц. Томми был изобретателем, сделав из себя девочку-неформала в твоём фан-клубе. Длинные прямые черные волосы и очки почти сбили меня с толку, однако он не смог изменить структуру своего лица. Программа свела на нет его маскировку. А если он уже однажды играл женщину, он мог повторить это снова. Именно так я сопоставил его лицо с лицом Синтии.

Я смотрю на него с нескрываемым благоговением.

— Но я все еще не понимаю, как ты догадался проверить фото на моем телефоне?

Он вспыхивает уверенной улыбкой.

— Где именно в Колумбийском работал Томми? Ты помнишь?

— Он работал в главном офисе и в театральном отделении, — я усмехаюсь. — Театр... вот где, видимо, он научился так хорошо маскироваться.

— Если бы ты не выделила его работу в Колумбийском, я бы не стал еще раз смотреть его досье.

Я гримасничаю:

— Выходит, ты был прав, что наши дела пересекаются.

— Они связаны?

Кивнув, я рассказываю ему, какую роль играл Томми в обороте наркотиков в колледже, который я оборвала.

Себастьян пожимает плечами.

— Я думал, это сумасшествие, что два дела могут быть связаны, но совпадений не бывает.

— Томми и был той рыжеволосой, которая заплатила Хэнку, чтобы тот купил ваучер «Хоторна».

С облегчением я выдыхаю:

— Наконец все кончено.

— Не совсем, — вздыхает Себастьян. — Нам надо будет еще раз пройти через это с Саймоном и полицией. Ты готова?

Когда я киваю, он достает из кармана джинсов мой телефон и набирает номер.

Глава 18

Талия

После целого дня, проведенного в отделении полиции, включающего быстрый перекус пиццей и подписание тонны бумажек, к тому моменту, когда мы с Себастьяном добираемся до отеля, я полностью вымотана.

— Чувствую себя так, как будто могу проспать неделю, — говорю я, привалившись к стене в лифте и закрыв глаза. — В конце концов, я могу выехать завтра поздней ночью. Могу проспать все это время.

Себастьян ворчит и нажимает кнопки лифта. Когда звенит звонок, я открываю глаза и хмурюсь, видя, что мы на этаже Себастьяна.

— Мне на пятый.

— Почему бы тебе не остаться в моем номере? Ты могла бы принять душ и пораньше завалиться в постель, если хочешь.

Я наклоняю голову:

— Все это я могу сделать и в собственном номере.

— Ты правда хочешь быть одна сегодня ночью?

Нет, не хочу, но у меня нет никаких сил для пикировок с тобой.

— С меня достаточно вопросов на сегодня.

Как только я подаюсь вперед, чтобы нажать кнопку своего этажа, Себастьян хватается за мою руку, его глаза ищут мои.

— Сделай это для меня, Талия. Я почти потерял тебя сегодня.

Беспокойство в его голосе растапливает мое сердце, поэтому я киваю и следую за ним в его номер. Как только мы входим, я говорю:

— Я в душ, чтобы смыть весь песок.

Я начинаю двигаться прочь, когда пальцы Себастьяна переплетаются с моими. Потирая большим пальцем мой, он мягко говорит:

— Что разозлило тебя больше? То, что я нарушил твои личные границы или то, что я ничего не сделал с этой информацией?

— Меня выводят из себя оба факта.

Его взгляд ищет мой.

— Я прослушивал твой телефон только за тем, чтобы быть в курсе твоих передвижений. Была вероятность, что я упустил что-то, и ты все еще была в опасности.

— Ты должен был мне сказать.

Его рот превращается в тонкую линию.

— Я не жалею, что провел время только с тобой, не вмешивая сюда дела, Талия.

Эмоции, отразившиеся в его голосе, смягчают мой гнев. И я тоже не жалею. Плюс ко всему, если бы он не прослушивал мой телефон, я бы не взбесилась настолько, и не оставила бы его в комнате, и была бы мертва, так что его инстинкты сработали. Когда я киваю, он начинает улыбаться, а я добавляю:

— Никогда так больше не делай.

Я двигаюсь, чтобы вырваться, но он усиливает хватку.

— Что я сказал тебе на той вечеринке, когда ты отказалась назвать мне свое имя? Помнишь?

— Помню, ты выбрал мое тело вместо моего имени, — усмехнувшись, отвечаю я.

Выражение его лица становится мрачным. Отпустив меня, он идет к столу, говоря мне через плечо:

— Постарайся вспомнить, пока будешь в душе.

Я принимаю очень долгий душ, делая все, чтобы соскрести следы Томми со своего разума и тела.

Пока я сушу волосы феном, мой взгляд в тысячный раз, после того, как я зашла в ванную, падает на жемчуг. Себастьян положил его на полотенце, туда же, где и нашел его сегодня утром, и определенно с тех пор больше не прикасался к нему.

Ответ на вопрос Себастьяна всплывает в моей голове, пока я пальцами взлохмачиваю

волосы.

Скользнув обратно в свое белье, майку и шорты, я открываю дверь и выхожу из туманной от пара ванной, говоря:

— Вспомнила, — но обрываю себя, когда вижу его сидящим на краешке собственной кровати; локти упираются в колени, а между пальцами болтаются часы. Я подхожу ближе и касаюсь его склоненной головы.

— Все хорошо?

Себастьян кладет часы на кровать и встает, затем дотрагивается до моей щеки, пока его голубые глаза исследуют мое лицо, как будто видя его в первый раз.

— Это была ты той ночью одиннадцать лет назад?

Мое внимание цепляется за белую коробочку и мою записку, что лежат рядом с открытой коричневой посылкой на столе. Он сказал, она пришла от его сестры. Похоже, она, наконец, нашла коробочку и отправила ее. Сморгнув слезы, я киваю.

— Я говорила тебе правду той ночью на вечеринке. Я — Рэд.

— Я знал, что ты узнала меня, — он качает головой, разочарование появляется на его лице, пока он своими пальцами поглаживает мои скулы. — Почему ты не призналась, что мы встречались прежде?

Я хватаюсь за его запястье, пока мое сердце бешено стучит.

— По очевидным причинам, я не говорю о своем прошлом.

Расстройство отражается в его глазах, затем его голос смягчается, пока он костяшками пальцев проводит по моей щеке.

— Вот откуда пошла «Радуга», да?

Мое лицо пылает.

— Это первое слово, что пришло мне в голову. Я рада, что ты, наконец, получил свои часы, Себастьян. В конце концов, ты понял, что твой отец правда заботился о тебе, и был горд тобой. Я бы хотела, чтобы они как можно раньше попали к тебе, чтобы ты поскорее начал налаживать с ним отношения. Думаю, три года спустя все же лучше, чем никогда.

Он фыркает.

— Я больше никогда не возвращался в Хэмптон. А дать Мине что-то на сохранение... просто скажу, что ты не видела ее комнату, когда жизнь наладилась. Я удивлен, что она сама себя может найти там.

— Почему ты ничего не сделал с той информацией, что собрал на меня твой сыщик?

Он отпускает меня, а его руки свободно падают по бокам.

— Я просто хотел знать, все ли у тебя хорошо. Не смотри на меня так. Ты не встретишься со мной в кафе. И не похоже, что ты пыталась найти меня.

— Я знала, что тебя не было поблизости.

Когда он хмуро смотрит на меня, я улыбаюсь и кладу руки ему на грудь.

— Но я рада знать, что ошибалась на твой счет. Ты определенно тот, на кого я могу положиться.

Себастьян заметно напрягается.

— Я не такой человек, Талия. Во мне много личностей: я покровитель, защитник, я справедлив и кристально честен, и да, я чертовски хорош в постели, но я не собираюсь вечно оставаться тут.

Я отступаю, его слова сильно меня ранят. Каждый мужчина в моей жизни, так или иначе, оставил меня. Себастьян не похож ни на одного из них.

— Я знаю другое.

Он качает головой, его челюсти сжаты.

— Нет, не знаешь.

Почему он выглядит разозленным?

— Да, знаю. В конце концов, в прошлом ты уже был кем-то, на кого можно положиться, — говорю я, глядя на край кровати.

Он хмурится и указывает на часы.

— Ты об этом говоришь? Оставить эти часы в твоём кармане было безрассудной юношеской ошибкой. Той, что уже никогда не исправить.

Ошибкой? Он читал записку от меня. Как он может не знать, насколько его слова ранят меня?

— Знаешь, я что-то так устала.

Я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

Как только я тянусь за сумочкой, он разворачивает меня обратно, его руки на моих плечах.

— Куда ты?

— Хватит с меня разговоров.

Он хмурится.

— Мы не закончили.

Я поднимаю свой подбородок, мое сердце стучит от злости, обиды и других эмоций, о которых я даже думать не хочу.

— Думаю, мы сказали достаточно.

Выражение его лица мрачнеет, а пальцы сжимают мои плечи.

— Ты права. Давай сделаем то, что у нас получается лучше всего.

Прежде, чем я могу ответить, он притягивает меня близко и оставляет обжигающий поцелуй, который посылает укол расплавленного желания по моему телу.

И только когда мои руки падают по бокам, он ставит меня спиной вплотную к двери и располагает свои ладони на деревянную поверхность по обеим сторонам от меня.

— Я дам тебе только один шанс выйти из этой двери.

Его охотничий сканирующий взгляд скользит по моему лицу, потом вниз по горлу и возвращается обратно.

— Только знай, что если ты останешься, я не стану сдерживаться. Ты должна быть чертовски уверена, использовать ли свое защитное слово. Никаких ложных тревог. Не сегодня. — Он вдыхает рядом с моей шеей; низкий, первобытный стон вибрирует глубоко в его горле. — Наказание будет мучительным.

Никогда раньше я не видела такого интенсивного голодного выражения его глаз. Мое тело так люто хочет его, что это пугает меня, но мой разум восстает против, говоря мне уходить прежде, чем он полностью завладеет единственной вещью, которую я не могу защитить от него — моим сердцем.

Будто зная о моей внутренней борьбе, и что я уже наполовину готова выйти, Себастьян целует меня прямо за ухом.

— Вместе нам чертовски потрясающе.

Его губы заставляют мою кожу покалывать, в то время как его глубокий голос разливается по моим венам подобно глотку мягкого виски.

— Есть только одна вещь, которую ты не можешь ни игнорировать, ни оспаривать, ни

понять. Наша первобытная связь. Отпусти все и пусть пылает.

Может, он и прав. Если я позволю этому воспламениться сегодня, может, это будет подобно комете; сгорит жестко и быстро, но дотла. По крайней мере, я больше не буду ощущать сильное притяжение к его мощной сущности.

Себастьян убирает руки прочь от двери и делает шаг назад, ожидая.

Мое дыхание бушует, ощущая его неуклонное внимание, но смогу ли я провести с ним еще одну ночь? Этот сексуальный мужчина с черными волосами, завораживающими голубыми глазами и греховной улыбкой заставляет мое сердце колотиться так сильно, будто оно готово выскочить из груди. Изменит ли нас сегодняшняя ночь?

Он сказал, что не стоит ждать, что он останется. Мне нужен тот, кто сделает это.

Я хватаю сумочку и открываю дверь, но ручка выскальзывает из моей руки, когда Себастьян с силой закрывает дверь, и в это же самое время он прижимается своей грудью к моей спине.

— Не уходи, Талия, — говорит он, губами касаясь моих волос.

Его надтреснутый голос пошатывает мою решимость. Себастьян — тот тип мужчин, которые никогда не умоляют. Похоже, он близок к этому, как никогда. Того факта, что он нарушает свои собственные правила, достаточно, чтобы я замерла на месте.

Когда он оборачивает свою сильную руку вокруг моей талии, сильнее прижимая меня к крепкому телу, я выпускаю сумочку и позволяю ей упасть на пол. Запустив пальцы в его волосы, я притягиваю его ближе, пока он скользит губами по моей шее.

— Знаешь, ты сводишь меня с ума, — говорит он, звуча одновременно и раздраженно, и возбужденно.

— Как и ты меня, — отвечаю я, задыхаясь, когда он стаскивает с меня майку, быстро расправляясь с лифчиком.

Как только оба предмета одежды падают на пол, Себастьян снимает рубашку. Я еле сдерживаю дыхание, когда его горячая грудь касается моей спины, а его руки скользят вниз по моим плечам.

— Помнишь, когда я заставил тебя кончить стоя? — спрашивает он бархатным голосом, пока его пальцы щиплют мои соски.

Предполагая, что мой голос может сорваться на писк, я просто киваю.

Его низкий смешок звучит в моем ухе:

— А в этот раз ты хочешь стоять?

Быстро я скольжу руками вниз по его бедрам и дальше, по передней части его джинсов, сжимая его твердую эрекцию сквозь тонкий материал.

— А ты?

Заворчав мне на ухо, он разворачивает меня и поднимает на руки, чтобы в два шага добраться до кровати.

— Куда-то спешите, мистер Блэк? — поддразниваю я, пока он укладывает меня на постель.

Добравшись до пуговицы на моих шортах, он в рекордные сроки расправляется и с ней, и с молнией.

— Наоборот, пока только сервирую стол. Изысканные блюда подаются исключительно с правильным оснащением.

Одним быстрым движением он стягивает мои шорты и замирает, видя красные рубцы на бедрах, уже начавшие чернеть и синеть.

Бьющееся во мне томительное ожидание затихает от вида ярости на лице Себастьяна. Я хватаю его руку, сжатую в кулак, и распрямляю пальцы, устраивая их на краю своих трусиков.

— Выглядит хуже, чем ощущается. Я в порядке, Себастьян.

— Я хочу еще раз пристрелить этого долбаного ублюдка, — рычит он, в то же самое время нежно проводя пальцами по рубцам. Он смотрит на меня взглядом, полным боли.

— Прости, что не пришел раньше.

Я трясую головой.

— Просто давай отпразднуем то, что я жива. Остальное заживет.

Лукавая улыбка трогает его губы.

— Это я могу, маленькая Рэд.

Вместо того чтобы сорвать с меня трусики, он нежно стягивает их, периодически останавливаясь, чтобы поцеловать эрогенные участки на моих ногах.

Затем он проделывает обратный путь вверх по моему телу и целует пупок, прежде чем встать. Я наблюдаю, как он освобождается от джинсов и нижнего белья, мои глаза прикованы к его мускулистой заднице, пока он берет пару вещей из своей прикроватной тумбочки.

Я сажусь на колени, когда он идет обратно к кровати. Проведя пальцем по дорожке из волос на животе, я оборачиваю руку вокруг его члена и подталкиваю его к себе, улыбаясь.

Он слегка хмурится, что смешит меня.

— Что? Не хочешь, чтобы я попробовала тебя? — спрашиваю я как раз перед тем, как наклоняю голову и обхватываю губами самый кончик его члена.

Он делает прерывистый вздох, а потом нежно хватается мои волосы.

— Мне нравится, но... — его фраза обрывается глубоким стоном, когда я провожу языком по его чувствительной головке.

Освободившись от моего захвата, он тянет меня к своей груди, а его рот и язык захватывают мои с доминирующим напором. Отпрянув, он прижимается своим лбом к моему.

— Гребаный ад. Ты никогда не перестанешь сводить меня с ума... лучшими способами из всех.

Хихикнув, я рассматриваю черные клочки материи, зажатые в его руке.

— Это для чего?

Что-то темное и непристойное появляется в его взгляде.

— Я купил это специально для тебя. Ложись и держись за изголовье кровати.

Когда я пытаюсь что-то сказать, он два раза качает головой туда-сюда.

— Не спорь, Талия. Это так же для тебя, как и для меня. Понятно?

Кивнув, я ложусь. Я хватаюсь за железные прутья у изголовья кровати и наблюдаю, как он оборачивает черную ткань вокруг моего запястья, а потом говорю:

— Будь нежнее, ладно? Еще немножко болит с прошлой ночи.

Улыбка Чеширского кота появляется на лице Себастьяна, и я подпрыгиваю от следующего узла, который он только что затянул. Скрестив ноги, я сцепляю их в лодыжках.

— Хмм, думаю, я закрыта для дел на сегодня, тем более что ты выглядишь слишком довольным на мой счет.

— Закрыта для дел, хах? — Себастьян сжимает мой подбородок и жестко целует меня. Кусая мою нижнюю губу, он усмехается, отстраняясь. — Боже, люблю твой нахальный рот.

Я хмурюсь, решив держать свои ноги сомкнутыми, как прежде.

— Я серьезно.

Он пальцем проводит по моему носу, затем по подбородку, под челюстью, до ямочки на моей шее.

— Посмотрим, может, я заставлю тебя открыться, может даже устроим горящую распродажу, хм?

Высокомерный засранец.

— Ха, удачи!

Себастьян глубоко, довольно усмехается.

— О, я намерен стать самым убедительным посетителем и лучшим клиентом на свете. Может, начнем?

Я чуть сужаю глаза, не вполне доверяя его веселости.

— Давай, попробуй.

— О, не сомневайся, милая, — говорит он, а затем движется и оборачивает другой черный кусок материи вокруг моих глаз.

— Ну вот, — говорит он, сдвигая ткань вниз так, что она полностью закрывает мои глаза, но не затрудняет дыхание.

Полоска ткани затянута достаточно, чтобы не сдвигаться, но я прекрасно вижу сквозь замысловатое черное кружево.

— Если твоя цель — ослепить меня, то, думаю, ты промахнулся с материалом.

— Ты можешь видеть меня, так? — когда я вздыхаю от того, что мои подтрунивания не произвели на него нужного эффекта, и киваю, он придвигается ближе и шепчет мне на ухо: — Скоро ты узнаешь, почему я хозяин твоей радуги, Талия.

Когда до меня доходит смысл его слов, Себастьян быстро седлает мои бедра, но не переносит на них весь свой вес. Вместо этого, он медленно скользит руками по моим рукам, начав с запястий, затем проводит пальцами вниз, по мягкой внутренней поверхности рук.

Я пытаюсь не реагировать на его прикосновения, даже несмотря на то, что они ощущаются настолько интимными и личными. Когда очередь доходит до моего лица, он наклоняется и кусает мочку, поглаживая мой подбородок, повторяя весь путь губами в неторопливом темпе.

Застыв напротив моего горла, он касается цепочки.

— Той ночью у тебя было два сердечка на этой цепочке, да? Почему она настолько важна для тебя?

Я сглатываю от внезапной грусти, которую вызывает его вопрос.

— У меня было два, но второе сердечко находится в лучшем месте, сдерживая то обещание, что я дала в честь Амелии.

Его взгляд прикован к моему, сочувствие отражается в темных глубинах его глаз.

— Мне так жаль, что ты потеряла сестру.

— А мне жаль, что ты потерял маму таким ужасным способом.

Вспышка боли появляется в его глазах прежде, чем он кивает.

Нагнувшись, он нежно целует ключицу, а затем движется ниже к моей груди.

— Помнишь, что я сказал, когда ты отказалась назвать мне свое имя той ночью? — спрашивает он охрипшим голосом, а затем оставляет поцелуй на выпуклости моей груди.

— Ты сказал, что просто будешь называть меня своей, — отвечаю я, пытаюсь говорить ровным голосом.

— Хммм, ты — моя, — хрипит он собственническим голосом, и в этот же момент сдвигает мои груди вместе. Он погружает свой в ложбинку, которую сам же и создал, мурча — Это мое второе любимое место на тебе.

— Второе любимое? — спрашиваю я, пытаюсь отгородиться от его слов.

Он поднимает голову, его брови подняты, пока он пальцами скользит по моим соскам в эротичном терзании.

— Мое самое любимое место на данный момент закрыто, но... — защебив мои соски, он усмехается, видя, как я выгибаюсь в удовольствии и боли, что он причинил. — Думаю, я вижу движение внутри. А может, и свет кое-где включен.

Он перекачивает мои соски между своими пальцами, доставляя такое удовольствие, что я ахаю, а между ног жестко пульсирует. И как только я начинаю извиваться, Себастьян командует:

— Раздвинь свои ноги.

— Ни за что! — качаю головой из стороны в сторону. — Слишком легко отделался. Я так просто не сдамся.

Он тянет за мои соски, затем большими пальцами потирает их нижнюю часть. Я задыхаюсь, наслаждаясь новым эротическим ощущением, которого я не испытывала никогда раньше.

— Сейчас же, Талия. Это не просьба, — отрывисто говорит он. — Обещаю не трогать тебя там, пока сама не будешь умолять об этом.

— Отлично! — фыркаю я, уже ощущая отсутствие трения, которое обеспечивали сведенные ноги.

Мне также не хватает беспрепятственной возможности видеть великолепные глаза Себастьяна и его тело, но этот нуарный вид тоже чертовски сексуален. Определенно, таким образом я ощущаю все более интенсивно, так как мой ограниченный обзор заставляет меня фокусироваться только на том, что происходит прямо напротив меня, не растрачиваясь на что-то еще вокруг. Уверена, именно этого намеревался достичь Себастьян, заставляя надеть повязку. Он хотел быть центром моего внимания.

Наклонившись вперед, Себастьян засасывает сосок глубоко в рот и жестко сосет, прижимая его к своду своего рта. Я стону и почти соскакиваю с кровати, настолько я возбужденная и мокрая.

Он поднимает голову, даря мне понимающую улыбку.

— Готова отпереть замок и открыть двери?

Я трясую головой, несмотря на то, что дрожу. Себастьян делает вдох.

— Чувствую запах твоего возбуждения, Талия. Этот сладкий запах манит меня, как красная тряпка быка. Ты уверена? — подталкивает он меня, выкручивая мои соски с грешным, беспощадным мастерством.

Я ставлю ступни на кровать и выгибаю спину, находясь в таком состоянии, что чуть не сбрасываю Себастьяна. И хоть он посмеивается надо мной, я планирую его переплюнуть.

Когда он внезапно встает и идет в ванную, я кричу ему вслед с самодовольством в голосе:

— Так быстро сдаешься?

Он возвращается обратно в комнату с мочалкой в руке, его твердая эрекция подпрыгивает к животу в такт уверенным шагам.

— Что ты затеял? — начинаю скрещивать ноги, но он качает головой.

— Держи ноги на месте и верь мне, я держу свое слово.

Он говорит так серьезно, что я снова развожу ноги в стороны и воплю от прикосновения холодной материи, которой он промокает меня.

— Она ледяная! — выкрикиваю я, но позволяя ему держать ее на мне.

Он кивает.

— Так и должно быть. Там болит, потому что все опухло. Холод снимет отек.

После Себастьян мучает меня еще двумя раундами холодных компрессов, а потом приближается к кровати, его темные брови подняты вверх.

— Лучше?

— Понятия не имею. Я ничего не чувствую там, все онемело. Думаю, магазин не открывается из-за гололеда.

— Тебе просто необходимо оттаять, — усмехнувшись, Себастьян ставит одно колено на кровать и наклоняется, чтобы обдуть мое тело теплым воздухом.

— Это жульничество!

Когда я начинаю извиваться, он держит меня на месте своим фирменным захватом.

— Оставайся на месте. Я обещал, что не трону тебя, и я не буду, — его голубые глаза берут мои глаза в плен. — Но не стесняйся сообщить, когда достаточно разогреешься.

Он снова придвигается ко мне, делясь своим теплом, и этим сводя меня с ума. Пару минут спустя, я начинаю извиваться и пытаюсь якобы случайно наткнуться на его рот в надежде, что он не сможет сопротивляться и останется там, где приземлился. Не то чтобы, я собираюсь ему в этом признаваться.

— Я хотел, чтоб ты назвала свое имя добровольно, Талия. Именно это я сказал тебе, когда ты отказалась мне его называть.

Я удивлена, что он вернулся к нашей прежней дискуссии, но я жду, что он еще скажет.

— Именно поэтому я не позволил своему сыщику заглядывать в твое прошлое до нашей встречи. Я хотел, чтобы ты сама рассказала. Хотел, чтобы ты сама заполнила пробелы.

— Делиться должны обе стороны, Себастьян, — выпаливаю я, когда его рот случайно касается меня там. — Тот будильник на твоих часах как-то связан со смертью твоей мамы, верно?

Он просовывает руку под мое бедро и кладет подбородок на сгиб моей ноги.

— Этого не было в отчете, но полиция пыталась обвинить мою мать в распространении наркотиков или какой-либо другой незаконной деятельности, потому что я сказал, что был звонок на ее телефон, о котором я ничего не знал, — его рука на моем бедре напрягается. — Мне пришлось слушать, как те засранцы говорили, что, вероятно, именно поэтому ее и застрелили.

Он не ответил на мой вопрос о будильнике, который он ставит, но он хоть чем-то поделился. Боясь надавить слишком сильно, я спрашиваю:

— Ты знаешь, откуда был тот звонок?

Он кивает, проводя щекой по моему бедру.

— Мой отец. Позже он сказал, что однажды мама выяснила, что уже ничто не сможет спасти ее жизнь, и пришла к нему, чтобы рассказать обо мне. Она хотела удостовериться, что я не останусь один, когда ее не станет. Именно тогда он дал ей телефон.

Я прижимаю бедро к его челюсти, касаясь его единственным способом, каким могу.

— Он не знал о тебе?

Медленно он качает головой.

— Думаю, она боялась, что он заберет меня от нее. Как же она ошибалась...

Горечь, прозвучавшая в его голосе, ранит меня в самое сердце.

— Он сказал, что чувствует к тебе, на твоих часах, Себастьян.

Единственным ответом Себастьяна становится поцелуй в живот, его хватка на моих бедрах становится жестче, прежде чем его рот придвигается ближе, его глубокий голос вибрирует так близко к моей киске, что я почти могу чувствовать его.

— Ты такая красивая. — Он испускает низкий рык, оставаясь полностью сфокусированным на моей мокрой киске. — Я голодающий человек, которого жутко дразнят великолепным угощением по имени Талия, подобным пяти сменам блюд.

— Есть так много, чего я не знаю о тебе, — говорю я, пытаюсь заставить его открыться больше.

— Все, что я могу, это смотреть и представлять твой сладкий вкус, и насколько хорошо ощущается мой язык, погруженный глубоко внутрь тебя, делая тебя еще более влажной. И насколько я наслаждаюсь твоими соками, скользящими по моему горлу, такими сладкими и мускусными, выдержанными в желании. Для меня, — он заканчивает с отчаянным рыком.

Когда его взгляд впериается в мой, меня губит вид чистейшего голода, отраженного в нем.

— Ты победил... — начинаю я, но рот Себастьяна уже на мне, его пальцы широко раскрывают меня, язык толкается, а затем жадно меня поглощает. Всю меня. Я настолько воспалена, что ему нет нужды засовывать в меня пальцы. В секунду, когда его горячий рот накрывает мой клитор, оргазм разрывает все мое тело в мощных, граничащих с болью, сокращениях. Ощущение настолько нереальное, что я вижу цветные всплески позади своих плотно закрытых глаз. Каждый цвет радуги, черт бы побрал его талантливый рот. Я обездвижена полосками ткани и сильно вдавливаюсь в его рот, требуя большего, обожая каждую секунду того, что он мастерски дает.

Когда я затихаю и лежу, тяжело дыша от пережитого взрыва, Себастьян движется и развязывает мои запястья. Сняв повязку, он хватает меня за талию и переворачивается на спину, увлекая меня за собой. Он прижимает губы к моей щеке, затем полностью затаскивает меня на себя, его голос охрип от необходимости.

— Трахни меня, Талия.

Мы стонем в унисон, когда я скольжу по его эрекции. Руки Себастьяна крепко сжимают мою задницу. Похоже, он хочет направлять меня, поэтому я склоняюсь и прижимаюсь своей грудью к его груди.

— Покажи мне, как именно тебе нравится.

В его взгляде сияют теплые вспышки, когда я сажусь и позволяю ему наполнить себя, полностью меня взять.

— Боже, ты ощущаешься так чертовски хорошо. Просто двигайся, сладкая.

Когда я качаю бедрами, а затем вращаю ими по кругу, мышцы на шее Себастьяна натягиваются, его руки сжимают мои бедра.

— Бл*дь! Все, что ты делаешь, ощущается потрясающе.

Когда он подается вверх, я задыхаюсь от глубины проникновения, но когда я повторяю эти приятные телодвижения, мое влагалище начинает сокращаться.

— Все, что мы делаем, ощущается потрясающе.

Я задыхаюсь от нового нахлынувшего оргазма.

Себастьян еще дважды жестко и глубоко толкается в меня, а затем рычит от

удовольствия, пришедшего с оргазмом.

Я обрушиваюсь к нему на грудь, утыкаясь носом в его кожу, вдыхая этот замечательный запах. Я никогда не надышусь им.

Себастьян перекашивает нас на бок, рукой придерживая мои бедра, чтобы наши тела не разъединились. Он все еще тяжело дышит, затем, проведя носом по моей шее, с удовлетворением говорит:

— Не откажусь провести так всю ночь. — Когда наше дыхание выравнивается, он проводит пальцем по моей щеке. — Расскажи мне о той ночи, когда я довез тебя до дома. Ты сбежала из-за Хейза?

Я начинаю отворачиваться, но он обхватывает мою голову и удерживает меня на месте.

— Расскажи мне.

Я медленно выдыхаю, успокаивая дыхание, мое сердце колотится.

— Эта та ночь, когда погибла Амелия.

Его хватка на мне крепнет.

— Что случилось?

Я удерживаю свой взгляд на нем, потому что знаю, что, закрыв глаза, снова увижу всю сцену целиком в своей голове. Как сотни раз прежде.

— Уолт убил ее.

От вида шока на его лице, я продолжаю:

— Он не хотел убивать ее, но мог предотвратить убийство. Эта сладкая маленькая девочка была всем для меня.

— Как можно случайно убить своего ребенка? — недоверчиво спрашивает он.

Больше я не могу сказать ничего. Просто... не могу. Я трясусь головой, и слеза катится по щеке.

Вздохнув, он стирает влагу с моего носа.

— Больше никаких разговоров о прошлом сегодня.

Я киваю и прижимаюсь лицом к его груди, а он пальцами скользит в мои волосы.

Когда я прислушиваюсь к его дыханию несколько минут спустя, я вспоминаю, как мало сна мы получили прошлой ночью. Немного отклонившись, я ложусь, борясь со сном, рассматривая его длинные черные ресницы, покоящиеся на его великолепном лице. Не могу поверить, как даже что-то такое простое в нем привлекает меня. Он выглядит таким доступным, когда спит.

Почему ты всегда открываешься мне, когда мы в постели, Себастьян? И даже тогда, ты делишься не всем, оставляя большую часть укрытой в тени. Я знаю, почему я сдерживаюсь, а какая история у тебя? И снова, меня трахнули в тени. Но, черт возьми, ты в этом превосходишь.

Я вытягиваю руку и касаюсь его челюсти, изучая его привлекательные черты, запоминая их.

Я уважаю и ценю так многое в тебе, но больше всего твою грубоватую честность, даже если она ранит. Хотела бы я, чтобы между нами было все так же легко и просто, как обниматься всю ночь, но осознание, что однажды ты уйдешь, не то, с чем я смогу справиться.

Себастьян

Я поворачиваюсь и слепо шарю рукой в поисках Талии, намереваясь захватить ее в свои сонные теплые объятия, но мои пальцы натыкаются лишь на холодную простынь. Сон как рукой снимает, я поднимаю голову и кричу в сторону ванной:

— Талия?

Когда она не отвечает, я вскакиваю с кровати и просовываю голову в дверь. Пусто. И тогда я обнаруживаю отсутствие ее одежды и сумочки.

— Что за херня?

Зарывшись рукой в волосы, я набираю ее номер, но она не отвечает.

Чувство огорчения крепнет, пока я одеваюсь, и тогда я, наконец, замечаю записку, которую она оставила для меня на столе.

Не знаю, как и благодарить тебя за то, что оберегал меня эти последние дни. Без тебя меня бы здесь не было. Я ценю все, что ты сделал, начиная с поддержки, которую ты оказал, помогая столкнуться с событиями прошлого, и заканчивая созданием новых воспоминаний, которые я буду хранить всю жизнь. А сейчас ты свободный от обязательств. Я взяла ранний обратный паром, чтобы ты смог поспать. Береги себя, мистер Блэк.

С любовью,

Скарлетт Рэд.

Скомкав бумагу в тугой шарик, я запускаю его через всю комнату, выкрикивая:

— Какого черта она ушла?

Она говорила, что может не возвращаться до сегодняшнего вечера. Мы могли бы провести вместе целый день. Что такого я сказал или сделал, что так ее расстроило? Я зарываюсь пальцами в волосы и начинаю расхаживать, пытаюсь вспомнить. Было видно, что она больше не хотела обсуждать свое прошлое, поэтому я не давил на нее с этим прошлой ночью. Единственный момент, когда она расстроилась при мне и чуть не ушла, был тогда, когда я говорил о часах. Но почему?

Я знаю одного человека, у которого может быть ключ к разгадке. Я прекращаю расхаживать и открываю ноутбук. Кликнув на программу с видео-связью, я набираю Мину.

— Так вот как ты выглядишь, когда не в костюме и не в форме, — поддразнивает меня Мина, как только ее лицо появляется на экране. — Мне нравишься неряшливый ты.

Поскребя свою утреннюю щетину, я замечаю золотое сердечко на ее цепочке.

— Я знал, что уже видел его прежде.

Она хмурит брови и заправляет прядь светлых волос за ухо.

— Видел что?

Я киваю в ее сторону.

— Сердце на цепочке, которое ты носишь. Талия отдала тебе его, да?

Карие глаза моей сестры широко распахиваются.

— Она назвала тебе свое имя?

— Ты все это время его знала? — спрашиваю я, хмурясь.

Мина дотрагивается до сердечка.

— Мы дали обещания друг другу той ночью, Себастьян. Это сердечко предназначалось

для ее сестры, которая умерла. Она сказала, что мой цвет волос напоминают ей об Амелии, и это так здорово, увидеть, какой бы она могла стать, когда вырастет. Талия заставила меня пообещать, что я не выдам ее имя, а она в свою очередь не назовет мое в той статье. — Замолчав, она улыбается. — Ты получил посылку, которую я отправила? Талия принесла коробочку для тебя на следующее утро.

Тот факт, что Талия так и не показалась в кафе, однако пошла ко мне домой, по-настоящему бесит меня. Стиснув зубы, я пытаюсь оставаться сосредоточенным.

— Хорошо было бы получить ее прежде, чем минуло три года, Мина.

Лицо Мины краснеет.

— Извини, Себ. Ты же знаешь, какой беспорядок царит в моей комнате. Я отложила коробочку подальше, чтобы она случайно не попала в мусор. А потом совершенно о ней позабыла, пока мне не пришлось убирать комнату для мамы, — не сбиваясь с ритма, она взволнованно спрашивает: — Ну, так что было в коробочке?

— Ты не знаешь?

Она качает головой.

— *Это радуга*, — так сказала Талия, когда я ее об этом спросила.

Я трогаю запястье.

— Это часы, которых я лишился, когда мне было семнадцать. Те, которые, как думала твоя мать, я заложил.

Мина морщится.

— Когда дело касается тебя, мама может быть такой сухой. Как так случилось, что часы оказались у Талии?

Я качаю головой.

— Это долгая история. Это все, что сказала Талия, когда отдала тебе коробочку?

Мина кивает, ее светлые брови сходятся.

— Внутри была записка или что-то такое?

Я киваю и беру записку со стола.

— Да.

— Ну и? — Мина быстро крутит рукой. — Что сказано в записке?

Никогда не забуду удивленный вид Изабель, когда отец кричал на меня за потерю часов. Она выглядела так, как будто не знала, что он купил их, но она точно зацепилась за тот факт, что я потерял нечто такое дорогое. Готов спорить, не знала она ничего и о гравировке на задней части. Если я покажу ее Мине, она не даст матери спуска. Многое бы отдал, чтобы увидеть лицо Изабель. Я разворачиваю записку так, чтобы Мина сама прочитала ее.

— Так и держи, — командует Мина, прежде чем начать зачитывать вслух.

Думаю, ты мог позабыть, как выглядит радуга, поэтому настала моя очередь показать тебе точно, где смотреть. У меня такое чувство, что ты никогда не замечал надпись на их задней поверхности. Прочитай ее и знай, что он любит тебя. Он гордится тобой. Помни, семья всегда прощает.

Будь молодцом, Блэки.

Рэд.

Когда я начинаю опускать записку, Мина взволнованно говорит:

— Я еще не закончила читать. Верни на место!

Я фыркаю и роняю бумажку.

— Это все. Больше ничего в записке нет.

Мина щелкает пальцами.

— Себастьян Куин Блэйк, верни записку, чтобы я смогла прочитать ее. Там был постскрипtum. Я хочу видеть окончание.

Тряся головой, я поднимаю записку и читаю все то же самое, что и она.

— Да все. Только ты со своим синдромом беременных видишь этот П.С.

Мина закатывает глаза.

— Если ты сейчас же не вернешь на место записку, я проползу через этот экран и задую тебя.

— Это все гормоны, да? — усмехаюсь я и снова поднимаю письмо для Мины.

P.S.: Ты не представляешь, что значат для меня эти часы. Когда я увидела гравировку на внутренней стороне, я не смогла продать их, но осознание, что они со мной, чувство комфорта и защищенности, которое они несли, было всем, что мне нужно, чтобы делать шаг за шагом. Спасибо тебе за радугу.

Я хватаю письмо и плююсь на страницу, затем сминаю его рукой, матерясь:

— Гребаный ад!

Не удивительно, что Талия так расстроилась. Я сказал ей, что отдать эти часы было безумной ошибкой, которую я не могу исправить. А эти часы значили все для нее.

— Ты дал их ей в ту ночь, да, Себ? — спрашивает Мина. — Ты отдал их, думая, что они ей нужнее. Это именно то, что ты должен был сделать.

Когда я киваю и резко втягиваю воздух, моя сестра нахмуривает свои светлые брови и тихонько спрашивает:

— Ты смотрел прямо на бумагу и был непреклонен в том, что там ничего нет. Есть какая-то причина, по которой ты не хотел признавать существование последней части?

Я разглаживаю записку и сверлю ее глазами, запустив руки в волосы. *Как мне сделать все правильно с Талией?*

— Я просто не могу прочитать это.

— Только не говори мне, что ты из тех дотошных чуваков, которых интересуют только черные чернила, — говорит Мина, ее тон становится отрывистым. — Ну, она написала последнюю часть зелеными. Подумаешь. Главное же послы.

Схватив себя за волосы, я ловлю ее взгляд, во мне взрываются разочарование и гнев.

— Нет, Мина, я, бл*дь, буквально не могу прочесть это!

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net